

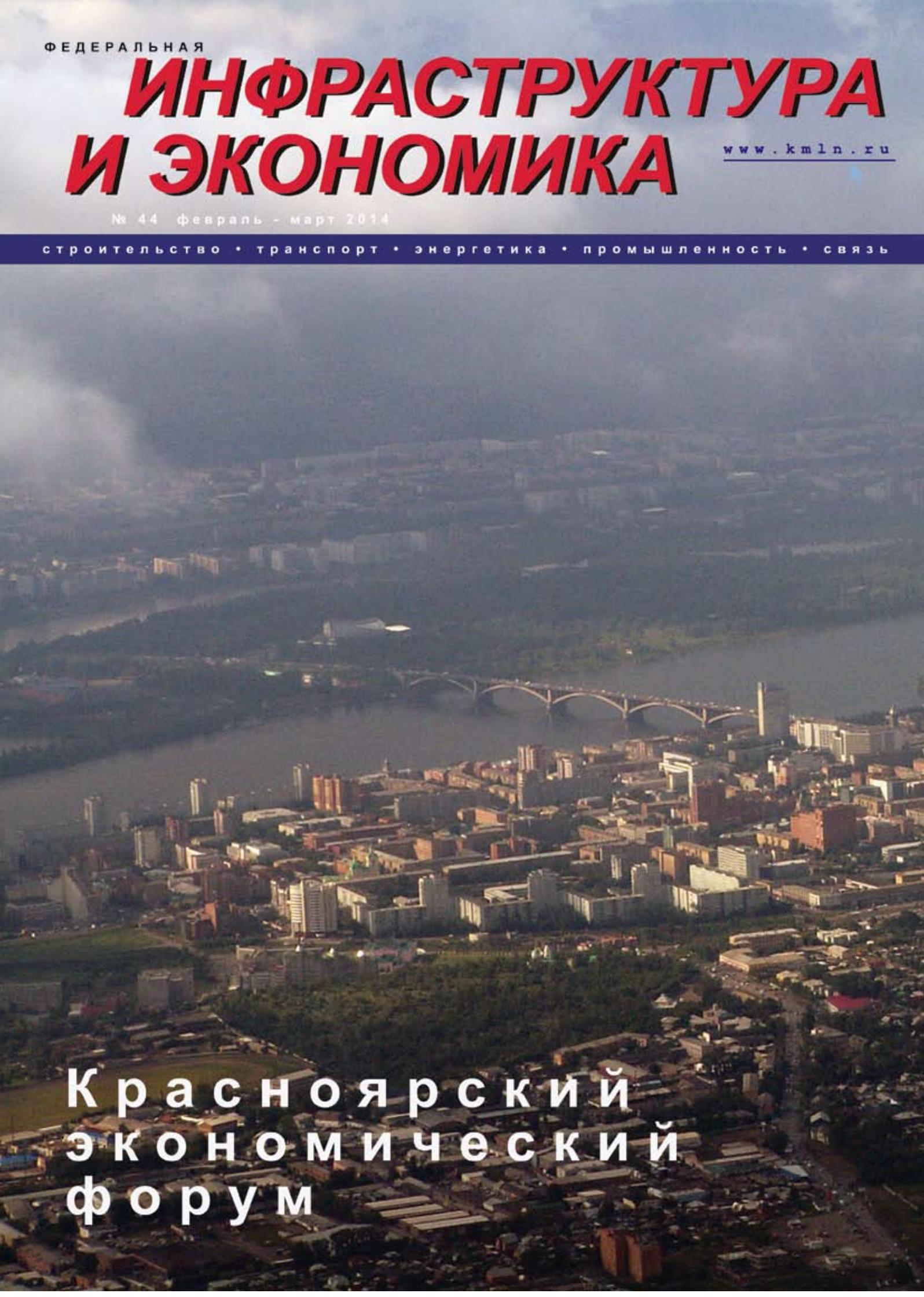
ФЕДЕРАЛЬНАЯ

ИНФРАСТРУКТУРА И ЭКОНОМИКА

www.kmin.ru

№ 44 февраль - март 2014

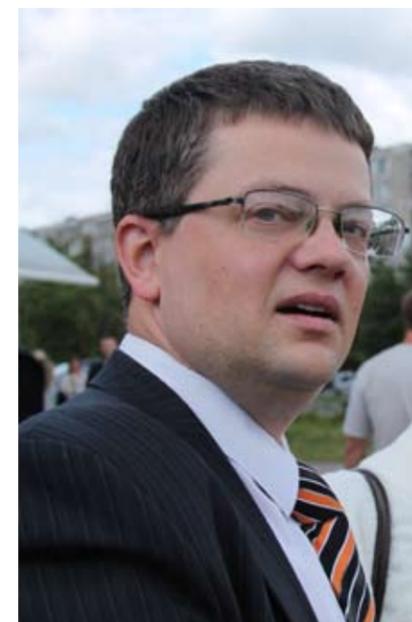
строительство • транспорт • энергетика • промышленность • связь

An aerial photograph of a city, likely Krasnoyarsk, showing a wide river with a large multi-arched bridge crossing it. The city buildings are densely packed, and the sky is overcast.

Красноярский
экономический
форум

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ: ВРЕМЯ ПРОСТЫХ РЕШЕНИЙ ПРОШЛО?	4
НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ РОСТА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ	8
ТЕРРИТОРИИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ — «ВОСТОЧНЫЙ ЭКСПРЕСС»	20
УПРАВЛЕНИЕ КРУПНЫМИ ПРОЕКТАМИ: КАК НАМ ОБУСТРОИТЬ СИБИРЬ	32
ВОСТОЧНЫЙ ПОЛИГОН: ИСТОЧНИК РОСТА ИЛИ ПРОБЛЕМ?	40
НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ РОСТА В ДЕЙСТВИИ	46

Красноярский экономический форум 2014-го года, которому мы посвящаем очередной выпуск нашей "Инфраструктуры и экономики", состоялся вскоре после триумфального завершения зимней сочинской олимпиады - но настроение у участников не было похоже на праздничное, хотя впрочем и озабоченным его не назвать: скорей, настороженное вглядывание в день грядущий, с вопросом Ленского: что он готовит? Экономический рост или как уже непривычно? Подъём или некоторые неприятности? Приход инвесторов или их бегство сломя голову?

Главная задача текущего момента, как неоднократно отмечали выступающие - это поиск новых возможностей для роста экономики. Сырьевые возможности оказались практически исчерпаны, да и амбиции страны, некогда шедшей вровень с ведущими технологическими державами - как минимум, в энергетике, оборонке, космосе - уже не исчерпываются ролью огромной бензоколонки для золотого миллиарда. Мы готовили эти материалы в марте; на тот момент, когда в Красноярске велись дискуссии и произносились речи, никто ещё и представить не мог - насколько стремительно изменится внешнеполитическая конъюнктура по мере того, как наша страна будет поневоле вовлекаться в украинский кризис. Теперь уже можно сказать с высокой степенью уверенности, что надежды на "заграницу нам поможет" вполне пора оставить в прошлом - и выгрести самим. Или, как минимум, с опорой на новых партнёров.

С уважением главный редактор
Алексей Комольцев

Учредитель: ИП Комольцев А.В.
Адрес редакции: 198261 Санкт-Петербург,
ул. Бурцева, д. 13, кв. 62
Тел./факс (812) 910-6978, (495) 776-8190
Свидетельство о регистрации СМИ от 24.10.2006 г. ПИ
№ ФС77-25896, выдано Федеральной службой по над-
зору за соблюдением законодательства в сфере мас-
совых коммуникаций и охране культурного наследия
Издатель, главный редактор: предприниматель
Алексей КОМОЛЬЦЕВ
komolcev_av@rambler.ru

Бухгалтер: Олег НОГА
Корреспонденты: Ольга ЛОСКУТОВА, Сергей ВАСИЛЬЕВ
Дизайн: Лариса МИТРОФАНОВА
Расшифровка: Алина НЕИЗВЕСТНАЯ,
Александра ХОМУТКОВА
Редактор по рекламе: Ольга ФЕДОРОВА
komolion@rambler.ru
Корректор: Мария ДОБРОВА

<http://www.kmln.ru>

Подписано в печать 30 марта 2014 г.
Публикации, сопровождаемые блоком адресной
информации, модули на обложках журнала, и
статьи, помеченные значком ●, публикуются
на правах рекламы.
Полиграфическая версия печатается в
типографии ООО «Цветпринт», г. Санкт-
Петербург Роменская ул., д. 10к
Установочный тираж 3000 экз.

Экономический рост: время простых решений прошло?

В 2013 году темпы роста ВВП составили 1,3 % — примерно в три раза меньше, чем изначально планировалось; статистика за начало года также не внушает оптимизма. Однако еще летом был принят антикризисный план, призванный стимулировать экономический рост и выйти на более приемлемые цифры. Чего, однако не получилось. Почему не сбавают меры, предпринимаемые правительством для экономического роста? Модератор: Максим Товкайло, «Ведомости».

У нас на 70 % реализуется дорожная карта национальной предпринимательской инициативы, есть отставания по некоторым пунктам, но в целом больше половины реализовано и реализуется. В любом случае, я лично, когда принимался пакет, не рассчитывал, что в прошлом году или даже в этом мы выйдем на те темпы роста, которые нам нужны. Скорее речь шла про 2015-2016 годы, что мы тогда выйдем на темпы роста ближе к 4 %, а не сейчас.

— Аркадий Дворкович: Проблемы действительно есть. Набор мер, который не ограничивается антикризисным планом, а включает в себя в целом все планы правительства, я считаю достаточным, хотя всегда хочется большего. Если не брать за точку отчета какой-то один документ, в целом планы правительства — достаточный набор мер. Часть их них еще не работает, но многие находятся в стадии реализации. Мы предъявляем к самим себе повышенные требования и всегда недовольны собой, и это нормально; вправо сказать, что у нас есть проблемы с реализацией части задуманных мер. Часть мер реализуется не так быстро, как бы хотелось. Не думаю, что это касается именно малого бизнеса, там все финансовые решения приняты. Задержки были, но в целом решения приняты, и теперь всё зависит от расторопности институтов развития и регионов, насколько быстро будет реализовываться принятый пакет мер.

Так же у нас на 70 % реализуется дорожная карта национальной предпринимательской инициативы, есть отставания по некоторым пунктам, но в целом больше половины реализовано и реализуется. В любом случае, я лично, когда принимался пакет, не рассчитывал, что в прошлом году или даже в этом мы выйдем на те темпы роста, которые нам нужны. Скорее речь шла про 2015-2016 годы, что мы тогда выйдем на темпы роста ближе к 4 %, а не сейчас.

— *Меньше поручений — больше дел. Вопрос к Сергею Юрьевичу Белякову, Минэкономразвития. Летом прошлого года Андрей Клепач заявил, что выполнение указов Президента под угрозой, потому что для их выполнения нужен ежегодный рост примерно 4 % или больше. По новому прогнозу Минэкономразвития в течение ближайших трех лет рост вряд ли превысит 3 %. В связи с этим провокационный вопрос: исполнение предвыборных обещаний откладывается?*

— Сергей Беляков: Нет, и никакой угрозы исполнения указов Президента безусловно нет. Неправильно было бы комментировать слова другого заместителя министра, но дискуссия у нас в министерстве идет, — не о том,

выполним или нет, а о цене действий, который мы предпринимаем, их последствиях, и насколько можно сформировать систему и гарантировать устойчивый экономический рост, и насколько безболезненным может быть выполнение указов. Но никаких рисков для исполнения указов нет, заявляю об этом со всей ответственностью.

— *Что мешает правительству модернизировать бюджетную сферу, сферу ЖКХ без каких-то дополнительных инвестиций из бюджета? Сейчас очень модно и очень часто мы говорим — нам не хватает экономического роста, не хватает доходов, денег для реализации указов. Что мешает провести именно структурные реформы?*

— Сергей Беляков: У нас есть ряд законодательных инициатив, находящихся в разной степени реализации. Они направлены на то, чтобы позволить приходиться частному капиталу и выполнять задачу модернизации в том числе ЖКХ, зарабатывать на инвестициях, обеспечивая возвратность. Мы до недавнего времени могли себе позволить роскошь инвестировать в такие проекты за счет бюджета; теперь такой возможности нет, и скажу неоднозначную вещь — слава Богу. Благодаря отсутствию бюджетного финансирования мы ищем способы привлекать частный капитал. Это не уникальная ситуация, многие страны пошли по этому пути. У нас недостаточно опыта реализации проектов частно-государственного партнерства инвестиционных проектов немного. Чтобы запустить такие механизмы, подготовлен ряд законодательных инициатив, и с принятием этих законов такой механизм будет создан.

Возможно ли решить с помощью этого механизма задачу или нет? Возможно. Но почему не заработали меры, дорожные карты, плановые мероприятия, которые утвердило правительство. Они не носят характер исчерпывающих мер, но необходимы, без них ситуацию сдвинуть невозможно.

— *Мы часто слышим заявления от Министрства финансов, что регионам не хватает денег на исполнение указов Президента. С какими проблемами вы столк-*

нулись при реализации этих указов?

— Лев Кузнецов: Как раз сегодня Минфин говорит, что в регионах денег достаточно, и я с этим соглашусь; но после системы распределения налогов у нас в ряде территорий формируются возможные риски, наращивание долга субъектов, и его динамика непредсказуема. Есть субъекты, которые по многим показателям уже достигли выполнения указов, у них динамика прогнозируемая; темпы роста экономики, доминирование работников бюджетной сферы создает устойчивую базу. Но есть субъекты, где правила игры и макропоказатели задает реальная экономика, как Красноярский край. У нас развивающиеся предприятия, и мы попадаем в «ножницы», когда за четыре года отчисление сформированных бюджетных и небюджетных платежей, включая таможенные сборы и другие виды налогов, например НДС, увеличилось в четыре раза, со 150-180 млрд. до 600 млрд. руб. Но эта разница в основном ушла в федеральный бюджет. Нам досталось за эти пять лет, несмотря на прирост, лишь 400 млрд. Но основные обязательства должны, по мнению Минфина, решаться за счет региона.

Необходимо и настало время сделать общий баланс и федерального и региональных бюджетов, и оценить, обеспечивается ли важнейший приоритет — реализация указов. Указы направлены на те приоритеты, которые и сами определили — это система образования, здравоохранения, конкуренция за человека и повышение и производительности труда в социальной сфере, компенсация существующих дефицитов. Но важно не иметь «единой» картины; не надо менять налоговую систему, систему распределения, но нужно понимание, как в том или ином субъекте идет формирование налогового потенциала на короткую перспективу.

— *Что вы подразумеваете под балансом федерального и регионального бюджетов? Чтобы система распределения трансфертов была более гибкой, и как быть с позицией Минфина, что трансферты в регионы нужно сокращать?*

— Лев Кузнецов: Мы имеем трехлетние бюджеты, и под все доходы уже есть спланированные расходы. Поэтому ключевая задача, которую обозначил Президент — это другой подход по формированию дополнительного налогового потенциала. То есть вместе надо создать территории опережающего развития, новые макропроекты. И в разрезе этого потенциала, еще не посчитанного, получить ресурс более гибкого регулирования. Пятилетних «каникул», пятилетнего возврата инвестиций, которые субъекты сделали в инфраструктуру, или других механизмов. А от простого перераспределения денег больше не станет, тем более что все они уже имеют конкретных получателей.

— *Очевидно, что предыдущая модель роста себя исчерпала и новый рост возможен только за счет инвестиций. Наращивание инвестиций со стороны государства ограничено его возможностями, бюджетом, социальными обязательствами, и ставку нужно делать на частные инвестиции. Агентство стратегических инициатив сейчас реализует дорожные карты. Мониторинг этих дорожных карт будет осуществляться в том числе посредством некой «контрольной закупки». Как АСИ планирует реализацию дорожных карт?*

— Артем Аветисян: Вначале два слова о результатах. В декабре 2012 года Аркадий Дворкович сказал, что правительство не боится трудностей, и все меры будут реализованы. Если взять дорожную карту по подключению

к сетям, мы только за один год подвинулись на 71 позицию, со 188 места на 111-е, и стали лидерами по темпу роста в этом направлении. В декабре 2013 года было отмечено, что существует разрыв между инвестиционным климатом и инвестиционным имиджем России; причём имидж — ответственность также и бизнеса. Мы прочувствовали эту ответственность и осуществили 8 бизнес-миссий по странам-лидерам doing-business от Германии до Новой Зеландии; члены «клуба лидеров» не только изучают международный опыт, но и встречаются с представителями бизнеса, ассоциациями, и рассказывают об инвестиционных возможностях России. В Новой Зеландии, чтобы зарегистрировать бизнес, достаточно 35 минут и чуть меньше 5000 рублей по текущему курсу. У нас данный процесс занимает 13 дней и примерно в два больше денег. Мы на 88-м месте по этому показателю; но два года назад были на 111-м — и это неплохо, поскольку другие страны тоже двигаются в рейтинге.

К вопросу контрольных закупок: рейтинг безусловно важен, но не менее важно, как сами предприниматели здесь в России чувствуют себя, идя по сложным процедурам. Мы попробовали использовать механизм mystery shopping, «тайный покупатель»: он используется в Европе и США для контроля качества обслуживания в розничных сетях, и набирает обороты в России. А мы переложили эту методику на процедуры ведения бизнеса, когда предприниматель, осуществляя свои процедуры, четко их фиксирует. Таким образом можно оценить качество государственных услуг. В декабре мы провели первую «контрольную закупку» по регистрации, и выявили такие проблемы, которые не видит даже «рейтинговый» бизнес. Например, официально по закону нотариусы берут 200 рублей за регистрацию; на самом деле 1000 или 1200 рублей больше, есть «техническое оформление» документов. Или часто предприниматели совершают ошибку в заполнении: у нас было 3 отказа. Однако пошлина 4000 рублей не возвращается; для малого бизнеса это существенные деньги, поэтому они обращаются к посредникам, чтобы не ошибиться еще раз.

Метод достаточно эффективный; мы создали оперативный штаб, куда вошли представители всех крупнейших четырех бизнес-объединений: «Опора России», «Деловая Россия», РСПП, ТПП. По сути это основной центр мониторинга; мы отбираем добровольцев, агентов инвестклимата, которые участвуют в контрольных закупках.

Вчера мы встречались с предпринимателями Красноярского края; до этого — с пред-

принимателями Казани, Санкт-Петербурга. Большинство активно нашу позицию, но есть те, кто боятся испортить отношение с местными властями, что ухудшатся процедуры ведения бизнеса. Здесь важна позиция руководителей, глав регионов.

Инициативу бизнеса мы видим, она растет, 5000 предпринимателей уже поучаствовало в мониторинге. В Олимпиаде мы вырвались в лидеры благодаря 200 спортсменам; благодаря активным предпринимателям мы сможем выйти на мировое лидерство и в экономике.

— **Понятно, что резервов может быть много, мы ограничены только шестью вариантами: развитие малого бизнеса, поддержка несырьевого экспорта, реформа институтов, улучшение бизнес-климата, облегчение условий кредитования, смягчение денежно-кредитной политики, что-то другое. Почти 30 % высказывает за «реформу институтов». Но о каких институтах идет речь? И в чём состоит «ловушка среднего дохода», о которой говорилось на пленарном заседании?**

— Игорь Иванович (Юргенс?): Начну с контрольной закупки: мне дали брошюру, как это происходит; на самом деле «контрольная закупка» в правительстве работает всё время. Не думайте, что мы принимаем поручения, законопроекты, постановления и не знаем, как они потом воплощаются. В секретариате у меня, у Аркадия Дворковича есть специально обученные люди, которые ходят, например, по банкам и пытаются как обычные граждане получить кредит или субсидию, если она положена по закону. Особенно активно мы делали это в рамках антикризисных мероприятий — «кредит на автомобиль». Однажды удалась операция: мы нашли человека со старым автомобилем; надо было сдать старый автомобиль, получить сертификат, оформить кредит на приобретение новой «Лады». Мы понимаем, какие меры работают, какие нет, поэтому дополнительные системы контроля полезны. Но у нас также есть обратная связь.

Какие резервы не используются? На днях в «Эксперте» была опубликована интересная статья, с «наездом» на либеральных экономистов. Поскольку эти экономисты работают в правительстве и нас консультируют, а мы их консультациями пользуемся, то это атака и на экономический блок правительства. Мне эта статья показалась занятной и интересной, чтобы открыть принципиальную дискуссию. Это является и поводом сказать, что дискуссии по резервам роста сводятся в одной точке: нас пытаются подвинуть к тому, что необходимо отойти от бюджетного правила и увеличить бюджетное финансирование,

чтобы начать определенные проекты, которые крайне необходимы, их масса. Однако нам нужны более высокие темпы экономического роста, и больше денег взять нелегко: частных инициатив и инвестиций для таких проектов недостаточно, и нужно увеличивать государственно-бюджетное финансирование.

Это очень опасный путь: после короткого времени, когда мы будем видеть высокие темпы роста, опять будут еще более низкие. Может быть, уже другие будут отвечать за это, и расплачиваться придется будущим управленцам. Проблема в том, чтобы мы выдержали сложный период низких темпов экономического роста, вопросов: «А где же ваши меры?» Можно быстренько найти оправдания — например нехорошая конъюнктура на внешних рынках; сложный период времени, есть основания отойти от жесткого бюджетного правила, которое мы сами приняли... Но это крайне опасный путь. Можно такие решения принять, если бы ситуация стала жестче. Но сейчас нет оснований для этого; два дня назад у председателя правительства мы собирались на совещании по следующему трехлетнему бюджетному циклу, смотрели на все сложности, которые нас ожидают в 2017-2018 годах, и предложили (у нас с Дворковичем была общая позиция), где найти резервы, не меняя бюджетное правило. Мы пока в дискуссии, но на всё чего хочется, денег нет; и чудес не бывает. Группа экспертов ВШЭ и Академии народного хозяйства представили свою работу правительству, «бюджетный маневр». Высшее руководство страны с этим не согласилось, но приняли аксиому, что соглашаемся на бюджетное правило.

Нам придется выполнять государственные программы не в том объеме, в котором они заложены, а с определенным сокращением. Нужно более четко определять приоритеты. Пока для внутренней дискуссии мы эти приоритеты определили (не могу их представлять, поскольку дискуссия в правительстве не закончена). Но среди них присутствуют два основных направления, связанные с человеческим капиталом: системы образования и здравоохранения. По другим программам придется пережить сокращения. Это для правительства серьезный вызов.

Какие резервы роста не используются или используются недостаточно? Главное — не сойти с уверенного курса, который мы выработали. Чтобы нас, Администрацию Президента и Президента не подталкивали к тому, что — «люди, которые проповедуют такой экономический курс, несут ответственность за невысокие темпы экономического роста, посмотрите, что происходит в других

государствах, в том числе и на западе, и США демонстрируют более высокие темпы экономического роста — видна ошибка в экономическом курсе... Не нужно придерживаться жесткого бюджетного правила, давайте позволять бюджетный дефицит, инвестировать в первоочередные проекты и так далее».

Почему меры, которые мы определяли в качестве первоочередных, не заработали? Ситуация в тот момент была не до конца осознанной. Справедливо говорят, что надо рассматривать не только перечень мероприятий, как способ увеличить темпы экономического роста. Все государственные программы в целом — это и есть программа правительства; но мы должны рассматривать то, что должно развивать нашу экономику, и что должно расширять узкие места.

Какие резервы мы не используем в достаточной степени? Это развитие малого и в большей степени среднего бизнеса. Они могут означать другое качество экономики и роста. Мы не задействовали механизмы, о которых договаривались, и только прошли одобрение законопроекта, которое позволяет использовать на эти цели 50 млрд рублей. Федеральное агентство кредитных гарантий заработает в лучшем случае к началу лета. Хотя уже есть люди, которые возьмут управление этим агентством.

По поводу институтов. В той статье говорится, что фетиш всех институтов — это некая форма, разговоры ради разговоров, что можно добиться высоких темпов экономического роста, не улучшая институтов. Но институты разные; в том числе есть ссылка на независимую судебную власть. Конечно, можно пройти и период с более высокими темпами роста, но у нас ожидание — в другом качестве жизни. У наших людей нет ожиданий, что они будут жить как в Китае при высоких темпах экономического роста. Сегодня наши граждане хотят видеть серьезную систему здравоохранения, образования, жить в городах с современной инфраструктурой, банковской системой, быть свободными гражданами с политическими институтами. Это не только институты для ведения бизнеса, но и в целом для модернизации нашей жизни. Поэтому малый и средний бизнес, развитие институтов — это основной резерв, используя который мы можем добиваться другого качества роста и другого качества экономики.

Но когда мы ссылаемся на опыт других стран (а мы не американцы и не китайцы, у нас своя традиция и свое отношение к жизни) — если люди будут понимать, что их бизнес защищен, его не отнимут рейдеры, силовой блок правительства или даже налоговые органы, и ими заработанное будет надежно за-

Почему меры, которые мы определяли в качестве первоочередных, не заработали? Ситуация в тот момент была не до конца осознанной. Справедливо говорят, что надо рассматривать не только перечень мероприятий, как способ увеличить темпы экономического роста.

щищено, то будет другое отношение к тому, как инвестировать в Россию. Мы используем этот сложный период, чтобы разбираться с накопившимися завалами. Это непопулярная вещь, не нравится ни журналистам, ни экспертам: с 2012 года были темпы роста, на которые мы рассчитывали — когда направления деятельности правительства утверждались, мы думали, что будет рост до 5 %. Но смогли бы мы тогда серьезно заниматься, например, «Ростелекомом» и его инвестиционной программой? Этот шараш-монтаж смотрел сам Дворкович; появилась другая система доказательств инвестиционных расходов. По «Газпрому» сколько работали с Алексеем Миллером, не помню, чтобы инвестиционную программу «Газпрома» рассмотрели на правительстве. Ее рассматривали на правительственных комиссиях, на совещаниях у премьера — но это другой уровень прозрачности. Мы вместе с крупными государственными игроками проходим болезненный период, им приходится учиться жить по-новому. И у нас нет возможности с барского плеча увеличивать тарифы, давать бюджетные инвестиции, их заставляют рабо-

тать по издержкам. Они понимают, что будут всё больше находиться под общественным давлением, и им придется демонстрировать успех в других условиях. Поэтому без роста — плохо, для модернизации нужен высокий рост, деньги. Но чтобы пройти болезненность очищения, хорошо, что мы переживаем невысокие темпы роста. Главное — не пропустить это время, а отработать с пользой для себя. Мы это в правительстве делаем. Я часто слышу: «не понимаем, чем занимается правительство, в чем заключается программа». Будем проводить больше брифингов с экспертами и журналистами, но нас целостная картина того, чего мы добиваемся и пытаемся достичь. А то что нет коммуникации с обществом — это недостаток, и будем с ним бороться.

— **То есть дискуссии в правительстве об изменении бюджетного правила закончены и к этому вопросу мы не возвращаемся как минимум 3-5 лет?**

— Вопрос так ставить нельзя; например, как нельзя сказать, что дискуссия по поводу пенсионного возраста закончена. Но министр финансов ходит и на каждом шагу говорит, что нужно другое решение. У нас в правительстве не тирания; и члены правительства имеют право высказывать определенную точку зрения, но не бороться с решением, которое принято. Принято новое и современное пенсионное законодательство; но в финансовой модели, которая складывается, и обсуждаемом бюджете до 2030 года, Министрство финансов к этой теме возвращается. Мне кажется, даже полезно: не значит, что изменится пенсионное законодательство — при нашей модели скорее всего нет, но иметь это как альтернативу, возможность, один из инструментов — было бы правильно. По поводу бюджетного правила, Президент и Председатель Правительства дали четкую установку, что оно будет выполняться. При этом все понимают, что жизнь может преподнести сюрпризы и можно принимать другие решения. Но установка на следующую бюджетную трехлетку — бюджетное правило жестко действует. Мы внутри можем кое-что подстроить, по определенному уровню расходов, но в пределах действующего бюджетного правила.

— Сергей Беляков: Я боюсь, когда начинает формироваться параллельная реальность, не имеющая отношения к жизни. Дискуссия, посвященная инвестиционному климату и движению в рейтинге, результативность действий на улучшение бизнес-среды, начали формировать какую-то параллельную реальность, и мы становимся ее заложниками. Есть планы правительства, стимулирования роста — но почему нет эффектов? Только федераль-

ного правительства недостаточно; программы можно написать хорошие, но важно, чтобы они применялись на практике. Программы не меняют сознание людей, которые являются инструментами государства и общаются с бизнесом. Мы боремся с оттоком капитала, с офшорами, с коррупцией, с потенциально возможными преступлениями. Но борясь со всем ежедневно, мы сформировали запретительную модель законодательства и поведения людей, который принимают решение разрешить или не разрешить гражданину вести бизнес. Предприниматель и бизнесмен каждый день должен доказывать право на ведение здесь своей деятельности. Конечно, в какой-то момент это надоеет. Поэтому мы и наблюдаем отток финансового капитала, и что еще страшнее человеческого. Программа — вещь важная, но недостаточная. Чтобы изменить сознание людей, нужны время и прессинг.

— Аркадий Дворкович: Я верю в цифры: около 60 % людей в России предпочитают патернализм, чтобы государство всё делало за людей практически во всех сферах. В этом смысле удивляться нечему. Я бы отметил две вещи. Первое — децентрализация, большая самостоятельность муниципалитетов и регионов в решении проблем, с большим объемом ресурсов на региональном и местном уровне. Мы к этому придем. План 2020 года практически сформирован; уверен, что в десятилетней перспективе мы к этому придем. Вторая тема — улучшение системы образования: это мы делаем недостаточно, но не думаю, что от этого будет зависеть долгосрочный экономический рост.

Можно ли, чтобы министр транспорта и другие приходили и говорили, что «нам на это нужно больше расходов». Конечно; разве можно им заткнуть рот? У нас очень жесткая внутренняя дискуссия с отстаиванием своих позиций, но по финальному балансу в правительстве имеет решение премьер, затем мы докладываем позицию Президенту, который также от дискуссии не отстранен. Он понимает, что промышленный и социальный блок просят расходы, а финансово-экономический блок говорит, что если выдать на расходы всем — то будет беда. А чтобы не было, надо тут ужать, тут потрясти, здесь перераспределить. Поэтому не надо примитивно воспринимать, что если кто-то из членов Правительства скажет про бюджетное правило, то оно тут же «потекло»: оно жестко для исполнения. Но хочу добавить, что мы будем говорить про территории опережающего роста — это один из способов развивать нашу сложную, многообразную страну.

Новые источники роста российской экономики

Участники пленарного заседания: советник президента фонда «Сколково» Пекка Вильякайнен, генеральный директор РФПИ Кирилл Дмитриев, декан факультетов свободных искусств и наук СПбГУ Алексей Кудрин, ректор НИУ ВШЭ Ярослав Кузьминов, ректор РАНХиГС при Президенте РФ Владимир Мау, министр труда и социальной защиты РФ Максим Топилин, губернатор Красноярского края Лев Кузнецов, заместитель Председателя Правительства РФ Аркадий Дворкович. Модератор Еромолай Солженицын, старший партнер московского офиса McKinsey & Co

Что касается государства, главная задача — поиск и настройка оптимальных инструментов стимулирования экономической активности и выстраивания эффективной работы институтов, от которых зависит экономический рост. Пока такие институты в полной мере не работают. Тем не менее, движение вперед есть — оно связано с тем, что мы последние два года начали работать вместе с предпринимательским и экспертным сообществом

— Аркадий Дворкович: В чем могут состоять источники роста в нынешний непростой период, когда мировой спрос и спрос на внутреннем рынке растут низкими темпами, и необходимо находить новые источники повышения экономической активности? В период низкого роста спроса это прежде всего повышение эффективности на всех уровнях. Речь идет как об эффективности использования ресурсов, которые есть в руках государства, так и об эффективности на всех уровнях экономики, в том числе на частном уровне, и о росте производительности труда.

Что касается государства, главная задача — поиск и настройка оптимальных инструментов стимулирования экономической активности и выстраивания эффективной работы институтов, от которых зависит экономический рост. Пока такие институты в полной мере, как нам этого бы хотелось, не работают. Тем не менее, движение вперед есть — оно связано с тем, что мы последние два года начали работать вместе с предпринимательским и экспертным сообществом, вырабатывать и реализовывать меры, отслеживать их совместно на основе активного ежедневного взаимодействия. Речь идет о Национальной предпринимательской инициативе, об институтах «Открытого Правительства» и других элементах нашей работы. Первые результаты уже есть — Россия начала двигаться вперед как в формальных рейтингах, так и в оценках участников процесса. Пока это движение с очень низких позиций на низкие; мы еще не достигли даже средних по ряду ключевых направлений. Тем не менее, первые результаты показывают, что мы на правильном пути, и в течение ближайших 3-5 лет, как запланировано, мы сможем выйти на заданные показатели по всем ключевым направлениям. Если продолжим работать вместе с предпринимательским сообществом, экспертами и завоевывать доверие предпринимателей.

Что касается второй составляющей, частного сектора, то нашим первым шагом стали действия по снижению издержек предпринимательской деятельности. О бюрократических издержках я сказал; вторая часть —

издержки, связанные с инфраструктурными монополиями. Мы приняли непростое решение отказаться от повышения тарифов; это создало для них трудности, но привело к снижению относительных издержек для остальных, заставило наши крупнейшие компании думать об эффективности, снижении избыточных затрат, и как обеспечивать на должном уровне свою деятельность без роста цен. Это хорошо, и нужно было когда-то сделать; приятно, что это сделано нашими руками и 2014-й год станет началом повышения эффективности.

Наконец, третья составляющая, от которой во многом зависят перспективы роста — это активность малого и среднего бизнеса, инновационная активность компаний. Какого-то немедленного прорыва, чудес не бывает; нужно долго и кропотливо работать. Мы начали эту работу несколько лет назад, чтобы накопленный эффект привел к хорошим результатам.

В сфере инноваций мы уже видим хорошие результаты и первый эффект — дает плоды то, что мы начали пять лет назад. По сравнению с периодом пятилетней давности, мы видим, что уже не единицы занимаются инновациями, а уже тысячи предпринимателей и компаний по стране, не только в Сколково и традиционных центрах, а буквально в каждом городе и сельской местности. Я думаю, что именно компании станут источником роста для российской экономики.

Важно, чтобы благоприятной была внешняя среда, чтобы мы правильно выстраивали отношения с партнерами по Таможенному союзу, другим интеграционным объединениям, с нашими европейскими и американскими партнерами. Без благоприятной внешней среды нормальной обстановки в российских компаниях не будет.

— Почему роста мало или даже нет? Год назад премьер-министр говорил, что надо рост в год обеспечить 5%, и это не кажется агрессивной целью. Это внезапные факторы или долгосрочные тренды так сошлись в 2013-2014 году? Как вы оцениваете причины замедления роста?

— Владимир Мау: Есть переплетения разных факторов, есть набор очевидных и понятных внешних факторов; основным торговым партнером РФ является ЕС, а там рецессия, и странно ожидать высоких темпов в России. Но основная проблема, связана с внутренними факторами. Тут и нисходящая волна инвестиционного цикла, что более-менее понятно. Если посмотреть структуру инвестиций последнего года, мы увидим практически нулевые показатели, при этом существенный спад государственных инвестиций и значительный, от 3% до 7%, рост инвестиций частных. Но поскольку их меньше, чем государственных, мы получаем общий спад. Сам по себе факт, что частные инвестиции играют меньшую роль, чем государственные, ставит вопрос о структурных проблемах внутреннего характера.

Я бы здесь отметил два фактора. Технический — в стране в 2007-2008 годах завершился восстановительный рост; мощности были задействованы, безработица низка, и появлялись признаки торможения. Потом произошел сильный спад в 2009 году, отток, и экономика оказалась на кривой исчерпания своих производственных возможностей. Повторяю, низкая безработица, задействованы фонды: это требует активного наращивания инвестиционной активности, что упирается в серьезные проблемы.

«Длинной» структурной проблемой является ситуация, которую можно охарактеризовать как «множество конкурентоспособностей». Если мы посмотрим на динамику качества институтов за последние 10-15 лет и за заработной платой, то увидим, что Россия стала страной с самым дорогим трудом по сравнению со странами-конкурентами, то есть выходит на нижний уровень развитых

стран или самый высокий среди развивающихся, но с относительно плохими институтами. Да, продвижение, подъем бизнеса, но всё равно существует разрыв. Инвестиции обычно хорошо идут в страну, где труд дешевый и институты плохие, то есть имеется риск, но большая премия, или где институты хорошие и труд дорогой, то есть имеется надежность. Разрыв между заработной платой и институтами создает фундаментальную структурную проблему. Есть эмпирически наблюдаемая закономерность: в странах среднего уровня развития богатые покупают товары, произведенные в богатых странах, бедные покупают товары, произведенные в бедных странах. На саму страну остаются услуги и ресурсы, что мы в значительной мере и наблюдаем. Эта болезнь лечится, но лечится долго. Гайдар говорил, что макроэкономический кризис — ситуация исключительно тяжелая, болезненная, но интеллектуально простая. Мы знаем, как выходить из высокой инфляции, бюджетного дефицита. Проблемы спада, кризиса, макроэкономической сбалансированности очень тяжелы, за них приходится платить политической репутацией, социальной популярностью, но их относительно легко решать. Проблемы, которые стоят перед нами — это проблемы богатства; проблемы того, что страна достигла более высокого уровня развития, и столкнулась с разрывом богатства и качества жизни. Отсюда и проблема нашей рабочей силы, утечки наиболее богатых и активных в развитые страны. В общем, здесь комплекс вопросов, которые не имеют простого решения. Более того, мы живем в ситуации, когда решение задач длинного роста противоречит решению задач короткого роста. Легко раскрутить рост на ближайшие два-три года, что Советский союз и сделал в

1987-1988 году с известными последствиями: темп ускорился, но потом система рухнула под грузом макроэкономических проблем. Мы находимся в ситуации, когда нам нужен не просто рост, но рост в среднесрочной и долгой перспективе, а это требует гораздо более сложных усилий, политики формирования доверия.

— Эта «ловушка стран средней стадии развития», среднего дохода — проблема в том, что у нас институты недостаточно развиты и нет уверенности в достаточной надежности, или что арифметика инвестиций не срабатывает, потому что производительность труда низка, издержки, стоимость транспорта и энергетики высоки? Экономика не бьется или нет уверенности, что институты защитят эти инвестиции?

— Ярослав Кузьминов: Основная проблема действительно в том, что доходы населения и ожидаемое качество жизни, достигнутое внутри экономики, не соответствуют тому, что люди находят вокруг. К российской экономике, рассматривая ее источники роста, традиционно относятся как к замкнутой или частично замкнутой. Но мы давно перестали такой быть; это касается и наличия капиталов, и мотивации людей работать здесь. Проблема экономического роста России — это проблема инвестирования в человеческий капитал, качество жизни и инфраструктуру. Это просто новые участки инвестиций, которые традиционно не рассматриваются как приносящие доход. В советское время даже было понятие — непроизводственная сфера. Но сегодня именно с правильным инвестированием в эти сектора, с их правильным развитием связана конкурентоспособность стран с относительно высоким уровнем жизни, или претензия на относительно высокий уровень жизни, с доходами на душу населения свыше 10 тыс. долларов в год. Россия к ним уже относится. В чем я вижу проблемы? Ключевым является развитие человеческого капитала, в первую очередь его интеллектуальной и творческой составляющей. Традиционно это вклад экономики новых технологий, новых продуктов, но это узкий сектор инвестиций в человеческий капитал. Мы пытаемся создать систему венчурного предпринимательства, капитализации интеллектуальных результатов, но нужно в большей степени вкладываться в образование и фундаментальные исследования как систему производства человеческого, интеллектуального капитала.

Второе — это развитие культуры, экономики впечатлений, в первую очередь с точки зрения того, что она существенно повышает качество жизни в крупных городах и создает новые

возможности для быстрого роста, качественного спроса.

И третье — медицина, массовый спорт и другие инвестиции в качество жизни людей, что дает возможность резко расширить активный рабочий период жизни человека. Базой для этого является образование. Необходимо инвестировать не просто в пользу социальных расходов, но в пользу активных социальных расходов, под которыми я бы имел в виду в первую очередь инвестирование в образование и новую миграционную политику, где Россия сильно отстает от развитых стран, где давно, более 20 лет назад, приняли модели активной миграционной политики, создавая преференции для людей с достаточным уровнем профессионального образования или профессиональной активности. Это первое, чего нам не хватает и что является традиционным фактором экономического роста.

Второе — собственно инфраструктура. Мы часто говорим о неком территориальном аспекте развития с точки зрения инвестиционной политики, о повороте на Восток например, и не очень понимаем, что это такое. Мне кажется, что речь должна идти о расширении радиуса существующих центров экономической активности. Условно, городов с более 500 тыс. жителей, городских агломераций, которые представляют и центры экономической активности, и средоточие высокого качества жизни.

В России средний радиус от городской черты — это примерно 15-20 км, дальше у нас просто нет дорожной сети. В Европе и США радиус хозяйствования крупных городов, радиус экономической доступности, где вы можете построить фабрику и возить, условно, пирожки в центр города — это 60-80 км. Именно поэтому в Европе нет провинций, а у нас есть. Речь о том, чтобы увеличить радиус

хозяйствования в 3-5 раз, увеличить предложение участков для экономической деятельности и жилищного строительства, что по нашим расчетам до полутора раз снизит стоимость начала нового бизнеса и приобретения жилья, и других механизмов стимулирования экономической активности. Этим должно заниматься государство, начиная не от строительства дорог, а от кадастрового обустройства территорий; но система кадастрового устройства не завершена, нет титулов собственности. После этого нужно строить пригородные дороги, стоимость пригородных поездов плюс метро в городах-миллионниках тоже важный аспект качества жизни, — для Подмосковья эта программ примерно равна стоимости одной скоростной магистрали Москва — Казань. Это к вопросу о том, насколько мы можем это сделать, и вопрос выбора приоритетов.

— Звучал вопрос инвестиций в образование, в дороги. Вы многие годы следили за тем, чтобы в нашем бюджете всего хватало. Как вы оцениваете перспективы роли государства в развитии, придают ли толчок экономического роста, в какой сфере в первую очередь это надо делать?

— Алексей Кудрин: Я хотел бы начать с олимпийской темы. К экономическому росту тоже можно применить, как добежать до финиша первым и поднять экономический рост. Как известно, чтобы стать олимпийским чемпионом, нужно полжизни посвятить воспитанию, создавать свои качества, тактику, применять самые современные подходы. Я бы это сравнил с созданием институтов. У нас сегодня есть экономисты, которые считают, что можно экономический рост за два-три года поднять до 7 % без институтов, без кропотливой каждодневной работы. Но если применить допинг к обычному среднему че-

ловеку, он вообще не выйдет на олимпийский старт. Тем не менее, недавно прочитал доклад академиков Академии наук, которые считают, что можно всё-таки так сделать. Поэтому идет поиск источников роста. Один из факторов — это современная структура бюджета и умеренные пассивные обязательства, которые может взять государство. Уже сейчас обязательства превышают те возможности, которые примерно на ближайшие 3-5 лет будут иметь наши бюджеты, как федеральные, так и субъектов. У нас оборонные расходы завышены; я не против, но не в таком объеме: помните цифру 20 трлн.? Нужно добавить повышение денежного довольствия в три раза — это еще 12 трлн., и программу оборонного комплекса. Добавка к оборонному сектору и сектору безопасности в год составляет 2,8 трлн рублей. Если Олимпиада стоит чуть меньше 1 трлн. Руб. И создавалась меньше пяти лет, то оборона — добавка 2,8 трлн. Рублей в год, вместо инфраструктуры, образования, вложения в человеческий капитал. Трехлетний бюджет предполагает в 2014 году на 700 млрд. увеличение расходов на оборону и безопасность, и примерно по 100 млрд. уменьшение на образование и здравоохранение. Мы уже живем в этой парадигме обязательств.

При экономическом прогнозе мы предполагали, что у нас будет 3,5 % роста; наверное будет 1,5 %. Значит, доходов будет меньше, эти обязательства уже через 2-3 года станут неисполнимыми. Второй пример — структуры. У нас почти 2 трлн. До последнего года из 11-триллионного бюджета выделялись на дефицит Пенсионного фонда. Как решается дефицит Пенсионного фонда? Увеличиваются тарифы. Все здесь представляют, что это уменьшает экономический рост, а повышение пенсионного возраста было бы менее болезненным для роста. Пожалуйста, еще один фактор структуры экономического роста.

Повышение социальных обязательств, которые приняты недавно, в том числе зарплат, приводит к тому, что по некоторым регионам это рост расходов от 50% до 100% в социальном секторе. В течение трех лет инвестиции субъектов в инфраструктуру ежегодно уменьшаются суммарно по стране примерно на 200 млрд. Это опять минус экономический рост. И получается, в момент, когда нам нужен рост инвестиций, государство оказывается самым слабым партнером в этом. Получился проциклический рост инвестиций: когда цены на нефть высокие, всё хорошо, мы вкладываем много. Когда цена не растет — у нас уже не хватает.

Вторая проблема этих бюджетов — что субъекты РФ с учетом социальных обяза-

тельств накапливают долг. Возникает больше рисков на рынке субфедеральных облигаций, на рынке заимствования — опять против роста. Ставки доходности по государственным облигациям будут расти и тянуть ставки по частному сектору. Прямая связь современных решений и экономического роста.

— Триллион действительно вложен в Олимпиаду; но если бы его вложили в развитие предпринимательства, малого и среднего бизнеса, если сопоставить эффект, интересно у всех присутствующих спросить: какой бы он был?

— Алексей Кудрин: Я считаю, что эффект был безусловно больший от вложения в малый и средний бизнес, по сравнению с вложением в Олимпиаду. Это не значит, я против Олимпиады; мы просто сопоставляем эффективность для экономического роста. Но я бы сделал такое вложение не через федеральный бюджет, а через увеличение полномочий или доходов субъектов РФ, перераспределил бы источники в субъекты, так как в поддержке бизнеса они в первую очередь заинтересованы и способны это сделать. Наш доклад Давосскому форуму о роли регионов в экономическом росте показывает, что новый рост пойдет из регионов, более качественного сочетания разных факторов. Поэтому им надо дать больше полномочий и больше ресурсов для инфраструктуры, и не заставлять их завышать социальные обязательства.

— Вы отметили, что статьи бюджета выстроены нелогично с учетом экономических циклов, и государство не помогает росту, а отнимает ресурсы и переводит их в менее продуктивное направление...

— Алексей Кудрин: Можно давать разные оценки, но у нас среднесрочное планирование бюджета и всех госпрограмм. Мы взяли на себя обязательства до 2020 года и должны их выполнить; на ходу полностью перекаривать бюджетную политику, менять обещанное — это приведет к еще более тяжелым последствиям, чем улучшения, которые действительно могут быть при каких-то изменениях. Лучше на следующий цикл спланировать бюджетную политику таким образом, чтобы она в большей степени соответствовала приоритетам экономического роста по сравнению с решением не менее важных задач повышения обороноспособности, безопасности и других подобных тем. Эти задачи, тем не менее, нужно решить.

— Прозвучало, что регионы должны играть в росте более значимую роль. С другой стороны, некоторые обязательства легли расходным бременем, повышая долговую нагрузку в регионах. Как эти

вводные отражаются на вашей фискальной ситуации? В какой стадии находится идея фискальной децентрализации?

— Аркадий Дворкович: Сначала отреагирую одним словом про Олимпиаду. Все-таки роль Олимпиады — это не только создание инфраструктуры в одном взятом регионе, это — запустить новый, процесс, влияния на качество здоровья нации. Мы говорили, что качество здоровья нации и уровень жизни граждан в конечном итоге определяет и экономические процессы. Поэтому мы не должны в логи смотреть, сколько денег вложено, а видеть косвенный эмоциональный эффект, и где искать трудовые ресурсы в будущем.

Что касается регионов, действительно, они очень разные; если в одном регионе обязательства в принципе не оказывают влияния, потому что регионы дотационны, и многие базовые показатели почти выполнены. А в других регионах, особенно таких как Красноярский край, учитывая темпы роста и уровень средних доходов, это серьезное испытание. Но у таких регионов есть и возможность решать эту задачу.

Когда мы говорим про источники роста, за счет чего выполнять эти бюджетные обязательства? Сегодня темпы роста уже невозможно обеспечивать за счет внешнего спроса, как раньше — экспорт уже не даёт таких возможностей. Рост нужно поддерживать через институты, инвестиции, и выбор реальных проектов, связанных с высокой производительностью труда. Сибирь обозначена Президентом, и при правильной институциональной политике, и принятие закона о фонде национального благосостояния, и других решений позволяет создать политику привлечения инвестиций.

О политике госмонополий: чтобы их инвестиционные программы концентрировались на стимулировании территорий опережающего развития или кластеров, которые могли бы создать новые стимулы в краткосрочной перспективе.

Важно определение территорий для решающего развития; такие территории в Сибири и Красноярском крае есть. Это и Арктическая часть, и инновационный пояс вокруг Красноярска, и Ангаро-Енисейский кластер, которые могут в короткой перспективе времени дать качественный результат. Там не «Дрянфилды», а понятные инвесторы, качественная среда и квалифицированный персонал, конкурентоспособная продукция. Нужны только более решительные действия государства в налоговом стимулировании и инфраструктуре. И через целевую позицию выбора этих точек роста мы сможем выполнить растущие обязательства.

Когда мы говорим про источники роста, за счет чего выполнять бюджетные обязательства? Сегодня темпы роста уже невозможно обеспечить за счет внешнего спроса, как раньше — экспорт не даёт таких возможностей. Рост нужно поддерживать через институты, инвестиции, и выбор реальных проектов, связанных с высокой производительностью труда. Сибирь обозначена Президентом, и при правильной институциональной политике, и принятие закона о фонде национального благосостояния, и других решений позволяет создать политику привлечения инвестиций.

— При 1,5 % ВВП по стране в целом, каков был ВРП Красноярского края? «Майские указы» дают дополнительные обязательства; какова доля социальных расходов в бюджете региона?

— Лев Кузнецов: Рост ВРП составил 5,2 %, но доля обязательство существенно растет. При развивающейся экономике и конкурентоспособных предприятиях, нагрузка высока. У нас самая высокая средняя зарплата по Сибири, 31,5 тыс. рублей. Народ сюда едет. Как раз «указы» и решают вопросы повышения качества жизни через систему образования, развитие системы здравоохранения, где дефицит на персонал был намного серьезнее, чем в промышленном производстве. Мы не могли бы развивать предприятия, не создавая социокультурную среду и не повышая качество жизни. Сегодня пошли люди туда, где создаются условия. Поэтому мы предлагаем параллельно с социальным контуром создать и экономический, выбрав приоритетные точечные более краткосрочные вещи, которые могли бы дать результат. Вчера была «молодежная площадка», и есть яркий пример, когда молодежь «инерционно» съездив в Москву, возвращается в край. Люди видят, что для молодежи окно возможностей здесь больше, чем в Москве; по качеству жизни также многие сибирские города догоняют, а в некоторых вещах и опережают столицу — по скорости передвижения, по экологическим и многим другим вопросам. Мы реализуем проект Универсиады, в том числе для того, чтобы ответить и на этот вопрос.

— У РФПИ много фронтов деятельности, в том числе совместные фонды инвестиций с Китаем, Японией, в том числе нацеленных на развитие Сибири и Дальнего Востока. Как продвигается деятельность этих институтов? Как иностранцы вкладывают в страну, какого рода институты их волнуют?

— Кирилл Дмитриев: За последние два года мы действительно вложили 3,8 млрд в экономику России и создали совместные фонды на 10 млрд долларов с ведущими суверенными фондами, и важно, чтобы институты развития были заточены на результат как главное мерило. В прошлом году Россия в первый раз вышла на третье место в мире (раньше были на 9-м) по привлечению иностранных инвестиций, мы отстаем только от США и Китая. Институты — крайне важный вопрос, их надо создавать на долгосрочной основе. У нас есть серьезный задел для рывка с точки зрения институтов, эффективности, роста. «Олимпийская сборная» доказала, что за последние три дня можно совершить сумасшедший рывок, о котором мало кто думал,

но он реален. Поэтому я бы затронул пять точек роста, которые нам кажутся крайне необходимыми для страны.

Первая точка роста или источник роста — именно инвестиции, не только внешние, но и внутренние. Создание внутреннего инвестора крайне необходимо. Пенсионные фонды, страховые фонды должны правильно инвестировать и инвестировать гораздо больше.

Второй источник эффективности — продуктивность. Во многих индустриях мы видим задел на 30–40 % повышения эффективности, и это будет происходить, если мы будем насаждать конкуренцию. Мы знаем, что в области сотовой связи, ритейла конкуренция очень велика и предприятия эффективны, но в сфере деятельности госкорпораций конкуренция и эффективность гораздо меньше.

Третий источник — регионы, о чем мы говорили сегодня. Мы видим, что многие регионы научились лучше привлекать инвестиции, чем другие. Поэтому важно повторение того, что они делают — и концентрация на Сибири, на Дальнем Востоке, Тихоокеанском побережье.

Четвертый источник — инфраструктура. Мы говорим о том, что нужно инвестировать в инфраструктуру, и РФПИ часто замещает бюджетные деньги иностранными и деньгами частных фондов. По нашим оценкам, 10 % увеличение инвестиций в инфраструктуру ведет к дополнительному росту ВВП на 1 %.

И последний источник — предпринимательство. Здесь много госкомпаний, госдеятелей, и мы иногда забываем, что именно предпринимательство является мотором экономики. Поскольку мы сами деятельные люди, госкомпании и много государственных мужей стараются делать всё больше, однако без предпринимательства нет того мотора,

который всё будет двигать вперед. Поэтому конкретные шаги о том, как сделать из предпринимателей героев, как создавать им условия здесь лучше, чем в других странах — это тоже очень важный элемент.

— *Настолько есть консенсус того, что нужны и институты, и инвестиции, и предпринимательство, и должны быть сильные регионы, но как-то больше об этом говорим, глядя на будущее, потому что пока как-то получается мало решается? Вроде бы привлекаем много, но каждый год у нас рекордный отток капитала. Некуда вкладывать? Или это что-то другое?*

— Владимир Мау: Мы генерируем больше денег, чем можем переварить в этих институциональных условиях. Это, если угодно, просто излишек нефтегазовых доходов над инвестиционной способностью экономики.

— Алексей Кудрин: Тоже отмечу, что возможности инвестиции в Россию с учетом сложившейся ситуации с издержками, производительностью, бюрократическими регулятивными нормами, возможностью защитить себя в арбитражном производстве честно — создают рыхлую ситуацию, когда среда может потребить только определенное количество инвестиций. И в условиях возрастающих рисков (некоторые из которых создает само правительство), возникает желание застраховать, перевести свободные риски. Высокая цена на нефть тоже причина, как я сказал: раньше нефтяные компании, получатели рентного дохода, покупали то, что даёт доход; сейчас такой интерес снизился. Во-вторых, страхует часть ресурсов даже среднего бизнеса.

Но одна из причин фундаментальна — на всех развивающихся рынках сейчас есть отток инвестиций. Это переход в другую ситуацию

мирового рынка и сокращение программы количественного смягчения, которую проводила Федеральная резервная система США. По мере проведения этой программы часть капиталов, которые раньше пришли под высокую доходность, перейдут в развитые рынки, где оно будет больше балансировать риски и доходности.

— *У вас много разных бизнесов. Какая у нас среда, где она лучше, где хуже? Что нужно, чтобы появлялось, может, больше людей, начинающих бизнесы свои? Как на это надо смотреть, что делать?*

— Бизнесмен Вадим: Конечно, я не могу спорить с авторитетными экономистами, но сместил бы акцент, что ждут сейчас предприниматели и государственные компании, которые инвестируют. Это эмоциональный фон, который мы должны существенно изменить. Это относится к ценностному пониманию политиками и чиновниками своего предназначения в стране. Это то, что мы считываем на уровне эмоций, на уровне сигналов. Я приехал в Красноярск из Владивостока, жил и работал там, потом мне захотелось переехать в Москву. Москва создавала условия, давала то, чего моя растущая потребность не могла удовлетворить. Я переехал в Москву, чтобы реализовать свои возможности. После этого я узнал о существовании Красноярского края благодаря друзьям; мне понравились люди, которые здесь живут, понравился фонд, я построил здесь завод, потом мне подвернулся агроактив, почему-то захотелось им заниматься. Это как sensitive, что заставляет человека принимать решение и инвестировать. Если в стране существует атмосфера доверия, желание ходить в ресторан — то я в него хожу. Если этого желания нет, я в него просто не хожу. Поэтому понимание политиками и чиновниками своего предназначения является ключевым, остальное второстепенно. Многие, о чем говорят отраслевые, предпринимательские союзы, о чем и для чего было призвано существовать открытое правительство — это огромный шаг страны, оно агрегировало вокруг себя экспертное сообщество. Это означало, что государство развернулось лицом к предпринимателям. Я не умаляю Олимпиады, это мощный импульс для развития страны и спорта, но мы стать той страной, особенно Дальний Восток и Сибирь, где мы даём возможность людям реализовывать свой потенциал. Если люди не вкладываются, если бизнес-союзы отмечают, что на 10 % падение предпринимательского роста, это означает, что мы другие сигналы подаем.

— Алексей Кудрин: Кризис, мировой и у нас, показал еще один вывод — политики

часто действуют не так, как требует бизнес — рационально, а как они понимают свою зависимость от широкой электоральной части, иногда вопреки интересам бизнеса, пытаются получить поддержку широких кругов населения, не производящих продукт. Больше того, возникает спекуляция, негатив в отношении бизнеса. У нас еще не изжито предубеждение в отношении бизнеса, он до сих пор не выведен на достаточный уровень поддержки, престижа и статуса.

— *Развивая тему позитива и точек роста, в Сколково они созданы пять лет назад. Какие вы видите новые ростки, инициативы? Как продвигается этот проект? Какую роль он может играть в развитии экономики, какие могут быть модели тиражирования тех подходов, чтобы это значимо отразилось на темпах роста ВВП?*

— Пекка Вильякайнен: Сперва хочется поговорить о хоккее, так я представитель Финляндии, но нам придется поговорить о развитии регионов России. Это более приземленные обсуждения, позитивные или негативные подходы; я придерживаюсь более прагматического подхода. Жизнь коротка, вы должны видеть положительные результаты в пределах своей жизни. Мы посетили большое количество регионов за последние две недели, посетим еще 26 стартапов в различных регионах. Речь идет не о позиции Кудрина или моей относительно того, являются ли эти события положительными или нет. Вы должны четко оценивать, может ли регион конкурировать или нет. Иногда интересно работать с губернатором — бывает, что после официальной встречи глава региона говорит, что у него нет большого количества компаний, но затем мы попадаем в зал, где собираются 500 человек, которые говорят о том, что у нас огромное количество компаний. Я пытаюсь способствовать таким обсуждениям. Экономическое развитие — это очевидная вещь, ее можно легко оценить. Существует огромная разница между тем, что происходило 3–5 лет назад; события развиваются очень быстро. Даже 8 лет назад, когда мы то же обсуждали с Алексеем Кудриным, мы даже не знали слово стартап, не поднимали его в обсуждениях. Когда меня спрашивают, что нужно сделать в России, чтобы повысить актуальность этой темы, я сказал неофициально, что цена на нефть должна быть 35 долларов — и тогда все будут заинтересованы в развитии предпринимательства. В Финляндии нет нефти, но есть Nokia. И пять лет назад, когда Nokia столкнулась с проблемами, появилось предпринимательское сообщество, и сейчас у нас другая ситуация. В каких регионах должна

Кризис, мировой и у нас, позволяет сделать еще один вывод — политики часто действуют не так, как требует бизнес — рационально, а как они понимают свою зависимость от широкой электоральной части, иногда вопреки интересам бизнеса, пытаются получить поддержку широких кругов населения, не производящих продукт. Более того, возникает спекуляция, негатив в отношении бизнесменов. У нас еще не изжито предубеждение в отношении бизнеса, он до сих пор не выведен на достаточный уровень поддержки, престижа и статуса.

развиваться экономическая деятельность? В Финляндии всё просто, у нас в основном экспорт, в то время как в России существует большое количество возможностей. Например, если вы находитесь в Ульяновске, вы столкнетесь с большим количеством предприятий в области авиации. Казань — это ИКТ, ИТ, программное обеспечение. Поэтому я считаю, что в РФ наблюдается здоровое сочетание различных областей. Например, Красноярск — программное обеспечение, фармацевтическая область. Я заметил, что самый простой путь — это совместная работа. Удивительно, что вы сейчас находитесь в городе с миллионом человек, но люди не взаимодействуют друг с другом. Необходимо создавать инициативы на уровне университетов, правительств и так далее. Хотел бы также отметить, что развитие предпринимательства — это ключевой компонент работы.

— Скажите, как руководитель крупного банка, что вы слышите от ваших клиентов? Какого рода клиенты приходят за кредитами? Много есть разговоров о том, что ставки слишком высокие, они тормозят рост. Каково ваше видение на этот аспект? Какие точки роста вы сейчас уже чувствуете или не чувствуете?

— Михаил Дмитриев: Знаете, банки всегда ругают за ставки, но к сожалению, ставки — производная от макроэкономики, политики властей. Мы можем только лишь сократить себестоимость своей работы и тем самым повлиять на ставку. Также мы должны смотреть в те отрасли или направления, которые действительно могут стать драйверами. Есть упоминание о том, что обычно предпринимательство у нас зарождается в среднем и малом бизнесе. Конечно, если бы у нас были такие инвестиции в средний и малый бизнес, и нам удалось бы таким образом создать предпринимательское сообщество, всё развивалось бы значительно веселее. Но есть вещи, которые сегодня уже очевидны. Есть ЖКХ, городская жизнь, дороги, в которые государство сегодня вливает много средств. Большая доля государственного, городского заказа. Малые и средние предприятия составляют большую долю тех, кто может исполнять данную работу. Очень важны вопросы инфраструктуры. Первое — доступность государственного заказа; с этого года начал работать новый закон федеральной контрактной системы, электронная площадка; обсуждается лимит контрактов, которые обязательно должны быть на площадках. С моей точки зрения, система электронных торгов (тем более там уже не только ценовые факторы учитываются) должна быть по наибольшему количеству контрактов, потому что только так можно дать

Мне не близки тезисы, что у нас завышена заработная плата, переоценен человеческий капитал. Мы потеряли много в заработных платах в 1990-е, когда произошли серьезные провалы. И сейчас мы восстанавливаем рост заработных плат. Издержки на рабочую силу высоки, но эти проблемы тоже тянутся с советских времен.

доступ предпринимательству, которое хочет получить государственный заказ.

Другая проблема очевидна. У нас есть система ЖКХ, есть управляющая компания, есть тарифы — вроде бы мы можем рассчитать финансовую модель, как кредитовать средние или малые предприятия. Но возникает проблема инфраструктуры. Мы никак не можем наладить порядок в платежах. Уже неоднократно пытаемся предложить, чтобы во всех регионах были созданы по примеру Москвы единые расчетные центры, чтобы все платежи ЖКХ, которые должны прийти поставщикам, таким как водоканал, энергетики, расщеплялись в этих центрах. Те компании, которые мы называем управляющими, часто хулиганят и не доставляют собранные с населения деньги до поставщиков услуг. Есть банки, которые могут создавать эти центры на комплексной основе. На мой взгляд, в ЖКХ важна система финансовой инфраструктуры, которая может стать хорошим драйвером для поддержки предпринимательства малых и средних пред-

приятий. По статистике, в сфере ЖКХ занято около 300 тыс. малых и средних предприятий — 12 млн. сотрудников. Это драйвер, который можно организовать, дать ему нормальную инфраструктуру через создание системы платежей, чтобы они были прозрачны, и тогда уже о ставках мы будем говорить исключительно с точки зрения влияния регуляторов на данный процесс.

— Планирует ли правительство РФ в рамках реализации принципов, соответствующим принципам «зеленой» экономики, в ближайшее время принять ряд соответствующих законов; в частности, ФЗ-89 о льготах для экологически ориентированного бизнеса?

— Аркадий Дворкович: Да, в первом полугодии этого года планируется принять два законопроекта, «О наилучших доступных технологиях», второй «о системе переработке отходов и обороте отходов от производства и потребления продукции». Конечно, если депутаты поддержат, поскольку принятие законов — прерогатива парламента. Что касается налоговых льгот для ответственного бизнеса, если мы когда-нибудь сможем определять, какой бизнес ответственный, а какой нет, такие льготы можно будет ввести, но пока это невозможно. А отдельные налоговые стимулы для энергоэффективных технологий есть уже сейчас. Как правило, хорошо коррелируется с экологическими критериями энергоэффективность, в этом такая система существует.

— Когда мы говорим о возможностях роста, возникает тема производительности труда. Как вы смотрите на эту задачу в нашей экономике? Какие инструменты нужны для этого? Должен ли здесь первенствующую роль играть корпоративный сектор, работодатели, или государство должно создавать инфраструктуру, обучение, повышать мобильность населения?

— Максим Топилин: Я скажу, чем мы занимаемся как министерство в этом вопросе. Мне не близки тезисы, что у нас завышена заработная плата, что где-то переоценен человеческий капитал. Мы потеряли много в заработных платах в 1990-е годы, когда произошли серьезные провалы. И сейчас мы лишь восстанавливаем тот рост заработных плат. Другой вопрос, что издержки на рабочую силу высоки, но это тоже проблемы, которые тянутся с советских времен. Но ни для кого не секрет, что страховые взносы на заработную плату во всех развитых странах — паритет между работодателем и работником: часть платит работник, часть работодатель. К сожалению, мы не сможем перейти к такой конструкции; у нас ответственность за страховые

взносы лежит на работодателе. Постепенно, повышая заработную плату дальше, в связке с производительностью труда мы сможем этот паритет восстанавливать, но это вопрос времени, не одного-двух дней. Это тоже относится к теме производительности труда во многом. Коллеги говорили, что мы имеем проблемы с качеством рабочей силы: это тоже институты. Сейчас мы пытаемся вместе с работодателями создать систему независимой оценки квалификаций. Сейчас, если это касается выпускников средних и высших учебных заведений, ни для кого не секрет, что качество крайне низкое, и работодатели вынуждены дополнительно вкладывать свои ресурсы в рабочую силу. Поэтому крайне важно создание институтов независимой оценки образовательных учреждений. Тогда появится мостик между повышением зарплат, и качеством предоставления услуг в этой сфере. Это именно длительный ресурс для повышения производительности труда.

И еще один аспект — колоссальное количество времени и финансовых дополнительных ресурсов мы тратим, поскольку у нас не выстроена система сохранения здоровья на производстве. Мы тратим гораздо больше средств, чем могли бы, уже на восстановление здоровья работника после того как он получил вред. У нас огромная страна, но всего 7000 случаев профзаболеваний фиксируется в РФ в год — в это трудно поверить, но это огромные потери, которые потом несет государство в системе здравоохранения. Нужно выстроить систему, связанную со стимулированием работодателя сохранять здоровье

работников. Это тоже производительность труда. Если мы эти три составляющие решим в перспективе пяти лет институционально, это будет хороший задел для производительности труда. Здесь нет прямых решений, всё сосредоточено в разных аспектах.

— Есть ли интегральный показатель или цель по повышению производительности труда в Майских указах Президента или других, на которых вы ориентируетесь?

— Максим Топилин: В 2020 году в полтора раза производительность труда должна увеличиться по отношению к 2012. Вместе с правительством мы сейчас разрабатываем соответствующий план, думаем над этой нетривиальной задачей.

— Тема производительности труда наверняка вам знакома. Как вы смотрите на задачу повышения в полтора раза к 2020 году, что здесь надо делать?

— Александр Петрович: Это вторичный показатель. Как правильно сказал Михаил Абызов, чиновники любят что-то новое, но можно заняться новым и забыть выполнять старое. Мы собрались сегодня на налоговом столе и обнаружили, что мы десятки раз уже говорили то же самое. Я поднял материалы сочинского, петербургского, красноярского, иркутского форумов за последние годы: мы наговорили массу хороших вещей, которые кто-то когда-то должен выполнять. Или мы, по Черномордину, будем много работать, или делать дело. Иначе не будет этого развития. В моей любимой налоговой сфере — если вы хотите поднимать производительность тру-

да, сделайте сильный налоговый манёвр. Мы говорим — малый бизнес задавлен, надо его поднимать. У нас в стране 225 млрд долларов недобор налогов, это «дырки». 1,5 трлн. В таможне... Забейте дырки, не просто занимайтесь деофшоризацией, а заставьте офшоры вводить минимальные ставки налогов, и сможете за счет дополнительных денег понизить уровень обложения, помочь малому бизнесу поднять высокоэффективные рабочие места, производительность труда. То же самое, возврат НДС исходя из уплаченного. Это в состоянии делать налоговики. Разберитесь с вложением этих точек роста, а то у нас опять «всё равно пулемёт получается». Я почти уверен, что мы породим свободные экономические зоны того же типа, в которые люди будут бежать от налогов. Хотя опыт других стран показывает, что реально сделать территории развития, на которые будут действовать налоговые стимулы.

Возвращаясь к нагрузке на социальную сферу, на страховые платежи — сделайте их собственностью человека, и уведете эту сумму из налогов. Сделайте софинансирование деятельности работника, работодателя и государства, и привлечете деньги, снизите уровень налогов, и будет вам радость, источник роста. Словом, нужно принимать быстрые качественные решения, и чтобы были ответственные за их выполнение, с кого спросить. К сожалению главный инвестор в России — это государство. Я посмотрел 1990-е и 2000-е годы; государству объясняли: надо делать много и без проектов, от этого у нас поднимется производительности труда, вы-

растут доходы. Даже 5 % эффективности в среднем не набирается по госинвестициям 1990-х, 2000-х годов; ужасно неэффективно вкладывали средства. А вы хотите поднимать производительность труда.

— **А почему всё то же самое говорим, и ничего не получается? Нету ответственных сроков, протоколов и отслеживания? Те же институты? Или люди ждут, что за них кто-то другой что-то сделает?**

— Александр Петрович: Мне довелось чуть ли не 20 лет назад спросить то же самое одного из азиатских руководителей. Он объяснил предельно просто: «У вас чиновник отвечает за выполнение поручения, у меня — за решение вопроса. Если он не решил, он выбрасывается. У нас прекрасно написано, как надо решать вопрос».

— **В этом проблема госуправления — поручение и результаты?**

— Алексей Кудрин: Почему многое, что мы считаем правильным, не получается? Кроме политических аспектов, когда правительство маневрирует между настроениями населения, главная проблема, с которой надо начинать повышение экономического роста у нас в стране — это качество государственного управления и регулирования. Оно идет с отрывом от всего остального. За 2000-е годы каждый квартал подавался отчет, какие федеральные программы не исполняются, кто не исполняет и почему идет превышение, несдача, недополучение результата. Но за все годы моей работы ни один человек не был привлечен к ответственности за это; лишь два-три раза в косвенном виде. Планирование, а потом ответственность — это жесточайший закон управления, и он нами до конца не исполнялся по ряду причин. Не только мягкости или неорганизованности, но и само планирование отсутствовало качественно. Даже сейчас, и можно сказать про прошлый период, государственные программы, которые были приняты, все были несбалансированные. Все 2011-2013 годы принимали госпрограммы, они не были сбалансированы — а, как правило, завышены. В 2014 году многие программы еще сокращены на 5 %; заранее идет нереалистичность программ. За 10 лет с 2001 года по 2010 год наш ВВП вырос чуть больше чем на 60% с учетом кризисного года. Удвоение мы конечно не взяли, а реально располагаемые доходы населения за эти же 10 лет выросли в 2,4 раза. Это существенное опережение производительности, возможностей экономики, и как раз попали в ловушку среднего дохода — зарплаты и благосостояние выросли, а производительность нет. На «прямой линии с Президентом» год назад я говорил, что когда-то это превышение

прекратится, наступит замедление. Это один из факторов, о котором мы дискутируем. Но начинался этот рост с добывающих отраслей, и прежде всего госкомпаний, которые работают в добывающих отраслях, и с других госкорпораций. Они начинали гнать эту волну повышения. Потом представители частного бизнеса оказались вынуждены конкурировать рабочую силу, которая, как известно, сокращается — от 500 тыс. до 1 млн трудоспособного населения ежегодно. И борьба за трудовые ресурсы только ускоряется, поэтому тенденций к снижению зарплаты не будет. Когда мы говорим об источниках роста — в госкомпаниях и госкорпорациях начиная с «Газпрома» я заморозил бы на три года зарплату как минимум, чтобы это не создавало излишнее давление. Безусловно, нужна оптимизация, кто-то может премировать.

Следующий фактор. Фактически мы изменили модель накопительной части пенсии. Скажу по памяти, в накопление попало примерно 400 млрд рублей в год. Из них по пакету инвестирования половина шла в частные и корпоративные облигации. Теперь если дано право выбирать накопления, когда процесс выбора закончится, дай Бог половина населения сохранит свои накопительные части пенсии. И значит, примерно в два раза сократятся инвестиции в частный сектор за счет пенсионных ресурсов. Вот еще один фактор снижения инвестиций, который прошел у нас.

— **Вы согласны, что главная причина того, что всё мудрое, хорошее и давно известное всё время обсуждается, но недостаточно делается — это качество госуправления, что это основной барьер?**

— Ярослав Кузьминов: Должен сказать, что не знаю ни одной страны с высоким качеством госуправления. Сколько ни беседую

с коллегами из разных стран, все недовольны качеством госуправления, и вполне естественно, потому что общество в целом не очень эффективный хозяин.

О нашей производительности труда: у нас порядка 15 % — это социальная занятость, рабочие места, которые существуют чтобы дать людям работу. И это странным образом коррелирует с тем, что у нас до 15 % рынка труда — это легальные и нелегальные мигранты. Такого рода зависимость разрешается не запретами или институциональными изменениями, а расширением инфраструктур вокруг центров экономической активности, расширением радиуса хозяйствования. Потому что подавляющее большинство этой социальной занятости — это целые коллективы, существующие вне центров экономической активности, сохраняющиеся ради того, что не может не быть города целиком без работы. Можно только инвестировать в инфраструктуру, чтобы этот процент сокращался.

— **Межэкономбанк — один из институтов развития, который призван способствовать задачам роста экономики. Это и перечисленное развитие инфраструктуры, малого и среднего предпринимательства. С точки зрения Межэкономбанка, какие основные действия банка, государства, регионов или других каких-то контрагентов необходимы, чтобы расшевелить экономический рост?**

— Андрей Сапелин: Непосредственно сам МЭБ ориентирован правительством на ряд ключевых направлений, но сам занимается крупными проектами. Если посмотреть какие успешны, какие нет, и где мы видим потенциал роста, я бы вспомнил о том, что говорилось на Давосском форуме. Ключевая точка роста, на наш взгляд — регионы. Потому что у нас все проекты в регионах. Когда проекты прихо-

дят к нам, их можно разделить на два класса. Одни приходят изначально от предпринимателей с ориентиром на конкурентоспособность в глобальном масштабе. Изначально эффективность этих проектов очевидна, люди ориентируются на лучшие практики. Другая часть проектов в основном ориентирована на то, чтобы путем комбинирования различных инструментов государственной поддержки поднять их, но не за счет повышения эффективности проекта или производства, а за счет государства, налогоплательщика. Почему я связываю это с регионами? Качество проектов и регионов у нас разное, и успешность работы в регионах тоже. Я согласен, надо существенно кардинально и по четкому плану улучшить эффективность госрасходов. С рядом наших руководителей правительства мы в этом направлении высказываем предложения, как это сделать. Но все регионы находятся в одинаковой ситуации — с точки зрения госрегулирования оно одинаковое; но у всех разные возможности доступа к ресурсам, разная климатическая, географическая локация. Посмотрите на результаты, рост ВВП в регионах абсолютно разный. Точно не хочу создавать конкурентность среди глав регионов, но они тоже все разные — даже здесь среди присутствующих есть региональные лидеры. Это вопрос управления, в том числе качества региональных элит, которые находят для себя новые ниши. У нас некоторые регионы как целые страны; где они могут быть эффективными? Я точно думаю, что мы очень серьезно, качественно и структурно двинемся вперед, если подходить дифференциально. Есть точки роста, их нужно вычленять и из этого опыта делать правильные выводы. И замечание про качество госрасходов: не могу пройти мимо тезиса, что рост издержек идет в том числе из госкорпораций, которые балуют сотрудников зарплатами. Я в частности про нашу госкорпорацию: во Внешэкономбанке уже три года как фонд оплаты труда не растет.

— Часто звучит вопрос, когда говорится о тарифах и зарплатах, не только об уровне, но и его предсказуемости. В госсекторе и естественных монополиях, когда идет речь о долгосрочном тарифообразовании, все повторяли, что оно должно быть долгосрочным. В прошлом году было принято решение заморозить тарифы, что имело непосредственные цели. Возникает вопрос: известно ли, какое тарифообразование будет например до 2018 года, и когда это будет объявлено?

— Кирилл Дмитриев: Дело в том, что замораживание тарифов и зарплат — это возможный механизм, но более правильным мне кажется механизм принуждения госкомпаний продавать непрофильные активы и

сервисные подразделения. Потому что одно дело — просто замораживать расходы, там по-прежнему может быть неэффективность. Дело в том, что многие обросли непрофильными сервисными бизнесами, которые можно вводить в рынок. Это решает проблему появления новых инвестиционных объектов. Например, мы вложились в несколько аутсорсинговых бизнесов, которые повысили эффективность в два раза по сравнению с тем, когда они были в госкомпаниях. Поэтому мне кажется, много конкретных шагов, которые действительно надо предпринимать для большей эффективности.

— **Короткий комментарий от каждого участника. Было сказано, что надо думать не только о том, какие мы указы издаем и проверяем исполнение — а какую создаем мотивацию и какими механизмами устраиваем подотчетность государства гражданам? Когда у человека есть ощущение, что он вовлечен, что существует глобальная справедливость в обществе, это влияет на экономический рост страны. Как это повысить?**

— Ярослав Кузьминов: Любой прямой контакт государства и гражданина есть иллюзия, имитация. Это всегда «опосредуется» гражданским обществом — совершенно конкретными организациями. Это некоммерческие, профессиональные ассоциации. В России необходимо преодолеть слабость этого слоя, в том числе путём поддержки со стороны государства. Эта поддержка началась, государство сделало серьезные шаги в этом отношении, путем мобилизации сил активных профессионалов. В первую очередь надо достраивать общества по профессиональному признаку, они у нас в рудиментарном состоянии.

— Алексей Кудрин: Комитет гражданских инициатив, которые мы создавали, ставит целью как раз поднятие активности гражданского общества. Наши возможности, в том числе институциональные в экономике на всех уровнях, от муниципалитета (это уже уровень организации), упёрлись в границы свободы гражданского общества, политические институты неразвиты. Трудно представить, что в России, как например, в Англии, когда выходил на выборы Кэмерон, главной его целью было уменьшить дефицит бюджета и сократить государственные расходы с целью сохранения стабильности. У нас еще трудно представить, что это может быть главным фактором выборов. А в США, допустим, после кризиса республиканцы, которые настаивают на сокращении дефицита и расходов, на этом хотят тоже заработать авторитет к следующим выборам. У нас пока еще эта политическая

Любой прямой контакт государства и гражданина есть иллюзия, имитация. Это всегда «опосредуется» гражданским обществом — конкретными организациями. Это некоммерческие, профессиональные ассоциации. В России необходимо преодолеть слабость этого слоя, в том числе путём поддержки со стороны государства. Эта поддержка началась, государство сделало серьезные шаги в путём мобилизации активных профессионалов. В первую очередь надо достраивать общества по профессиональному признаку, они у нас в рудиментарном состоянии.

Отдельно хочу отметить площадку открытого правительства, на которой формат обсуждения с независимыми экспертами, которые не обременены теми или иными государственными позициями, является чрезвычайно рабочим и важным. Мы планируем консолидировано представить Правительству предложение по совершенствованию всех норм и правил, связанных с инновационной деятельностью на поддержку предпринимательства.

конкуренция, которая бы создавала альтернативную позицию, не работает до конца в силу недостаточных свобод в части политической конкуренции. У нас трудно сформироваться и выжить независимой политической силе или партии, просто потому что это не приветствуется, в том числе не приветствуется финансирование альтернативных структур. Это реалии нашего времени.

Это будет тормозить наш рост. Только через эти институты вырабатываются до-

стоинство, справедливость, выбор из альтернативных позиций. Когда навязывается одна точка зрения, когда есть монополия на политическую жизнь, тогда уходит доверие и понимание, в какой системе координат мы находимся. Я считаю, что это важнейший элемент. К сожалению, за последние два года наряду с положительными шагами в этой сфере, которые были совершены в том числе под воздействием гражданского общества, мы видим в некоторых случаях откат или ограничение. Но по крайней мере существенного движения пока не получается. Наш анализ, в том числе участие в выборах граждан, платформ, оппозиции, альтернативных позиций показывает, что они не пробивают себе работу. Когда мы говорим про развитие институтов, у многих возникает ощущение каких-то общих, неконкретных вещей. Но эти институты каждодневны. Например, система определения тарифов, ограничение их — это институт. Но эта система несовершенна и неэффективна. Отмена накопительной части пенсии и уменьшение инвестиций в частный сектор — тоже принятое решение последнего года. Это ухудшение института развития. Принятие закона о медицинском страховании с выхолащиванием системы страхования как принципа — другой пример. Нарушение полномочий органов власти федеральных и региональных, по поводу зарплат, поскольку это полномочия субъекта, смешало полномочия, вызвало дисбаланс бюджетов субъектов РФ — нарушение еще одного института. То есть в каждом правительственном или парламентском решении сталкиваемся с действием института, но не настраиваем его на долгую стабильную работу в рамках этих правил, а нарушаем. Я мог бы сейчас назвать 20 таких ухудшающих решений за последний год. И усилия АСИ по «дорожным картам» по улучшению институтов я бы приветствовал, но почему ответственность за нее несет правительство? Если бы АСИ увеличило количество «дорожных карт» раз в 10, это было бы примерно 20% объема работы над институтами, который нужно делать каждодневно. В министерстве тоже каждый в своей сфере без посторонней помощи должен формировать эти институты. Это в том числе госуправление и административная реформа вместе. Нужно хорошо взвешивать каждый раз, когда мы принимаем решения, и с широким обсуждением.

— Виктор Вексельберг: Инновационный сектор, который я имею честь представлять на форуме, безусловно является тем самым источником роста. Несколько комментариев. Первое. Ермай приятно ошибся, что фонду «Сколково» уже пять с лишним лет. Закону

только чуть больше трех; мы только начинаем работать. Но если сложилось впечатление, что уже пять, значит мы многое достигли. Любая проблема у нас распадается на две части: анализа и синтеза. С анализом здесь у нас всё замечательно, а с имплементацией решений проблем сложности. Хотел бы высказать личное мнение касательно сектора инноваций, я ощущаю в приятное исключение. За короткий период времени созданы институты развития, не только фонд «Сколково» — это «Роснано», РВК, другие структуры; выпущены законы, которые поддерживают различные формы стимулирования инноваций в различных их форматах. В течение этого периода только закон о Сколково уже претерпел ряд изменений, и на сегодняшний день мы стараемся адекватно реагировать на процессы, которые сегодня у нас происходят.

Отдельно хочу отметить площадку открытого правительства, на которой формат обсуждения с независимыми экспертами, которые не обременены теми или иными государственными позициями, является чрезвычайно рабочим и важным. Мы планируем в ближайшие несколько месяцев консолидировано представить Правительству предложение по совершенствованию всех норм и правил, связанных с инновационной деятельностью на поддержку предпринимательства.

Отдельно хотел бы затронуть только три вопроса из большого ряда. Во-первых, максимально поддерживаю инвестиции или направления бюджета в область образования. Это лишь иллюзия, что сегодняшнее высшее образование соответствует мировым стандартам. Мы теряем базу, лучших людей, кадры, поэтому двигаться в сторону инновационного развития, не имея эту серьезную подпитку, не получается. Мир нас перестает узнавать. Мировые ведущие институты сегодня принимают российских студентов на уровне 1-2% на ведущие специальности. Поэтому нужно активно двигаться в сторону поддержки высшего образования. Второе. Малый и средний бизнес, те, кто является сегодня этими самыми стартапами. Приняты неплохие законы, связанные с госзакупками. Мы готовим предложения в этом законе выделить раздел, связанный с научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами. На сегодняшний день система непрозрачна, конкурсы проводятся с непонятными форматами, связанными с экспертизой. Доступ прямых участников, которые могут предложить свои новые разработки, ограничен.

И последнее — деньги. Об этом сегодня говорилось, но мы бы хотели, чтобы решения, связанные с доступом на рынок пенси-

онных денег, особенно в проекты с рисковой составляющей, обязательно состоялся. Это даст серьезный долгосрочный толчок этому сектору.

— *Что в сфере вне экономики и административных действий нужно сделать, чтобы подчеркнуть динамику, которую мы хотим увидеть?*

— Лев Кузнецов: Возвращаясь к институтам: действительно есть ряд решений, которые сломали институты. Но ряд решений, которые могли позитивно влиять, нужно принимать срочно. Мы говорим о территориях опережающего развития, фонде национального благосостояния — должны быть приняты решения в кратчайшее время. Где-то мы слишком быстро, а где-то наоборот почему-то боимся и тянем, и можем упустить. И второе, нужно не бояться, если мы видим ошибочность решений, их публично озвучить, и после этого принять те, которые будут признаны обществом. Общество готово слышать и понимать; чем дольше мы будем оттягивать возможность диалога не только по хорошим вещам, но и по сложным — тем тяжелее будет доказывать обоснованность наших решений и их справедливость. Мы понимаем, что всегда есть политика, вторая сторона, но в сегодняшних условиях общество более адекватно и готово не только слышать позитив, но и говорить о вызовах.

— Кирилл Дмитриев: Три вещи. Одна — это институты. Вторая — сингапурская модель, которая упоминалась: талантливые профессиональные люди, правильно мотивированные, с четкими задачами и отвечающие за то, что они делают. Эти талантливые люди должны быть направлены на пять вещей, о которых мы говорили: инвестиции, регионы, эффективность, инфраструктура и предпринимательство.

— Максим Топилин: Мы все говорим об институтах, решениях, которые принимают чиновники на уровне регионов и федерации. Мне кажется, очень важно, чтобы каждый из нас на себя бы примерил то, что хочет требовать от других. Когда Александр Петрович говорит, что у нас есть проблема с миграцией, с неуплатой налогов — мы говорим, что плохо, когда есть нелегальная миграция, но многие из граждан этой страны принимают к себе на работу мигранта нелегально. Если мы с вами не примем решения о том, что должны быть честными по отношению к законодательству, ничего не получится.

То же связано с налогами. Предоставляется много льгот, звучало про малый бизнес, которому нужно развиваться, но мы знаем, сколько бизнеса находится в тени, и по моим оценкам это порядка 10 млн наших граждан, за которых не платят налогов, подоходных и страховых взносов. О какой сбалансированности можно говорить? Да, налоги могут быть высокими, но законодательство нужно исполнять.

И по поводу накопительной системы. Мы принимали решение исходя из того, что увидели много рисков, которые могли бы обрушиться приблизительно в 2020 году. Когда большое количество негосударственных пенсионных фондов уходит с рынка и передает обязательства в ПФ, которые должны нарастать, и в том году таких случаев было достаточно много. Всё-таки было принято решение, что эту систему нецелесообразно полностью искоренять. Право выбора остаётся, но за этот год ЦБ должен привести в чувство тех, кто будет дальше работать на рынке. Это будет означать, что мы сохраним и конструкцию, и накопления граждан в пенсионной системе. Это о том, что мы обязаны ориентироваться на требования, которые мы слышим от граж-

дан, и должны защитить их интересы. Это является преваляющим, нежели интересы отдельных финансовых институтов.

— Пекка Вильякайнен: Я думаю, что нет ни одной страны и ни одной компании, которая растет на 7-12%, позволяет повысить производительность и не страдать от спадов. Слава богу, страна Россия растет на 1,5% и развивается.

— Владимир Мау: Мы живем действительно в условиях падающей производительности экономических решений по сравнению с политическими. Политические являются определяющими. Второе. Ключевой проблемой является доверие между государством бизнесом и бизнесом. Отсутствие этого доверия формирует ту динамику капитала и инвестиций, о которой мы сегодня говорили. Третье. Ключевая задача государства — сбережение креативного класса; транзакционные издержки отъезда очень низки. 25 лет назад, если активный человек хотел улучшить условия своей жизни, он боролся за улучшение жизни в стране. Сейчас значительная часть, владеющая английским языком и кредитными карточками, легко покупает билет. Это является сейчас нашей ключевой проблемой.

— Аркадий Дворкович: У меня задача суммировать то, что было сказано, но суммирование противоположных позиций даёт ноль, поэтому можно ничего не говорить. Не все позиции были противоположными, были и точки зрения, которые ведут целенаправленно в нужном направлении. На основе сказанного можно выстроить или скорректировать имеющиеся планы правительства, исполнить их или уволить тех, кто не исполняет (второе более вероятно). Но мы и существуем для того, чтобы делать невероятное. Давайте попытаемся сделать невероятное и реализуем те планы, которые сами выстроили.

Территории опережающего развития — «Восточный экспресс»

Сегодня мы должны сосредоточиться на вопросах развития лежащей за Уралом территории, которая занимает подавляющее большинство нашей площади, и меньшинство по населению, территории загадочной для тех, кто живет по ту сторону Урала, часто непредсказуемой, непонятной, и, как кажется, очень богатой. Несомненно, территории опережающего развития — вопрос, который рассматривается именно как инструмент возможного экономического роста. В какой мере территории опережающего развития станут драйверами роста?

Думаю, что мы недостаточно говорим о больших возможностях развития внешнеэкономических связей, выходе на новые рынки. Мы говорили о задачах государственной поддержки малого, среднего бизнеса. Но надо понимать, что базовые условия для развития любого бизнеса — это рост спроса, и мы должны принимать системные решения по стимулированию как внутреннего спроса, так и по стимулированию выхода на новые рынки.

— Виктор Толоконский: Мы активно обсуждаем точки роста нашей экономики. Для восточных регионов, Сибири, Дальнего Востока также важны институциональные изменения и развитие, структурное обновление, совершенствование государственного управления, и важно, чтобы рост и развитие приобретали максимально точные территориальные и географические очертания. Нет смысла говорить о возможностях и потенциале восточных регионов, Сибири. Это богатейший регион, притом не столько ресурсной, энергетической составляющей — здесь и крупные, более чем миллионные города, концентрация современной науки, сильные университеты, современные отрасли экономики. Если взять приоритеты технологические, отраслевые, то именно в Сибири мы найдем основную концентрацию перспективных технологических составляющих. Следовательно, здесь можно получить быстрее и более масштабные системные эффекты. Я хотел бы, чтобы участники дискуссии правильно оценили задачи как пионерного развития территории Сибири и Дальнего Востока, где нам предстоит добывать и углеводородное сырье, и золото, и полиметаллы, и очень много того, без чего не может современное общество, но в то же время должно быть понимание, что у нас есть уже освоенные территории крупные города с большим потенциалом развития, и здесь требуются особые стимулы. У нас нет современного позитивного опыта применения особых налоговых режимов, режимов управления, режимов сопровождения инвестиций, но когда-то надо начинать. В большой стране и с такими возможностями нам нужно научиться правильно администрировать эти преференции и режимы, и давать долгосрочный сигнал инвесторам, что именно в Сибири, на Дальнем Востоке эти преимущества будут стабильными и долгосрочными.

Думаю, что мы недостаточно говорим о больших возможностях развития внешнеэкономических связей, выходе на новые рынки. На пленарных заседаниях, и на следующей дискуссии мы говорили о задачах государственной поддержки малого, среднего биз-

неса. Но надо понимать, что базовые условия для развития любого бизнеса — это рост спроса, и мы должны принимать системные решения по стимулированию как внутреннего спроса, так и по стимулированию выхода на новые рынки. Любая современная экономика, современные технологии производства глобальны, и здесь бессильны государственные политики, привлечение внешних инвестиций, и без выхода на внешние рынки нам тоже не обойтись.

— Хотел бы спросить министра регионального развития о территориях опережающего развития. Каково наполнение этого понятия, как оно соотносится с особыми экономическими зонами, какова роль частно-государственного партнерства, и как министерство собирается работать в этом направлении?

— Игорь Слюняев: Выработывая подходы к развитию Дальнего Востока, мы должны понимать, что в этом регионе конкуренция между Россией и государствами Азиатско-Тихоокеанского региона давно уже началась, и если по отношению к российским территориям мы говорим о том, что нам необходимо создать территории опережающего развития, то по отношению к государствам АТР это все-таки развитие догоняющее. Нам будет трудно выработать эффективную стратегию, не понимая национальных внешнеполитических приоритетов в этой части Евразийского континента, поэтому основы государственной политики должны нам помочь выработать те самые основные приоритеты развития Дальнего Востока, тем более что любые подходы, которые озвучиваются с развитием Дальнего Востока, так или иначе в Азиатско-Тихоокеанском регионе будут иметь политическое звучание. Нам важно понять, кто наши основные партнеры: Япония и Китай — это одна позиция, Сингапур, Малайзия, Вьетнам, Корея — другая, все одновременно — третья позиция, но это и есть те самые внешнеполитические приоритеты. С точки зрения комплексного развития, мне кажется, что важно рассматривать Дальний Восток и Сибирь, как единый мега-регион, и важно

гармонично вписать его в систему национальных приоритетов РФ, так же, как и в схему пространственного развития. При этом очень важно, чтобы все субъекты Дальнего Востока и Сибири нашли себя в приоритетах, которые являются сегодня главнейшими с точки зрения развития России.

Важно начать с анализа стратегии нашего социально-экономического развития. Мы приняли ее в разрезе федеральных округов в течение 2009—2011 года, и следующий шаг, после уточнения — это создание двух схем: расселения и размещения производительных сил. Сибирь и Дальний Восток должны логично вписаться в схему пространственного развития России. Мы должны рассматривать решение наших собственных задач как формирование конкурентных преимуществ в этом регионе, а не только как исключительную задачу вырваться на внешние экспортные рынки. Только через решение наших собственных проблем мы можем укрепить свои позиции, и выдержать конкуренцию с быстрорастущими экономиками государств АТР.

Драйверами роста и развития, главным элементом ресурсного обеспечения должны быть инвестиции, это очевидно, и в условиях ограничений бюджетных средств речь идет о прямых иностранных инвестициях. Кого напоминает иностранный инвестор? Это некий симбиоз животных. У него уши слона, потому что он реагирует на все, что слышит, сердце зайца, потому что боится любых рисков, и ноги газели. Вот с этим странным животным нам предстоит работать. Но это, конечно, условное наименование, потому что борьба за инвестиции в глобальном мире также носит конкурентный характер. Кстати, наши конкурентами за инвестиции на Дальнем Востоке выступают такие государства, как

Япония и Индия. Как не напугать инвестора? Только через защиту собственности, через законы, прямые для применения и толкования, и, конечно же, через отказ от избыточного регулирования предпринимательской сферы. 80 стран мира, как я уже говорил, борются за прямые иностранные инвестиции, и у большинства наших конкурентов нет возможности создать предприятие или предпринимателю прибыль, сопоставимую с той, которую он извлекает из современной России. Через надлежащее регулирование трудовой миграции мы можем решить и проблему ресурсного обеспечения, проблему обеспечения региона трудовыми ресурсами. Мы много внимания уделяем программе переселения соотечественников, и, как Минрегион, назвали Дальний Восток территорией приоритетного заселения для мигрантов, наших соотечественников, которые переезжают в Россию. Однако порядка 40 миллионов безработных — это та цифра, которая характерна для современного европейского сообщества. Причем не забываем, что часто это близкие нам по духу, даже исторически близкие нам народы: Чехия, Словакия, Сербия, Болгария, Румыния, Польша и другие.

В начале 90-х годов китайская экономика выиграла конкурентную борьбу за счет трех основных факторов: первое — это дешевая рабочая сила, второе — это американские и инвестиции, и третий фактор — это американские же, в основном, рынки сбыта. Как помните, автор четырех модернизаций Дэн Сяопин способствовал тому, что Китайская народная республика за считанные десятилетия превратилась в одну из ведущих экономик мира. Мы можем выиграть конкуренцию только за счет сырья, и у нас есть собственный положительный опыт, те же проекты «Сахалин».

Конечно, через концессионные соглашения привлечь иностранные инвестиции — это ключевая задача для цели развития Дальнего Востока и Сибири, вопрос только в том, насколько далеко мы готовы пойти в рамках реализации таких соглашений, раздела продукции, условий, на которых мы приглашаем иностранных инвесторов.

Более эффективным инструментом являются все-таки инвестиции в крупные инвестиционные проекты, но, опять же говоря о том, что минерально-сырьевая база — это наше неоспоримое конкурентное преимущество, напоминаю, что эта база была сформулирована в Советском Союзе до 2025 года. После этого кубышку наших минерально-сырьевых ресурсов мы не пополняли. Нам необходима полноценная программа, чтобы разведывать, ставить на баланс новые минерально-сырьевые ресурсы. Это, кстати, и фактор роста.

Нефть и газ наши соседи Япония, Китай, Корея везут за тысячи километров: российское сырье значительно ближе и дешевле, и, конечно же, необходимо вложение инвестиций в добычу, переработку, передел. В регионе практически нет крупных товарно-сырьевых бирж, исключение составляет только Лондонская биржа металлов, которая переехала в Гонконг. Россия является крупнейшим поставщиком зерна, нефти, энергоуглей, древесины, минеральных удобрений, металлов, и так далее, и тем самым есть все условия для того, чтобы именно Россия была главным актором в торговле сырьевыми товарами, а наш Дальний Восток может превратиться в крупнейшую товарно-сырьевую биржу в этом регионе.

В стратегических наших подходах мы должны учесть индустрию туризма, которая по большому счету не требует больших инвестиций. Можно объявить Дальний Восток и Сибирь зоной, свободной от ГМО — это тоже будет конкурентным преимуществом. Производство биотоплива за счет бросовых земель, питьевая вода — масса факторов, которые действительно способны сделать нас конкурентными в этом регионе.

Федеральные целевые программы, региональные программы, программы институтов развития важно подвести к единому знаменателю. Эти программы не должны быть сразу и обо всем — речь идет о существенных бюджетных ограничениях. Главная задача — это решение наших проблем и развитие конкурентных преимуществ, содействие экспорту. Для этого необходимы мощные идеи, мощный научный потенциал или экономика знаний, которая может также стать драйвером развития региона.

Транзитный потенциал региона — наши возможности, которые также не реализованы. Тут меры тарифного и нетарифного регулирования, реализация крупных инвестиционных проектов — все должно быть направлено на то, чтобы Россия более активно участвовала как минимум в двух международных транспортных коридорах: Европа — Западный Китай и Северный морской путь. Из десяти основных торговых портов в этом мега-регионе девять принадлежат китайцам, один сингапурцам, а Россия существенно вкладывает в товарооборот через морские порты не оказывает.

Я люблю пример, что даже по докладу Госдепа США об экономической ситуации в мире Южнокорейская экономика является самой передовой в мире. По количеству патентов южные корейцы занимают первое место в мире на тысячу жителей. Экономика знаний — тот самый драйвер роста, тем более что у нас есть уникальное явление — это Сибирское отделение Академии наук, хороший научный потенциал исторически сосредоточен в этом регионе.

Транзитный потенциал региона — наши возможности, которые также не реализованы. Тут меры тарифного и нетарифного регулирования, реализация крупных инвестиционных проектов — все должно быть направлено на то, чтобы Россия более активно участвовала как минимум в двух международных транспортных коридорах: Европа — Западный Китай и Северный морской путь. Из десяти основных торговых портов в этом мега-регионе девять принадлежат китайцам, один сингапурцам, а Россия существенно вкладывает в товарооборот через морские порты не оказывает.

Благодаря тому, что сегодня стал точкой роста большой Владивосток, важно эту тенденцию укрепить и дальше. Нам необходимы два морских порта: один во Владивостоке, а второй — максимально приближенный к Северному морскому пути — это либо Бухта Провиденция, либо Магадан, посчитать должны транспортные стратеги.

При оценке проектов, на реализацию которых мы предполагаем направить существенные бюджетные инвестиции — БАМ, Транссиб, путепровод или мостовой переход на Сахалин, мостовой переход через Лену — надо отметить, что главными критериями оценки участия в таких проектах должны быть эффективность и окупаемость. Без полноценной стратегии никакого развития не произойдет, и главным нашим преимуществом, конкурентным преимуществом является способность человека, который любит Россию, говорит по-русски и думает по-русски, к парадоксальному мышлению, а это так называемый элемент асимметричной стратегии, который тоже поможет нам вырваться в лидеры в этом регионе.

— Александр Галушка (Минвостокразвития) является одним из идеологов этого подхода к территориям опережающего развития. Можем ли мы уже сейчас сказать, по каким критериям можно судить об успешности или неуспешности территории опережающего развития?

— Александр Галушка: Хотел бы отнестись к тому, что было сказано, и объяснить, из чего мы исходим, формулируя свои предложения

по формированию сети территорий опережающего развития. Благо, сегодня дискуссия открытая, предполагающая стратегирование этого вопроса. XXI век — это век Азии. Мы все увидели в кризис, что когда Европа падала, Азиатско-Тихоокеанский регион рос. Уже сегодня карта мира Азиатско-Тихоокеанского региона не европоцентричная, это предполагает отказ от многих наших стереотипов. ВВП АТР — более 50 триллионов долларов, объем импорта в странах АТР более 10 триллионов долларов ежегодно — это более чем в пять раз больше, чем ВВП России. По различным оценкам, к 2020 году около миллиарда человек в АТР будут входить в когорту среднего класса с соответствующими потребительскими стандартами и соответствующим рынком. В кризис, если экономика АТР росла, наша упала, обнажилась со всей очевидностью главная структурная проблема — наша сырьевая зависимость, о которой кто только ни сказал за последнее время. В том числе и в стратегии национальной безопасности отмечено, что это ключевая экономическая угроза нашей национальной безопасности — такая однобокость нашей экономики. И президент, и Правительство об этом тоже регулярно помнят.

Говоря о восточном векторе и территориях опережающего развития, что здесь важно отметить? Мы внимательно проанализировали госпрограмму, которая подготовлена и утверждена. Есть ряд обстоятельств, которые нужно учитывать в той направленности госпрограммы, которая сегодня доминирует. Индонезийский уголь дешевле, чем российский, и будет дешевле. В этой связи нужно понимать, для чего мы строим наши транспортные магистрали, что мы по ним будем возить. Фактор Фукусимы конечен во времени и исчерпает себя рано или поздно, и сланцевая революция стала для всех очевидностью, которая развивается ежедневно на наших глазах. Закрывая глаза на эти тенденции в мире, и в том числе в АТР, было бы крайне недальновидно. Во же время, в Азиатско-Тихоокеанском регионе мы видим яркие примеры модели развития не сырьевого, основанного на частных инвестициях и успешного, причем это модели, в которые никто не верил, когда эти страны начинали свое экономическое возрождение: это и Китай, и Сингапур, и немного ранее Япония. Причем реализованы эти модели в условиях острой нехватки, а порой полного отсутствия сырьевых ресурсов, и сегодня являются образцами не только в странах АТР. Посмотрите интересные обстоятельства буквально первых двух месяцев этого года: Польша обошла Россию во внешнеэкономических торговых отноше-

ниях с Германией, — не за счет нефти и газа, а за счет реализованной несырьевой модели развития. В Польше в течение последнего десятилетия темпы роста экономики много выше, чем в среднем по Европейскому союзу, и очевидно, какая деятельная модель экономической политики стоит за этим уже измеримым успехом, который родился на наших глазах в Восточной Европе.

В этой связи мы исходим из того, что главный субъект новой модели экономического развития — именно субъект, а не животное, — это инвестор, и главное условие, чтобы практически реализовать инвестиционную модель развития Дальнего Востока — это выиграть конкуренцию за инвестора. А конкуренция за инвестора в мире, а в странах АТР особенно острая.

Что это практически предполагает? Что в нашем регулировании должен быть не унифицированный, а клиенто-ориентированный подход, который означает, что это регулирование должно быть диверсифицированным в высокой степени, а в ряде случаев индивидуальным и селективным, и такие примеры мы видим именно в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, с которыми собираемся конкурировать. Выиграть, используя неэффективные решения, победить в этих соревнованиях, если мы будем бежать в одной шиповке и использовать полумеры, невозможно. В этой связи основной вопрос, который нужно решить, выигрывая конкуренцию условий — это масштабное дерегулирование в рамках российской юрисдикции.

Наше регулирование крайне неэффективно сегодня, неконкурентоспособно по сравнению со странами АТР. Важно, что Правительство прилагает общие усилия к тому, чтобы выиграть в конкуренции условий, и Проект национальной предпринимательской инициативы, и наша задача в соответствии с указом президента войти в двадцатку лучших стран мира, они об этом. Однако Япония, с которой мы хотим конкурировать, уже 20-я в рейтинг «Doing Business». 13 декабря этого года, 2,5 месяца назад, в Японии принят Закон «О стратегических зонах хозяйствования», который предполагает фактически эксперимент по дерегулированию, масштабные изъятия из общих правил регулирования. Это делает страна с благоприятным в целом инвестиционным климатом.

В Китае перед тем, как реализуется та или иная реформа, проходит опытная апробация разных моделей в четырех провинциях, и только после того как становится ясно, какая из них лучшая, принимается решение о масштабировании этой модели в рамках национальной юрисдикции. Таким образом, изъятие из общих правил, которые у нас сформированы, является ключевым принципом для формирования территорий опережающего развития. Что это изъятие дает? Возможность прямого использования лучшей регуляторной практики, лучших стандартов государственного управления в технических регламентах, в СанПиНах, в градостроительных решениях, и территории опережающего развития является именно таким флагманским

инструментом практического применения лучших стандартов и практик регулирования, которые практически обеспечивают достижение глобальной конкурентоспособности в условии инвестирования. Хочу отметить, что ровно из этого исходил Президент, это видно из текста Послания Федеральному Собранию, когда поставил задачу создания сети территорий опережающего развития. Буквально Владимир Путин сказал о том, что в территориях опережающего развития должны быть созданы конкурентоспособные условия инвестирования в сравнении с ключевыми бизнес-центрами Азиатско-Тихоокеанского региона, в сравнении с этими центрами. Значит, и сравнение такое нужно проводить перед тем, как определять критерии формирования территории опережающего развития.

Председатель Правительства РФ 5 февраля поручил сформировать радикальные меры по улучшению инвестиционного климата в территориях опережающего развития, включая предложения по изъятию из общих правил регулирования. Российская практика последнего десятилетия показывает, что если мы хотим реально реализовать тот или иной действительно результативный и масштабный проект развития, то идем по пути изъятия из общих и неэффективных правил. Это и саммит АТЭС, и Новая Москва, и Сколково, и очень успешный национальный проект Олимпиады в Сочи. Поэтому мы исходили ровно из этих ключевых принципов, когда докладывали к председателю Правительства. Они одобрены, соответствующий протокол

Дмитрий Медведев подписал, и ровно эти принципы практически реализованы в тексте законопроекта «О территориях опережающего развития на Дальнем Востоке». И в нем эти ключевые принципы: международная конкурентоспособность, изъятие из правил, которые не позволяют достичь конкурентоспособности, реализованной практически и в том числе за счет соответствующее юридико-технического воплощения.

— Я хочу попросить Александра Борисовича Савченко сказать несколько слов о возможной географии размещения конкретных подходов к территориям опережающего развития на территории Сибири и Дальнего Востока.

— Александр Савченко: Если мы стремимся к улучшению бизнес-климата, то одним из кардинальных шагов в этом направлении является сокращение критериев и показателей, по которым мы оцениваем эффективность работы ТОР, и, на мой взгляд, таких показателей должно быть преимущественно два: это глубина переработки сырья, и доля экспорта. Все остальные показателями, например, экономическая, и так далее, — должны идти вторым эшелон. Вот два основных: глубина переработки и доля экспорта. Третьим показателем, раз мы говорим о территориях опережающего развития, целесообразно поставить показатель получения реального эффекта за пятилетие, то есть выхода на производство на стадию окупаемости соответствующих проектов. В случае, если объективно необходимо длительное проектиро-

вание — хорошо, через пять лет после начала строительной фазы.

Если теперь говорить об отраслевой специализации, то ориентироваться надо на ресурсный потенциал, который у нас есть, и это не только минерально-сырьевая база, но, скажем, водные ресурсы, и развитие здесь системы водоемких производств, а в целом речь должна идти об углублении переработки цветных металлов, производстве проката цветных металлов, комплекующих из них, обогащение угля, развитие различных химических производств, в том числе не газохимических и газохимических. Мне кажется, не надо отказываться от ЦБК. Страны Северной Европы с жестким экологическим нормированием, тем не менее, не чураются этого вида экономической деятельности. Мне кажется, что нельзя, если мы говорим о ТОР как об эксперименте, говорить о широкой сети ТОР. Я думаю, что пяти производственных ТОР в Восточной Сибири достаточно для старта, хотя целесообразно рассмотреть как отдельный вопрос создание ТОР в области рекреационно-туристической деятельности. У них совершенно другие требования к локализации, к инвестициям, и там понятна, локализация — это Байкал, Алтай, Саяны. Если говорить о локализации, существенным вопросом является задействование существующей сети инфраструктуры и расселения, и развитие агломераций в Восточной Сибири и Дальнем Востоке, как компенсация достаточно разреженной сети городов.

Не секрет, что для того чтобы развивать высокотехнологичное производство, в том

числе и углубляя переработку сырья, необходимо привлекать соответствующий человеческий капитал. Это требование и к качеству жизни, и к качеству среды. Их предоставляют, как правило, крупные города. Восточнее Красноярска городов-миллионников в регионе нет. Единственный способ компенсации этого недостатка — это развитие агломерации миллионников, и таких видится четыре: Красноярская, где, кстати, уже просматривается высокотехнологичная ТОР на основе существующих проработок атомной и аэрокосмической промышленности; это Владивостокская агломерация как первый эшелон, и за ними следуют Иркутская и Хабаровская. Я думаю, что ограниченность южным макрорегионом Восточной Сибири и Дальнего Востока целесообразна была бы при формировании рисунка размещения ТОР двух типов: производственных и рекреационно-туристических.

— Поскольку Красноярский край только что был упомянут, Лев Владимирович, ваш комментарий, представление или предложение на эту тему.

— Лев Кузнецов: Мы говорили, что все-таки важна работа институтов, и помним, что к марту Правительство должно подготовить, а в июне внести Президенту предложение по ТОРам, поэтому оперативность и решительность очень важны. Мы сформулировали четыре подхода к ТОР. Сибирь и Дальний Восток хоть и один макрорегион, но подходы по территориям опережающего развития на Дальнем Востоке и в Сибирском регионе отличаются именно от того, что мы макроре-

гионы очень большие.

Первое. В Сибири территории опережающего развития должны соответствовать названию, как и на Дальнем Востоке, и там экономический рост должен быть выше среднего по региону по количественным и качественным показателям. То есть очень важно, что это не подъем депрессивных территорий, а именно стимулирование территорий с опережающим развитием.

Второе. Мне кажется, что на первом этапе, экспериментальная площадка, такие территории должны быть созданы там, где есть готовые инвестиционные проекты и потенциальные инвесторы. При этом уже есть рабочая модель бизнеса, которая по своим показателям как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе является конкурентоспособной на внутреннем и внешнем рынке.

Третье. Учитывая, что все-таки в Сибири низкая плотность населения, ТОРы должны создаваться в виде определенных кластерных или в разрезе муниципальных границ территорий, потому что создать, как, к примеру, в той же Азии такие территории в соседних районах и городах физически невозможно из-за того, что нет людских и инфраструктурных ресурсов. Задача здесь — сконцентрировать весь совокупный потенциал. И главное, в рамках муниципальных образований легче администрировать, не нужно создавать дополнительные институты, а нужно правильно создать модели, которые обозначены были в послании — льготное налогообложение, НДС, лицензионное оформление, разрешение, — но это легко администрируется в рамках существующей модели, потому что это критично важно. Если мы начнем менять систему администрирования, то точно потеряем.

Четвертое. Мне кажется, что мы не должны бояться сырьевой составляющей. Правильно было сказано, у нас в Красноярском крае мы предлагаем три территории: первое — Красноярский пояс, где есть высокотехнологичные предприятия на базе «Росатома» и «Информационных спутниковых систем», и очень эффективная ТОР — это северо-арктическая, где сегодня присутствуют металлургические и нефтяные компании, сконцентрирована необходимая транспортная инфраструктура Порт Диксон и Севморпуть, квалифицированная рабочая сила, аэропорт, который позволяет обеспечить мобильностью жителей, комфортный город Норильск и другие. Поэтому высокотехнологичные ТОР должны, мне кажется, в Сибири сочетаться и с ресурсными, но при обязательном условии к ресурсным — это новые технологии, производительность

труда, и жесткий экологический стандарт, то есть новые предприятия на Крайнем Севере и в Арктике необходимо создавать при условии рачительного отношения к окружающей среде.

Третий проект, который мы представляем, также ТОР — это Ангаро-Енисейский кластер, где сегодня существуют и инвесторы, и реальная экономика, и понятная схема реализации на принципах ГЧП.

— А какой вы видите механизм управления? Специально вынесенная площадка, совпадающая с муниципальным районом? Кто должен управлять — представители ВЭБа, министерства, муниципалитет?

— Лев Кузнецов: Механизм управления — специальный режим, под который попадают проекты, проходящие и соответствующие определенным критериям. Там создается налоговый режим, администрируют налоговые органы, таможенный режим администрируют таможенные. Никаких управляющих компаний. Есть существующая система администрирования, но которая дает специальные преференции попадающим в рамках этих отсортированных территорий проектам.

— В какой мере ВЭБ готов погружаться в эту тематику как с точки зрения создания инфраструктуры зон, так и с точки зрения поддержки несырьевого экспорта, или по каким-то другим направлениям?

— Андрей Сапелин: Есть стандартный проектный подход, когда мы на принципах проектного финансирования финансируем проекты на территории, стараясь предоставлять льготные условия. Но мы видим, что на этой территории в силу определенных исторических причин есть недостаток качественных проектов. И когда сейчас в новой идеологии Минвостокразвития говорит, что «Мы создадим, как страна, новую форму, обеспечивающую льготные условия, эксклюзивные и отличные от экономических условий на другой территории страны, создадим условия для ведения бизнеса», надо понимать, что речь все-таки идет о форме. И здесь комбинируя, если возможно, выступление двух министров — регионального и Минвостокразвития — мне кажется, очень важно иметь долгосрочную стратегию, которая является комбинацией предложений местных властей, местного бизнеса и Федерального правительства, а что стратегически делать на рынках, о которых говорил господин Галушко, каковы ниши, не только традиционные сырьевые, но и новые (потому что нужно конвертировать доходы, которые мы будем получать от сырья, в какие-то новые ниши). И мне кажется, что это не только в задаче бизнеса; аналитический аппарат и возможности государства

Механизм управления — специальный режим, под который попадают соответствующие определенным критериям проекты. Там создается налоговый режим, администрируют налоговые органы, таможенный режим администрируют таможенные. Никаких управляющих компаний. Есть существующая система администрирования, но которая дает специальные преференции попадающим в рамках этих отсортированных территорий проектам.

Есть один из ключевых ограничителей, и мы с этим все чаще сталкиваемся: до какого-то момента времени мы все рассуждали, что избыточные человеческие ресурсы — это обременение, с которым надо что-то делать, но сегодня, запуская целый ряд новых проектов, понимаем, что квалифицированный человеческий капитал подразумевает наличие людей с соответствующим уровнем образования, и инфраструктура, обеспечивающей жизнедеятельность этих людей.

в этом смысле существенно выше, и опытной же самой Польши или Канады в связке Польша-Германия и Канада-США показывают, что здесь нужна осмысленная стратегия и политика.

Теперь про ВЭБ. Мы не только финансируем проекты, но с точки зрения экспорта по поручению нашего акционера Правительства активно наращиваем объемы поддержки именно экспорта как высокотехнологичного, так и традиционного во всех формах. Во-первых, этому способствует созданное Агентство поддержки экспортных кредитов «ЭКСПАР», которое очень активно начало свою работу, и уже портфель измеряется миллиардами долларов выданных гарантий. Внешэкономбанк за последние два года нарастил портфель экспортных кредитов, причем сюда входят как кредиты поставщикам, так и покупателям высокотехнологичной продукции, что естественно для мировой практики. То есть мы видим свою задачу в том, чтобы обеспечить условия финансового пакета, конкурентные на мировом рынке. В рамках этой задачи мы и работаем. Более того, неделю назад были приняты дополнительные амбициозные планы для нас роста этого портфеля, под достижения которых мы соответственно будем менять инфраструктуру как с точки зрения доступа участников рынка, не только крупных компаний, но и предприятий среднего и малого бизнеса к такого рода кредитованию, и надеемся, что эти планы, несомненно, будут реализованы.

— *Насколько адекватно, на ваш взгляд, то, что критериями успешности является глубина переработки и доля экспорта, или что-то другое? Кто-нибудь хочет сказать?*

— Александр Галушка: Да, конечно, экспорт, и хочу обратить внимание, что экспортная ориентация производства является, в том числе, еще одним из мощных дополнительных оснований для изъятий. Если мы поставляем на зарубежный рынок, зачем нам наши техрегламенты, если покупатель в Азиатско-Тихоокеанском регионе находится? И второй критерий — это величина добавленной стоимости.

— *Как известно, богатство России будет прирастать Сибирью, может быть, правда, богатство Сибири будет прирастать Россией, но в чем состоит богатство Сибири? И так, начнем мы, с Сергея Владиленича Кириенко.*

— Сергей Кириенко: Спасибо, Владимир Александрович. В продолжение дискуссии, которая уже была, я хотел бы согласиться с основными прозвучавшими критериями, что экспорт в качестве приоритетного; согласен,

что высокотехнологичный экспорт желателен с высокой добавленной стоимостью, но мне кажется, надо добавить еще критерий, если мы говорим о выборе приоритетных точек развития. Неважно, называется это «территории опережающего развития» или по-другому, все-таки важнейшим параметром является наличие квалифицированных человеческих ресурсов. Я не голосовал за «сибирский характер», потому что это не очень точно описывает ситуацию. Есть один из ключевых ограничителей, и мы с этим все чаще сталкиваемся: до какого-то момента времени мы все рассуждали, что избыточные человеческие ресурсы — это обременение, с которым надо что-то делать, но сегодня, запуская целый ряд новых проектов, понимаем, что квалифицированный человеческий капитал подразумевает наличие людей с соответствующим уровнем образования, и инфраструктуры, обеспечивающей жизнедеятельность этих людей. Поэтому, на мой взгляд, одним из параметров, который должен учитываться при выборе территорий — это наличие соответствующего человеческого ресурса и инфраструктура. Обязательная вещь — это наличие развитой, обеспечивающей развитие проектов инфраструктуры.

Еще одно условие я бы добавил — обязательное требование государственно-частного партнерства. Вообще не рассматривать проекты, в рамках которых есть только государственные инвестиции. Себя в данном случае как госкорпорацию отношу скорее к государственным инвестициям, то есть говорю о том, что подобные проекты должны предполагать кроме государства и госкомпаний, и поддержку субъекта РФ, еще и частный капитал.

Из этих критериев, может быть, привел бы несколько конкретных примеров. Начну с Красноярского края, где мы находимся. У нас две точки, о которых упоминал губернатор. Первое — Железногорск, 60 километров по дороге, 35 напрямую. Уникальный технологический кластер, два ключевых градообразующих предприятия — это ЗАТО, горный и химический комбинат Росатома. Объем накопленных инвестиций: за последние пять лет мы вложили туда 52 миллиарда рублей. Общий объем запланированных сегодня инвестиций — 76, то есть еще 24 миллиарда вкладываем в ближайшие годы. Замыкание топливного цикла с точки зрения экспортного рынка; мировой рынок этих услуг — порядка 20 миллиардов долларов, он растет существенными темпами. Причем даже события на Фукусиме скорее увеличили его темпы роста, потому что спрос на технологии по выводу из эксплуатации и утилизацию последствий замыкания жизненного цикла только растет, и

решений необходимого уровня в мире нет, а то, что мы делаем там на сегодняшний день — это лишь 2-3 страны в мире работают сегодня на этом уровне. Плюс уникальные программы Роскосмоса.

Что здесь важно? Хотел бы подчеркнуть на примере тех трех городов. Очень важна, и мне нравится, идея территорий опережающего развития с соответствующими системами льгот, но меня настораживает только типовая шаблонная рамка, то есть набор льгот по всей территории. Назвали ТОРом — получите соответствующий набор, а реализация конкретных инвестиционных проектов в режиме частно-государственного партнерства везде будет требовать индивидуальной настройки. То есть от льгот по налогам никто не откажется, но нужна везде разная индивидуальная настройка. Например, в Железногорске скорее сегодня нужно решить проблему слишком дорогого тепла, что связано с историческим наследием и перекрестным субсидированием. Там сегодня нужны небольшие инвестиции, которые позволят доразвить тепловые мощности, обеспечить конкурентные условия для создания нового производства. Кластер там создан, условия есть, и, скорее всего, для этого проекта более ничего не надо.

— *Значит, и налоговых льгот не надо, или они подразумеваются сами по себе?*

— Сергей Кириенко: Под кластер, который там есть, администрация края уже дала целый ряд преференций. Понятно, что под требование, под критерии, которые сейчас звучали по ТОРам, Железногорск точно попадет. В этом смысле будут рамочные налоговые льготы — великолепно, проект просто пойдет развиваться значительно быстрее, поскольку он рассчитан скорее на малый бизнес.

Всё, что сейчас говорю по льготам — не про себя, то есть именно для малого и среднего бизнеса, частных партнеров. Росатому ничего не нужно, мы эти проекты уже делаем и все равно будем делать. Это, кстати, на мой взгляд, еще один важный критерий — то есть желателен крепиться туда, где уже есть якорный инвестор, который в любом случае реализует проект, даже если ТОРов не будет, он все равно это уже делает. Вот наличие этого, на мой взгляд, одно из важных условий.

Теперь второй — Зеленогорск, 100 с небольшим км по прямой от Красноярска. Уникальный город, моногород-ЗАТО Росатома, обогатительный комбинат. Такой технологией центрифужного обогащения урана в мире обладает на сегодняшний день только три страны. 80% продукции на экспорт, с потенциалом до 90%. Объем инвестиций мы вложили порядка 15 миллиардов рублей, и еще примерно столько же будем вкладывать.

Ключевая проблема для нас и потребность в развитии в следующем: темп роста производительности труда — уже в три раза выросла производительность, где-то примерно в 2,5 раза мы за ближайшие 3-4 года ее нарастим, но оборотная сторона: если новая центрифуга у нас в 10 раз производительнее старой, то даже при росте объемов загрузки и объема контрактов у нас производит высвобождение квалифицированного персонала, а это уникальный персонал, аналогов которому почти нет. Потенциальный ресурс в течение ближайших нескольких лет — от 3 до 5 тысяч человек высококвалифицированного персонала. Фантастическая экология: ни Красноярску, ни Москве такая не снилась, как в Зеленогорске. У нас там в данный момент времени за час можно обеспечить подключение 500 мегаватт свободных электрических мощностей, в течение года поднять до гигаватта. 700 гигакалорий в час свободного тепла, потому что под другие технологии строились эти заводы, и сегодня колоссальная избыточная

мощность. Инфраструктура вся: детские сады, дороги, социальная сфера, ничего не надо инвестору делать. Что с этим? Со всеми своими инвестициями мы все равно не угонимся за темпом роста производительности труда, и не должны. Если мы начнем ограничивать рост производительности труда, проиграем конкуренцию на глобальном рынке.

Есть хороший проект у «ОНЭКСИМ» по Кингашскому медно-никелевому месторождению, под которое все равно потребуются большой металлургический комбинат. В принципе, «ОНЭКСИМ» готов привязать этот металлургический комбинат к Зеленогорску, поскольку железная и дороги есть. Что нужно? Нам — ничего, инвестору — индивидуальный режим помощи. Скорее даже не только режим ТОРа, хотя льготы по налогу потребуются. Им надо от Зеленогорска пробивать туда дорогу, линию электропередач, и Минэкономики сегодня такие вопросы рассматривает. Не государственные инвестиции, потому что в этом всегда есть риск — государство проинвести-

рует, инвестор передумает, — а конструкция, при которой если инвестор строит эти объекты общей инфраструктуры за свой счет, то ему дается возможность потом погасить свои затраты из налогов, которые возникнут, если он построит месторождение. Абсолютно адекватный механизм, позволяющий резко развивать территорию — это реальная экспортная точка роста.

И еще один пример приведу; здесь Константин Ильковский, губернатор Читинского края. Краснокаменск, аналогичная ситуация у нас. Этот моногород вообще в 500 с лишним км от Читы, крупнейший урановый комбинат России. Такая же история: рост производительности труда, то есть мы понимаем, что если у нас сегодня на этом комбинате 11 тысяч человек, то с точки зрения современных технологий производительности труда мы сегодня удерживаем их как социальное обязательство, при этом в реальности нам более чем достаточно там сегодня 4000, в перспективе 3000. Но высокая квалификация людей, инфраструктура, свободные энергетические мощности, рядом Быстринское месторождение, на котором реализует свой проект «НорНикель». Опять, как я понимаю, для «НорНикеля» даже не требуется специального приоритета ТОРа, они уже имеют соответствующие льготы на этой территории, поддержка нужна скорее в выполнении государством своих обязательств. То есть есть принятые решения о железной дороге, которая не достроенная туда зависла, причем инвестор свои обязательства выполнил на 100%. Но остался недофинансированный государством хвост — проект завис. Срок, в который они готовы пускать месторождение, и срок подвода сетей не синхронизированы сегодня по времени, недостроена железная дорога. Слету дает 3-4 тысячи рабочих мест, мы можем полностью обеспечить вахтовым методом этих людей из Краснокаменска, а всю инфраструктуру, включая потенциальный проект кластера с глубокой переработкой, не только гидрометаллургией, но и следующие этапы переработки, включая объединенные с редкоземельными проектами, которые мы сами там реализуем, и которые можно будет собрать соответственным образом в Краснокаменске. Поэтому еще раз базовые выводы всего, что я сказал, такие: обязательно частно-государственное партнерство, обязательно выбирать регионы, где есть инфраструктура и человеческий капитал, и инвестор, который инвестирует вне зависимости от того, есть там ТОР или нет, и обязательные инструменты индивидуальной настройки. Не просто перенесенный шаблон,

а индивидуальные решения, принимаемые для каждой точки развития.

— Андрей Бугров. Сергей Караганов недавно предложил перенести столицу Российской Федерации в Новосибирск, а в недавнем Давосе Олег Дерипаска предложил ее перенести в Иркутск, так что есть оживленный интерес ко всей этой тематике, хотя, находясь в Красноярске, конечно, я должен был предложить именно этот город, так что готов быть инициатором такого процесса. Но мы сегодня не об этом говорим. Вот когда реализуем ТОРы, тогда можем вернуться к этой теме.

Это гигантская страна к востоку от Урала, и значительная этой территории еще не изучена. Показатели развития региона тоже традиционно отстают от среднероссийских, мы все это знаем: и по ВВП, по инвестициям в основной капитал, по развитию инфраструктуры. Надо уходить от грубой сырьевой ориентации, создавать высокотехнологичные производственные кластеры с высокой долей value added, и дальше осуществлять, если получится, экспортную экспансию на азиатском рынке. Но при этом в мире есть весьма и весьма успешные территориальные проекты, такой территориально-производственный признак, а серьезными инструментами государственной поддержки. Без деталей: это гранты на ТЭО проектов, это освобождение от налога на прибыль, НДС, пошлины выборочно для определенных категорий по специальным критериям, в ряде случаев возмещение налога на прибыль частично, и результаты, которые получены на этой территории — она, кстати сказать, 500 тысяч квадратных километров, — очень впечатляющие.

Идем дальше. Есть Австралия, район Пилбара. За короткий период времени, меньше 10 лет, количество рабочих мест выросло многократно — там небольшое население, порядка 50 тысяч человек, — но за счет мер государственной поддержки, фискальных стимулов, развития инфраструктуры и инвестиций частного сектора регион стал важнейшим источником роста, обеспечивая, как там написано, 2% ВВП, 90% экспорта железной руды. С учетом такого опыта есть целый ряд факторов успеха, которые нам надо будет учитывать, потому что эти территории для ТОРов мы должны выбирать с учетом объективных преимуществ. Соответственно, инструменты стимулирования, которые мы должны использовать для этого, тоже в режиме тонкой настройки, должны быть приспособлены к тому набору конкурентных преимуществ, которые могут там возникнуть. Опыт показывает, что эффект быстрым, близким не будет. Для достижения быстрых результатов необходимо выбирать террито-

рии с построенной платформой. Такие у нас в этом регионе есть. Важно инвестировать, конечно, и в инфраструктуру, прежде чем мы будем делать что-то большее. И, конечно, строительство инфраструктуры делается под заказ того объема работы, видов проектов, которые будем делать.

Есть три группы макрокритериев: экономический потенциал территории, база для развития и дополнительные критерии. Критически важным является соответствие географического положения района ряду задач — это освоение Арктики, приграничные территории, которые у нас есть на юге нашего Сибирского региона.

К Северу от Полярного круга, северная часть Красноярского края — миллион с лишним кв.км. Если текущими темпами осваивать этот регион, то потребуются несколько веков. 75% территории не изучены, базовая инфраструктура изолирована, но все равно может стать основой развития. ТОР в этом регионе, можно обсуждать, как его нарезать, как его сформулировать, будет форпостом в освоении Арктики, и в развитии шельфа, и, конечно, Северного морского пути. При развитии такой территории в этой части Красноярского края два основных слова отражают суть — модернизация и экология. Мы видим потенциальный эффект создания Таймырского добычного промышленного кластера до 2030 года, то есть через 15 лет примерно 30 миллиардов ВРП. Удвоение по никелю, почти удвоение по меди, гигантский рост по газу, и экономический эффект нами просчитывается от новых проектов на базе ресурсо- и энергосберегающих технологий. Принципиально важно — рост налоговых платежей увеличивает доходы регионального бюджета больше чем на треть.

Не буду читать все предложения по реализации поручений президента. Надо принять закон, утвердить критерии — глубина переработки сырья и доля в экспорте. Для нас очень важно закрепить принцип стабильности фискального режима, а с точки зрения критериев — высокий потенциал для развития, наличие снижающей риски инвестиций базы, и приоритизация по ряду дополнительных факторов.

Могут быть разные подходы к оценке новизны производства. Это может быть степень добавленной стоимости, определенное количество за пять последовательных лет после 2014 года, чтобы это превышало определенное пороговое значение по стоимости пороговых средств, набор фискальных стимулов тоже примерно понятен. Хочу еще раз подчеркнуть, что с позиции того, что в этом регионе существует платформа для развития, которой интересуется не только «Норильский

Никель», но и целый ряд других многообещающих инвесторов, эта платформа создает возможность, как предмостное укрепление, создать эффективную территорию опережающего развития в этом регионе.

— Кирилл Дмитриев, вы тоже потенциальный участник этих проектов, вам тоже придется, наверное, в какой-то мере рисковать своими деньгами.

— Кирилл Дмитриев: Да, но не моими, а государственными, и не рисковать, а инвестировать. Можно инвестировать, минимально рискуя, в часть проектов — и мы сейчас обсудим, как это можно сделать. Во-первых, мы действительно считаем, что сейчас есть уникальная возможность, потому что о чем говорили раньше — о том, что экономика Азии растет. Это действительно очень важно, это может быть локомотивом роста и Дальнего Востока, и Сибири. Второе: нам надо действительно признать, что только недавно мы стали приглашать инвесторов в этот регион. Еще буквально 4-5 лет назад не было понимания, был страх перед рядом инвесторов, и не было желания их привлекать, поэтому очень важно, что сейчас установка именно на привлечение. Третье: действительно, территории опережающего развития доказали свой успех в ряде стран. В Китае, например, выручка в этих территориях была 6,3 миллиарда долларов в 2001 году, потом уже 30 миллиардов в 2007 году, и 145 миллиардов долларов в 2013 году. Нам кажется, что действительно территории опережающего развития — это интересный шаг в развитии, но точно не панацея, и важно понимать, что речь идет о том, как конкурентные преимущества региона сделать более понятными и более инвест-привлекательными.

По индустриям. Например, лесная индустрия: был запрет на продажу кругляка, многие пошли в переработку, но сейчас есть часть леса, который они не могут продавать, и в результате экспорт российского переработанного леса упал в пять раз. Страны Японии, Китая и канадские компании этим воспользовались. Поэтому мы считаем, что нужны точные настройки. Например, компенсация пошлин именно тем компаниям, которые инвестируют в переработку, то есть то, что позволяет ключевым индустриям хорошо развиваться.

Дальше. Мы верим в платформы, которые создали совместно с инвесторами — с Китаем, Кореей, Японией. Корея, например, сумела построить успешный кластер по строительству кораблей, сейчас они №1 в мире судостроению. Мы специально попросили господина Чэна присутствовать здесь, он занимался экономическими зонами в Китае.

Партнерства, которые мы создаем, очень важны. Мы проинвестировали 20 млрд. руб. в Дальний Восток, чуть меньше в регионы Сибири, и планируем резко увеличивать инвестиции. И последнюю мысль, которой я хотел поделиться — это большая проблема, о которой мы мало говорим. Дело в том, что есть проекты, которые работают без поддержки государства и просто прибыльные, и в них можно инвестировать независимым инвесторам, есть проекты, которые не работают без поддержки государства, и, в результате, есть частно-государственное партнерство, и тогда инвестор туда заходит. И есть третья группа проектов, которые никак не интересны для инвесторов, и государство само должно их делать, и у нас очень часто эта третья категория проектов пытается пробиться в категорию №1, категорию №2, и непонимание, что действительно является рентабельным и может финансироваться частными деньгами, где действительно нужны концессионные механизмы и меры господдержки, что можно сделать частно-государственное партнерство, и тогда будет прибыль, а что даже не надо предлагать инвесторам. И последний пункт — это то, что очень было интересно услышать про планы Дальнего Востока, и министерство активно этим занимается, а мы, безусловно, тоже призывали бы работать над многими вещами совместно, потому что иногда какие-то вещи звучат как такая самостоятельность, которая нам знакома по событиям, которые происходят в ряде стран. И есть ряд уже созданных институтов, которые наработали 10 миллиардов долларов на совместных платформах, 3,8 миллиарда долларов проинвестированных денег, и очень важно в этой попытке создать все новое, чтобы не выбрасывалось то, что эффективно работает, и что может быть крайне полезно для дальнейшего развития.

— Руслан Байсаров: Мы говорим о государственным частном партнерстве, речь идет о Республике Тыва. Долгие годы Россия пыталась соединить Республику Тыва с Транссибирской магистралью, но из-за сложноступных мест и климатических условий этот проект реализовать не удавалось. Сегодня мы совместно с государством выстроили логистическую цепочку, нашли экономический эффект, и выход для его реализации. По нашей оценке он сегодня один из самых эффективных проектов современной России. Очень сложный проект — нам предстоит строить железную дорогу длиной 410 километров, преодолеть 1400 метров над уровнем моря, проделать 8 тоннелей, 127 мостов и три перевала, а еще пройти вечную мерзлоту. В чем эффект? Мы, получив месторождение, купив

месторождение у государства, рассчитав свою эффективность, дальше начинаем строить глубоководный порт в Хабаровском крае в районе мыса Бурный, открывая тем самым ворота стран АТР.

По нашим оценкам, за 20-летний период эффективности нашей компании мы платим в налоговый бюджет Российской Федерации около 300 миллиардов рублей. Около 200 миллиардов рублей мы платим в виде банковских процентов, не считая тела кредита. Я считаю, что такого рода проекты невозможно реализовать без участия государства. Мы очень тесно работаем с Правительством РФ, без поддержки вряд ли могли бы сдвинуться с точки. Кроме этого, с завершением строительства, ввод в эксплуатацию наших объектов — начало 2016 года, а окончательно ввод в эксплуатацию всего проекта — 2018 год. Мы выходим с нашей продукцией, с новым экспортом на страны АТР, и увеличим объем экспорта в эти регионы значительно больший, чем существует сегодня. Сегодня, к сожалению, Россия экспортирует всего 8% от общего мирового потребления в странах АТР.

— Чэнь Хунтао, исполнительный председатель Госкомитета Китая по высокотехнологичным экономическим зонам, у него много других позиций. В какой-то момент, много лет назад, когда Китай начал бурно развиваться, я понял, что у каждого российского экономиста и мы можем найти массу интерпретаций Китая, и каждый визит в Китай может подвергнуть и опровергнуть любой тезис, кроме того, что Китай действительно динамично развивается последние 25 лет. Господин Чэнь, прошу рассказать о вашем видении опыта китайских особых экономических зон.

— Чэнь Хунтао: У меня девять лет опыта управления такими зонами, и, как сказал президент Путин, для использования ОЭЗ должны быть разработаны стандарты. 30 лет назад мы сталкивались с такими же проблемами, как разработать различные проекты на основе различных потенциалов различных регионов. С 80-х годов до сегодняшней даты мы на национальном уровне разрабатывали эти проекты. ВВП этих ОЭЗ составляет четверть ВВП всего Китая. Я в качестве аналогии хотел использовать несколько ОЭЗ, чтобы продемонстрировать, как мы также фокусируемся на развитии Востока. Восточные города являются партнерами в этом процессе. В центре Китая наименее развитые регионы. В 90-х годах мы создали ОЭЗ в городе Шиен почти с нуля, и ВВП этой ОЭЗ составляло 20% всего города. И поскольку город Шиен имеет универ-

ситет, различные научно-исследовательские центры, для нас было не так сложно сфокусироваться на информационных технологиях, других высокотехнологичных технологиях, которые основывались на различных потенциалах, которые были разработаны и существовали там.

Есть три ключевых фактора для успеха: первый — это стартап, и начать эффективное управление. Наш персонал и члены нашего комитета, четверть из университетов, четверть из частных компаний, включая иностранные компании, и четверть — государственные представители. То есть мы создали команду, которая отвечает за выполнение потребностей наших клиентов и реализацию различных проектов. Кроме того, мы создали вспомогательную политику, соответствующую вспомогательную инфраструктуру, например, льготные налоги и стимулы для инвесторов, и для того чтобы привлечь инвесторов, и развивать местные компании.

Кроме того, привлекаем иностранные инвестиции, и, в то же самое время, мы намерены поддерживать и наши китайские компании. Несколько примеров. В прошлом году мы привлекли инвесторов и в размере 13 миллиардов долларов в качестве инвестиций, но в то же самое время у нас была создана местная компания, которую мы поддерживали. Эта компания является крупнейшей, и также котируется на Шанхайской бирже. И сейчас создатели этой компании являются миллиардерами. То есть мы пытаемся обеспечить баланс между иностранными инвестициями и поддержкой местных производителей, и, как говорил господин Савельев, у меня есть предложение к нему: мы могли бы создать центр сотрудничества в России и Китае, для того чтобы обмениваться опытом, обмениваться различными примерами успешных проектов.

— Ермолай Солженицын: Вообще, в мире более половины специальных зон растут медленнее, чем их национальные экономики. Потому что иногда там недостаточно смотрят на конкурентные преимущества конкретного региона. Был пример в Малайзии, там хотели развивать биомедицину. В принципе, с чего ей там взяться? Одним волевым решением руководства, было много ленточек, строек, но не сработало. Поэтому очень важно смотреть: если где сырье, значит, сырье, где IT, значит, IT, где логистика, значит, логистика. Кстати, тезис про инвестиции, как мы сегодня обсуждали у нас, деньги вроде в экономике есть, но, не находя проектов, они уходят, поэтому если такие ТОРы были привязаны близко к идеям инвесторов, они даже и российские деньги привлекали бы без большой необходимости

конкуренции за капитал. Мировой опыт тоже говорит, что в среднем особенно новые зоны, которые начинают работу (это занимает 15 лет), пока начинают реально создавать экономическую стоимость. Если уже активная зона есть, активный экономический кластер — проходит пять лет. Поэтому понимание, что мы не то что резолюцией форума запустим взрывной рост, и новые ТОРы не сразу вырываются к следующему форуму.

— Константин Ильковский: Меня насторожила дискуссия и противопоставление зоны опережающего развития (ТОРы) и депрессивных территорий. Будучи россиянином, я опасаюсь, что в результате создания ТОР у нас количество депрессивных территорий может возрасти, поэтому сегодня идет дискуссия, а сколько должна быть эта территория ТОР — это 1000 квадратных километров, или она должна быть 1000 гектар? Поэтому хочу высказать свою точку зрения: учитывая, что наше конкурентное преимущество — это сырье, это минерально-сырьевая база, уверен, что в ближайшее 50-летие для России только это будет являться конкурентным преимуществом — минерально-сырьевая база и продукты ее переработки, — поэтому считаю, что ограничиваться в площадях ни в коем случае нельзя. Это первое. Мы привыкли к поддержке мега-проектов, при этом понимаем прекрасно, что наша задача — развивать бизнес-сценарии, потому что понятно, что тигр важен, но не менее важны и комары. И когда это соотношение правильно, тогда территория развивается правильно и она комфортна.

И теперь то, что касается непосредственно Забайкальского края, о чем здесь подробно сказал Сергей Кириенко. Уже готова экспортная территории опережающего развития — зона юго-востока Забайкалья. Первое — это кадры, это хорошо развитая социальная инфраструктура на базе города Краснокаменска, это удовлетворительно развитая транспортная инфраструктура, прекрасная минерально-сырьевая база с колоссальной перспективой, причем по тем видам ресурсов, которые на сегодняшний день экспортно весьма привлекательны: медь, золото, полиметаллы. И что самое главное, сегодня уже существуют инвесторы: это, в первую очередь, «Росатом», «Норильский Никель», китайский капитал, который пришел на эту территорию, а также целый ряд других компаний, которые крайне заинтересованы в этом. Поэтому одно из реальных предложений — это рассматривать юго-восток Забайкальского края, как уже готовую зону для опережающего территориального развития.

Говорят, что нас никто не ждет сегодня с продуктами высокого передела в мире. Так

нас и не ждут, потому что у нас нет этих продуктов на сегодняшний день. У нас есть концентраты, и их с удовольствием забирают, но надо сделать следующий шаг — получать металлы из этих концентратов, и продукты из этих металлов, и тогда мы можем претендовать на те или иные рынки сбыта; если их нет, то мы эти рынки не завоюем.

— Игорь Шувалов: Нам к концу июня нужно представить Президенту работу, которая будет состоять из методической части, что мы относим к территориям опережающего экономического роста, по каким критериям мы их создаем, кто принимает решения, как они управляются, и второе — мы должны иметь четкий перечень этих ТОРов, доложить президенту, что правительство вместе с региональными правительствами эту задачу выполняет, что мы имеем четкую картину и представление о том, что в ближайшие годы делаем, вырывая из системы общего регулирования отдельные территории, и предлагая обществу специальные инвестиционные проекты. Я уже много лет нахожусь и участником дискуссии, и наблюдаю за дискуссией. Что нужно делать? Одновременно создавать одинаковые условия по всей стране, либо наряду с тем, что мы модернизируем Россию по всем фронтам одновременно, все-таки создавать некоторые определенные возможности, даже давая исключения из общего законодательного ряда для того чтобы инвесторы могли приходить, и показывать какой-то более серьезный результат?

Что мы имеем с вами, какой у нас опыт? Мы внимательно смотрели за свободными экономическими зонами, которые существуют в Китайской народной республике, был создан российский, специально разработан и принят закон, но есть ли успех от работы этих зон, как в КНР? Нет, при этом все время есть желание, чтобы у нас были зоны или территории, или проекты, которые бы показывали не меньший результат, как в Китайской народной республике. Но опыт Сочи и АТЭС говорит о том, что вырывать территорию из определенной системы регулирования, давать какие-то преференции, вводя специальную систему администрирования, можно добиваться очень высоких результатов. Я думаю, что если бы не было специального законодательства по Сочи, то за семь лет этот проект невозможно было бы сделать. Если бы не было законодательства по АТЭС, невозможно было бы во Владивостоке сделать то, что было сделано за четыре года, и так далее. И мы, когда в Правительстве относимся к этой инициативе, которая была представлена президентом, на самом деле понимаем, что это новая попытка реанимировать то же, что делали с принятием

законодательства «О свободных экономических зонах», просто это ребрендинг, или это какое-то другое начало, чтобы представить реальный успех по инвестиционным проектам.

Какие критерии должны лечь в основу ТОРа, чтобы послужить началом инвестиционного проекта. Как представляется, в нынешних условиях, чтобы заниматься успешными проектами в Сибири и Дальнем Востоке (если помните, в послании Президента говорится и о Дальнем Востоке, и о Сибири). Нам сейчас в первую очередь нужно найти проекты. Не придумывать, что у нас есть хорошие режимы, что дадим льготы. Нам нужно иметь представление, какие льготы мы можем предоставить по закону, как мы будем работать с конкретным инвестором, а понятно, что с инвестором придется работать специально, не так, как повсеместно. Это значит, местный руководитель муниципального района, и руководитель региона, должны нести особую ответственность за взаимодействие с таким инвестором, потому должна быть персональная ответственность за проект, и проект должен быть успешным, и таким образом вот понимание о том, каков статус этого ТОРа. Этот статус должен обслуживать конкретный проект — но должен появиться этот проект. Я поддерживаю тех, кто считает, что необходимо все-таки более гибко относиться к тому, что предоставлять в качестве статуса для такого территории опережающего развития. Невозможно сказать: по закону это пять пунктов, мы предоставляем каждому эти пять пунктов, и дальше вот вам критерии, работайте. Больше того, я совсем не считаю, что исключительно фактор экспорта является таким важным. Вы знаете, для рынка РФ вполне возможно создавать территории опережающего развития, например, в сфере услуг. Мы с губернатором вчера и сегодня обсуждали, например, возможность развития медицинского кластера в этом регионе. Большое количество российских граждан получают услуги в зарубежных лечебных учреждениях, либо имеют некачественную услугу здесь на территории РФ, и если создать специальные условия, когда будет возможность здесь для наших с вами сограждан получить высококлассную медицинскую услугу, и для этого будет создано специальное администрирование, почему нет?

При нашей глобальной цели продвижения товаров на азиатско-тихоокеанские рынки нужно учитывать фактор экспорта, мы не должны думать, что он исключительно важен, и что мы другие проекты, где нет экспортной составляющей, просто закрываем.

Как работать, чтобы эта идея уже к концу

Говорят, что нас никто не ждет сегодня с продуктами высокого передела в мире. Так нас и не ждут, потому что у нас нет этих продуктов на сегодняшний день. У нас есть концентраты, и их с удовольствием забирают, но надо сделать следующий шаг — получать металлы из этих концентратов, и продукты из этих металлов, и тогда мы можем претендовать на те или иные рынки сбыта; если их нет, то мы эти рынки не завоюем.

года заработала, как конкретный институт. Нам нужно во второй половине года принять федеральный закон, и на уровне правительства утвердить конкретные проекты, по которым мы начнем действовать. Чтобы они начинались, мало проекта и мало статуса; необходимы люди, и нужно не просто в чистом поле создавать соответствующие кластеры. Наверное, ТОР — это не просто проект, где работают специальные люди с большими возможностями — или другие, куда могут приехать на постоянное место жительства люди с высоким образованием и высокими профессиональными навыками. Фактор высо-

коклассной производительности и обученной рабочей силы, он крайне важен.

Мы в Правительстве запускаем новую программу, которая имеет рабочее название «Новая занятость». Мы будем софинансировать определенные мероприятия, чтобы обеспечить большую динамичность и мобильность на рынке труда. Должен вам сказать, что даже при том, что мы готовы предоставить значительные средства, пока работодатели к такой работе не совсем готовы, но мы будем здесь вместе эту работу проводить на основе государственно-частного партнерства. Поэтому очень важный фактор — это рынок труда, способность пригласить людей для этого проекта либо на местном рынке, либо из других регионов. Если не будет возможности собрать их в регионах, иметь возможность применять новое законодательство о миграции, чтобы пригласить мигрантов для работы по таким проектам.

Что касается государственного частного партнерства, я считаю, что без сомнения это должны быть все проекты ГЧП.

В завершение сказал бы вот что. Если не все проекты, которые мы утвердим, не получатся — ничего страшного. Главное, чтобы больше 80% стали успешными. Нам нужно не бояться. У нас не получилось успеха со свободными экономическими зонами, но это не значит, что не получится вообще. Мы там догоняли чужой опыт; нам важно понимать, что мы не Корея, не Китай и не Япония, и у нас своя самобытная культура, и культура ведения бизнеса, и много чего еще. И, конечно же, все-таки сырьевой экспорт в ближайшие годы будет преобладать. И много других составляющих, которые мы обязаны с вами учитывать. Но мы должны создать модель ТОРов, которая действительно будет давать более высокие темпы экономического роста и показывать успех.

Я все время возвращаюсь к успеху Олимпиады. Нам нужны с вами и в промышленной политике, и в политике развития сектора услуг как раз такие проекты, которые дадут новую жизнь вот этому новому экономическому развитию, и ТОРы — это один из инструментов. Это не значит, что мы должны с вами забыть и про Калининград, который тоже требует определенного развития, и Центральную часть России. Может быть, мы там будем применять другие инструменты, а может быть, эти, если они станут успешными. В любом случае, надо понимать, что это эксперимент с надеждой, что он будет тиражирован в институты современного ведения бизнеса, поэтому в ближайшем месяце все это у нас с вами должно получиться и заработать.

Управление крупными проектами: как нам обустроить Сибирь

Перед Россией стоит задача по реализации ряда масштабных инвестиционных проектов. Частично проекты финансируются за счет средств Фонда национального благосостояния. Не станут ли крупные инвестиционные проекты новыми долгостроями? Как повысить эффективность и привлекательность подобных проектов для частных инвесторов? Один из круглых столов Красноярского экономического форума, прошедшего в конце февраля, был посвящен развитию ключевых инвестиционных проектов страны — в основном инфраструктурных, или зависящих от инфраструктуры. Когда обсуждаются перспективы развития, многие связывают их исключительно с сырьевой базой. Но неразделимо с этим тезисом звучит вопрос о транспортной, энергетической, социальной составляющей их реализации.

Алексей Текслер, заместитель министра энергетики РФ

— С какой точки должен начинаться процесс планирования потребностей в инфраструктуре, который потом приведет к крупным проектам в этой сфере? Как это выглядит сейчас, как должно выглядеть? Например, в дискуссиях про БАМ и Транссиб звучит, что нужен обновленный прогноз грузоотправителей или МЭР. Понятно, что в таких крупных инфраструктурных проектах, когда решишь на какую мощность строить, то при изменении конъюнктуры уже по ходу проекта сложно корректировать параметры. В железнодорожном транспорте иногда звучит позиция *take or pay*, брать жесткие обязательства. Но грузоотправитель не готов их на полный вероятный объем. Как считаете, надо ли работать с определением спроса, на какую мощность, так сказать, планировать, если мы строим вдолгую, на 10-15-20 лет?

— Сегодня Министерство начинает активно пересматривать стратегические документы; мы обсуждаем энергостратегию до 2035-го года, в этом году планируем обновить генеральные схемы и долгосрочные программы, генсхемы по нефти и газу, и генсхему размещения объектов электроэнергетики. Параллельно по поручению Правительства проводим сейчас аудит энергообеспечения Дальнего Востока. Сибирь и Дальний Восток с точки зрения энергетики — абсолютно разные территории. Приморье — венецианская ситуация; большое количество изолированных зон. На каждой территории существуют свои проблемы, поэтому, когда мы говорим о Дальнем Востоке, нужно предметно относиться к каждой территории. Но если смотреть на ситуацию в целом, то мы видим избыточность генерации, большой объем сетей, и недостаток потребителей. Исходя из этого, возникает проблема относительно высокого тарифа. Поэтому при планировании эти вопросы надо, безусловно, учитывать. Вторая

часть этой проблемы — это высокие удельные затраты. Нужно заниматься реновацией и модернизацией, выводя старую неэффективную генерацию, и "расширять" проблемы, которые сегодня существуют. Вот, собственно, с точки зрения подходов, пожалуй, надо обращать внимание именно на эти аспекты. Четыре объекта Росгидро сегодня активно обсуждаются; в ближайшее время начнется строительство — уже завершены процедуры, связанные с проектированием. Это Якутская ГРЭС, это ТЭЦ в Совгавани, ряд других объектов. По мере ввода этих объектов, будут выводиться старые мощности.

Что касается Транссиба и БАМа, сейчас идет обновленные расчеты; техническое задание под объекты энергетики учитывает расширение Транссиба и БАМа. В рамках очередной итерации угольщики пришли в РЖД и дали свой прогноз, увеличив объем потребности перевозок в направлении дальневосточных портов. Насколько это оправданный подход, очень важный вопрос. Никто не против, чтобы угольщики добыли, перевезли и продали больше; ждем завершения этой работы для того, чтобы сдать окончательные расчеты, связанные с обеспечением энергетикой вот той работы по Транссибу и БАМу, которая сегодня ведется.

— То есть нужно определиться с целевым объемом, и строить. Но сколько мощностей энергетики нужно помимо потребностей железной дороги, например через 15 лет?

— Сегодня генсхема на размещение объектов ориентирована до 2020-го года. Мы хотим перейти на более долгосрочное планирование, и новую корректировку в генсхему будем делать с пролонгацией до 2035-го года. Также ждем, где определится территория опережающего роста, и какое потребление будет там. Вот территории, о которых вчера мы активно говорили. Собственно, Министерство Дальнего Востока предлагает двигаться по этому направлению. Плюс заявленные проекты, которые существуют у компаний и попада-

ют в программы социально-экономического развития территорий.

Но есть много проектов на бумаге, без гарантий, что они будут реализовываться. Инфраструктура, если туда её проводить, стоит больших денег. Как выйти из этой ситуации — есть примеры. Мы считаем, что должна быть гарантия востребованности инфраструктуры, если она построена за счет государственных средств. Иначе стоимость содержания и эксплуатации, и капексы, упадут тяжким бременем на всех, и вряд ли прочие потребители будут довольны.

— Готовы ли мы рассматривать прямые инвестиции иностранных государственных компаний, китайских, японских, корейских фондов в объекты инфраструктуры в Сибири и Дальнем Востоке? Если не готовы — почему, если готовы — есть ли ограничения по доле владения этими объектами?

— Сегодня о каких-то ограничениях речи не идет; проблема в том, что инфраструктура, которая должна быть построена, скорее всего не окупается в ближайшее время, и никакого инвестора кроме государства, на эти объекты изначально быть не может. Но есть и примеры, когда инвесторы, разрабатывая те или иные месторождения, в обязательном порядке вкладываются в инфраструктуру. Главный ограничитель — это тарифная составляющая. И если говорить об электроэнергетике в Якутии, то у нас есть достаточно большой объем, так называемой зоны децентрализованной энергетики, которая влияет на конечную цену электроэнергии для промышленных потребителей. Дополнительное включение в тарифные источники инвестиционной составляющей и в последующем в расчет амортизации, увеличение тарифов, снижает инвестиционную привлекательность региона с точки зрения тарифов на электрическую энергию. Это еще один фактор, почему государство обязано участвовать в формировании инфраструктуры на Дальнем Востоке и в восточных регионах страны.

Тагир Ситдеков, член правления, ООО «УК «Российский фонд прямых инвестиций»

— Как Российский фонд прямых инвестиций смотрит на проблему инвестиций в объекты инфраструктуры? Что говорят соинвесторы, которых необходимо привлекать в такого рода проекты?

— Мы относительно недавно начали рассматривать инфраструктурную отрасль; до недавнего времени вся она финансировалась исключительно государством, и когда мы начали анализировать, можно ли сделать так, чтобы вдруг совсем перестало финансировать инфраструктурные проекты, оказалось — да, но лишь в редких случаях. В основном при развитии инфраструктурных проектов роль государства все равно должна сохраняться. Например, когда государство выступает концендентом, предоставляет availability payment, или участвует в проекте посредством предоставления капитального гранта. Тогда проекты можно структурировать таким образом, что они станут привлекательны для инвесторов. Основная задача — понять, каков будет размер участия государства, и как можно поднять дешевое финансирование, чтобы возвратность была достаточной. Мы как фонд заявили на два проекта: один — это мост через реку Лена в Якутске, другой — система взимания платы с автомобилей выше 12-ти тонн. Интерес российских и международных инвесторов достаточно высок, имеется конкуренция и к проектам в pipeline различных регионов.

Еще два слова об инфраструктуре для развития больших ресурсных проектов в регионах. Если развивается, например, большое угольное месторождение, и нужно построить железнодорожную ветку до основной магистрали, возвратность закладывается в тариф; но потянет ли тариф потом это месторождение? Надо смотреть на весь проект, и часто бывает — из-за сложившейся ситуации с ценой на уголь, например — что экономика не срабатывает. Можно сколько угодно говорить, что «мы начнем возить в больших объемах», но при сохранении тарифа экономика падает.

Возвращаясь к инфраструктурным проектам с взиманием платы, или без привязки к какому-то другому большому проекту по разработке территории, интерес со стороны иностранных инвесторов огромный. И мы хорошо развили отношения с Ближним Востоком: есть соглашение с Департаментом финансов Абу-Даби, которые готовы вместе с нами инвестировать 5 миллиардов долларов. Исторически они смотрели на проекты Brownfield, где уже есть денежные потоки, чтобы их развивать. Но и проекты Greenfield — это основной предмет нашей дискуссии — готовы смотреть при правильном структурировании.

Александр Мишарин, первый вице-президент ОАО "РЖД"

— Каковы прогнозы развития по Транссибу и БАМу?

— Мы дискутируем о том, что нужно заложить, каков прогноз; но в моем понимании лучше что-то делать, чем ничего не делать и только рассуждать. Были проведены работы по расчету транспортно-экономического баланса; расчеты выполнил Институт экономического развития транспорта вместе со всеми предприятиями, Минэкономразвития, и другими институтами. Сформированы прогнозы в формировании и перевозке грузов на Дальний Восток. Суммарно они просматриваются более ста миллионов; первоначально уже есть увеличение на 53 миллиона тонн груза, которое просматривается на порты Дальнего Востока. Под них сделана программа, которая является очень важным шагом по реконструкции всего Восточного полигона. Мы подробно обсуждали эту тему в увязке с другими видами транспорта. Сегодня железнодорожный транспорт является главенствующим, потому что таково грузообразование. Пропускная способность БАМа и Транссиба определяется двумя

составляющими: это наличие инфраструктуры — строительство вторых путей, новых станций, обгонных пунктов; и технологией, которая будет использована: вес, длина поезда, какие локомотивы, вагоны. Это определяется видом груза. Сегодня во всех прогнозах главный или основной груз — уголь. Значит, должна быть и технология под перевозку угля. Принято решение на уровне РЖД, что мы выходим на унифицированный вес 7 тысяч тонн, приближаемся к 100-вагонным составам, и формируем соответствующий парк локомотивов. Под это — понятные условия для энергетиков, которых я не очень понимаю: что еще нужно? Есть объемы, мощности, основные потоки. Сами считайте и определяйте мощность. Мы можем посчитать сами, нам это легко, но это не наша поляна.

— Если подумать о том, как управляются крупные проекты с точки зрения государства, то видится большое количество трудных составляющих. Например, тарифное регулирование, если инфраструктура является частью экономики другого проекта. Есть вопрос стыковки разных точек спроса. Есть региональный взгляд, есть взгляд отдельных компаний. Есть вопрос чисто управленческий: кто рассматривает прогнозы, как утверждаются решения? Складывается впечатление, что наше государство еще только нащупывает пути, как управлять крупными государственными проектами. Совещания, которые собираются — это часть стандартного процесса управления проектами, или очередная сверка часов? На примере крупного проекта высокоскоростного железнодорожного транспорта, проходящего много дискуссий, как этот процесс управляется? Какие уроки извлечены?

— Когда мы строим, например, железную дорогу, нужно смотреть на те грузы, которые будут перевозиться. Сможет ли развиваться проект в целом, будет ли обеспечена эффективность тех, кто занимается добычей, переработкой грузов и ископаемых... Но еще сложнее говорить о проектах для пассажира, для конечного пользования: это проекты общественные, и важно выделить две составляющие. Первая — это государственные риски. Для таких крупных проектов как ВСМ главным является общественный риск, восприятие общества, потому что чем больше государство вкладывает на первой стадии, тем больше оно потом получит, но как посчитать отдачу? И второе, насколько государство может привлечь частных инвесторов, на какую долю, чтобы снизить нагрузку на бюджет? И

На примере скажу, к чему мы пришли. Сколько государство может вложить? В соответствии с прогнозом социально-экономического развития страны до 2030-го года, одобренная Правительством транспортная стратегия закладывает реализацию проектов скоростного и высокоскоростного движения, более 4-х тыс. км ВСМ и около 7-ми тыс. км. скоростного движения, общим объемом больше 7 трлн. рублей. Вроде очень

много. Но как много по сравнению с другими программами? Это примерно столько, сколько сделала за 10 лет Испания, и гораздо меньше чем Китай. То есть в мировом масштабе это не такие большие цифры. Когда мы говорим о государстве, то проекты ВСМ рассматриваем с позиции: что будет, если в стране появляется транспорт со скоростью 300-400 километров в час? Какие изменения могут произойти в экономике за счет эффекта агломерации, внедрения современных технологий, изменения качества жизни, развития территорий... Только агломерационные эффекты, включение в агломерацию гораздо большего количества жителей дает весьма значимый эффект. Мы видим, что если сегодня московская агломерация выходит примерно на 10 км за рамки кольцевой дороги, то при реализации ВСМ в агломерацию, включается даже город Владимир. То есть экономически активная территория расширяется на расстояние до двухсот км. То же происходит с Нижегородской, Казанской агломерациями. Мы объединяем страну за счет сокращения времени движения при тех же расстояниях. Эффекты разбиваются на 3 составляющих: транспортные, прямые экономические для государства за счет появления новых условий, и косвенные. Впервые Центром стратегических разработок Минэкономразвития совместно с целым комплексом институтов — Институтом экономического развития транспорта, Институтом Гайдара, Академией наук, МГУ, проведены исследования и расчеты по приросту ВРП на примере одного участка Москва-Казань. Приведу этот пример, который можно пролонгировать на всю сеть.

— Какой прирост ВРП дают эти эффекты, какие дополнительные консолидированные доходы бюджета возникают?

— При реализации только одного проекта в период с 2019-го по 2030-й годы дополнительный прирост ВВП в целом за счет региональных продуктов составляет более 7,2 трлн. руб., при стоимости проекта всего в 1 трлн., то есть за первые 10 лет эксплуатации, а дополнительные доходы консолидированного бюджета составят 2,3 триллиона рублей. При этом, бюджеты регионов получают новые цифры. Естественно, появляется другой пассажиропоток, потому что появляется тактовое движение. Как выглядит экономика регионов в условиях наличия этого транспорта? Для Нижегородской области с ВСМ или без неё к 2025-му году разница в ВРП (сегодня примерно 1 трлн.) составляет 252 млрд. руб., а к 2030-му году почти 500 млрд. руб. То же самое для Владимирской области: 131 млрд. разницы, при том что весь ВРП около 300 млрд. И так это посчитано для каждого региона, где появляется новый вид транспорта.

— За счет чего возникает этот эффект?

— За счет развития различных отраслей. В первую очередь, появляется больший эффект в обрабатывающей промышленности, в сфере услуг, машиностроения и так далее. Безусловно, дает возможности для выпуска продукции. Проект генерирует дополнительное создание рабочих мест: за период реализации 370 тысяч рабочих мест — это еще одна из задач создания, которая поставлена в указах Президента. Это не только транспорт и связь, но и остальные отрасли, которые начинают развиваться. Мы в марте все эти расчеты представили в Правительство и работаем с группой консультантов, что дает основание, чтобы и государственная Дума, и Правительство, и руководители страны приняли решение в пользу реализации такого вида транспорта.

— Но как может отреагировать рынок в лице инвесторов?

— Здесь мы пошли по нестандартному пути. Мы применили так называемую, корпоративно-концессионную схему, где мы первый участок от Москвы до Владимира реализуем по классической корпоративной схеме через компанию РЖД с использованием средств Фонда национального благосостояния через выкуп привилегированных акций, который сегодня опробован, и выпуск облигаций с использованием средств Пенсионного фонда, плюс средства РЖД. А следующие участки — на концессионной основе, которая

сегодня реализуется по классической, уже опробованной в государстве схеме на уровне платных дорог. Она законодательно определена, понятна для рынка, для международных инвесторов и фондов. И она более длительно позволяет вести реализацию.

— То есть, частный инвестор на другие три участка может прийти и заработать? Есть ли уже интерес потенциальных инвесторов на второй, третий, четвертый и так далее участки?

— Могу озвучить предварительные результаты — мы проводим прероад-шоу, и обсуждаем эту тему с инвесторами. Есть заинтересованность, есть условия: концессионер получает плату за доступ к инфраструктуре, в этом наша модель похожа, например, на реализованные концессии во Франции. Сегодня похожая схема, практически один в один, реализуется на участке Тур — Бордо, где является концессионером «Винси»; они будут продавать доступ к инфраструктуре. При этом есть важный момент — гарантия минимального дохода, который нужно обсудить и затем обеспечить. Но такая схема позволяет обеспечить интересы инвестора.

Разработана финансовая модель с общим финансированием 1,068 трлн. руб. Мы видим, что государственное финансирование составляет только 317 млрд. условно невозвратных; условно — потому что я говорил, какой мультипликативный и дополнительный доход получают бюджеты. Проект начинает генерировать средства и на другие будущие

проекты. А остальные деньги, исключая государственные — на возвратной основе. При этом общее соотношение с учетом государственных гарантий — около 70% государство и 30% частные инвесторы. Доходность для различных участников проекта и на заемные средства — в пределах разумного.

— А как население относится к таким проектам?

— В декабре 2013-го г. ВЦИОМ провел исследование и опросил 46 городов, включая Красноярск, в зоне которых ВСМ проходит или планируется в ближайшее время. 85% населения страны, где предполагается ВСМ, сказали, что такие дороги очень нужны, и в целом 80% всего населения это поддержали. Второй вывод еще более интересен. Мы знаем, что это большие инвестиции в инфраструктуру, так 75% считают, что очень перспективное вложение ресурсов, потому что дорога остается навсегда, несмотря на дороговизну. 69% всего населения считают такие вложения инвестиций своевременными.

— Решается ли проблема отсутствия российских ИРС-игроков?

— Инжиниринговую компетенцию надо накапливать у себя, потому что от технологических и технических решений инжиниринговой компании во многом зависит эффективность проекта, его стоимость, окупаемость и так далее. Это никому не отдать, потому что иначе ты должен нанять вторую инжиниринговую компанию, которая будет проверять первую компанию, а на него еще консуль-

Инжиниринговую компетенцию надо накапливать у себя, потому что от технологических и технических решений зависит эффективность проекта, его стоимость, окупаемость и так далее. Иначе ты должен нанять вторую инжиниринговую компанию, которая будет проверять первую, а на него еще консультанта.

танта. И это гораздо дороже и менее эффективно, поэтому инжиниринг внутри крупной корпорации — это главное условие успешной реализации её проектов.

Альберт Еганян, председатель совета партнеров VegasLex

— Механизм концессий, который планируется предлагать инвесторам: насколько он легко может быть тиражируем и на другие инфраструктурные проекты в России? Каковы специфические моменты, на которые нужно обращать внимание, чтобы через этот механизм реальный частный капитал мог прийти к финансированию тех больших инфраструктурных строек, которые экономике явно будут нужны?

— Хорошая новость в том, что мир на эти вопросы нашел ответы. Плохая в том, что мы по-прежнему продолжаем их искать. Но хорошо, что ответ есть, вопрос в том, каков он. Одна из ключевых проблем при структурировании проекта в том, что мы априори тяготеем к упрощению — но не существует простых решений при структурировании инфраструктурного проекта. Мы пытаемся упростить любую конструкцию, и в итоге это приводит к тому, что она становится настолько простой, что не реализуется. Эту проблему мы имеем в том случае, если пытаемся вообще думать об инфраструктурном проекте и как его структурировать. В большинстве случаев судьба любого проекта — написать заявку в Спортлото и государство, спросить: Дадите денег?, получить ответ: не дадим. После этого сказать: мы попросили денег у государства на инфраструктуру, оно не дало. На этом структурирование обычно заканчивается в большинстве случаев. В итоге, ключевая проблема любого инфраструктурного проекта даже не вопросы экономики, которые зашиты в этот проект. Потому что любой инфраструктурный проект в нашей стране имеет свою экономику, бенефиты, но иногда они исчисляются деньгами напрямую, иногда косвенно, как в случае, например, с ВСМ. Когда-то они измеряются косвенными бенефитами, которые получает государство — это может быть не прямая экономика.

Относительно способов структурирования, часто говорится, что нам не хватает законодательства. По моему убеждению, в нашей стране законодательства хватает на 80% проектов. Говорят, нет закона о коммерческой концессии, но сама она существует: например, оффтейкерские соглашения. Да, понятно, что в 20-ти видах инфраструктур они невозможны, в остальных 80-ти возможны. И список вот таких инвестиционно — юридических инструментов, которые возможны к

применению, но почему-то не применяются, он, на самом деле, достаточно широк. На 80% проектов, которые нам приходят в голову, действующего законодательства вполне хватает, при условии, что мы не упрощаем инвестиционные модели, при условии, что мы не упрощаем проект в процессе его структурирования.

Одна из проблем в наших проектах в том, что мы попадаем в серую зону проектов по соотношению риск-доходность. Те инвесторы, которые имеют аппетит к риску, не удовлетворены нормой доходности, которую мы рассчитываем в инфраструктурных проектах. Те же, кто не имеет аппетита к риску, не удовлетворены рисками, которые предлагается им взять в рамках проекта. Это проблема любого проекта в Австралии, в Канаде, в Южной Америке и так далее. В любой стране эти процессы политизированы и имеют большое количество обсуждений и дискуссий.

Возможно ли более активное использование концессионных механизмов в нашей стране? Он уже вовсю используется. Можно говорить, стоит ли его использовать или нет. Существует большое количество на десятки миллиардов долларов профинансированных проектов. Можно держать в высоком градусе кипения общественную дискуссию, нужны ли нам концессии, и работает ли этот механизм, но параллельно существуют проекты, которые не замораживаются, можно или нельзя. Они спокойно реализуются и их много. Точно так же и с оффтейками: многие обсуждают, можно ли делать в нашей стране оффтейкерские контракты в инфраструктурной сфере. Но существует определенное количество инвестпроектов, которые используют оффтейкерские контракты, они профинансированы, и реализация идет активно.

Когда мы говорим об инфраструктуре, необходимо решать утилитарные вопросы: какая инфраструктура должна создаваться государством и как именно. Нет вопроса о том, должна ли инфраструктура создаваться государством; вопрос другой: чья собственность будет на эту инфраструктуру. Почему ФСК и МРСК не используют инструменты государственно-частного партнерства? Они вечно упираются в проблему собственности.

Вторая проблема – чьи деньги, каков способ девелопмента, способ структурирования этого проекта? Обозначение значимости инфраструктуры, необходимости старта того или иного проекта – это государственное решение. Но это лишь начало разговора. Когда мы структурируем проект на условиях ГЧП, внебюджетного финансирования, начинается конкретная механика. В рамках каждого

проекта необходимо отходить от дискуссии, должно ли его делать государство; нужна дискуссия о том, каким образом может быть создана государственная инфраструктура – за счет бюджетных денег, за счет ГЧП или полностью частного капитала.

Андрей Сапелин, первый заместитель Председателя "Внешэкономбанка":

— Одно из приоритетных направлений работы Внешэкономбанка – это развитие инфраструктуры. Как развивается этот сегмент для ВЭБа? Какие вы видите, опять же, может быть, требования для того, чтобы вы активно поддерживали те или иные проекты? Что нужно для того, чтобы ваше участие в этих проектах еще даже расширялось в будущем?

— Мы не просто дискутируем, а финансируем. Портфель проектов Внешэкономбанка в области инфраструктуры превышает несколько сотен миллиардов рублей. Основным критерий, которым мы руководствуемся, это вопросы доходности. Несмотря на то, что мы предоставляем более льготные условия финансирования, чем коммерческие банки, которые с точки зрения сроков вообще не готовы идти во многие проекты; лишь не более десятка коммерческих кредиторов готовы принимать риски более 15 лет. Вопрос цены уже вторичен. Для инвесторов, которых представляет Внешэкономбанк, (а мы лишь используем лишь небольшую часть государственных средств, остальное привлекаем с рынка) основное требование — доходность. Если ее нет, экономика проекта убыточная – нет повода для разговора.

Есть второй критерий, которым мы руководствуемся, как организатор финансирования — поиск фондирования. У нас не так много внутренних источников для реализации в стране инфраструктурных про-

ектов. Долгосрочных денег в стране мало. Я бы не хотел пугать цифрами, но если мы говорим о финансировании инфраструктурных проектов, очевидная экономика этих проектов рублевая — их нельзя финансировать в валюте. Принимать на сроки даже 3 года значимые валютные риски в миллиарды долларов никто не будет. А что происходит с финансированием в рублях? У нас нет рублей длиннее 7-ми лет в стране, все остальное — это синтетика, инструменты банковского искусства. В других странах, которые активно финансируют инфраструктуру, есть реальные инструменты, которые позволяют привлекать деньги на срок до 30-ти лет; соответственно, если у вас есть 30-летний пассив, вы совершенно спокойно можете финансировать актив соответствующей длины. У российских банков, даже Института развития, нет таких пассивов. Исторически их источником являются пенсионные фонды, у нас такой один, и называется Пенсионный фонд РФ. В проекте, который показывал Александр Сергеевич, одним из источников были указаны облигации, которые должен приобрести Пенсионный фонд.

Другой источник длинных денег — страховые компании; но тоже история и масштаб этих компаний не те, чтобы финансировать подобные проекты. В этом и состоит основная проблема поиска источников. Не могу сказать, что она драматична и не решается, просто исторически мы лишь недавно начали этим заниматься. И банку развития-то всего 7 лет. Идет интенсивный диалог с Правительством на тему создания таких источников, потому что если их не будет, сложно говорить о том, что у нас будут появляться проекты. В противном случае, это высокие риски для Правительства, уже не говорю про инвесторов.

— Мы обсуждали, почему из страны уходит ежегодно 70 млрд. руб., и ответ был, что недостаточно объектов для инвестирования, потому в экспорториентированную страну приходит много денег, но не все находят применение здесь. Мы сетуем, что хватает денег на инфраструктуру; надо привлекать иностранные деньги, длинные и более дешевые. Но можем ли мы перекинуть мостик между теми 70 млрд. руб., которые каждый год уходят, чтобы они приходили в инфраструктурные проекты, на которые в бюджете денег нет?

— Есть разные классы инвесторов. В мире не принято частным инвесторам вкладываться в инфраструктурные проекты. Конкретный пример ВСМ — сроки окупаемости далеко за 20 лет. Частный инвестор, срок активной жизни которого измерится примерно таким же периодом, не будет инвестировать в такие проекты; это исключено не только у нас. Нужны другие институты, другие источники: страховые компании, фонды... когда нашей активной экономической истории формально 15 лет, а на самом деле чуть больше 10-ти – пока еще рано говорить. Если мы говорим о крупнейших японских, американских фондах, которые создавались столетие назад, это несравнимые вещи. Мы общались с американскими фондами, один из страховых фондов одного из штатов, в управлении имеет 120 млрд. долларов. Штатов, как вы помните, много. Деньги – это такая вещь, которая должна накапливаться. У нас их пока накопилось немного.

— Решается ли проблема отсутствия российских ИРС-игроков?

— ВЭБ с этим сталкивается постоянно, потому что национальные инженеринговые компетенции очень низки сейчас. Почему мы не можем их быстро накопить? Мы огромные усилия предпринимаем и пытаемся их создать с помощью иностранных компаний. Есть объективная трудность: инженеринговая компетенция – это люди; инженеры, которые должны по 20-30 лет отработать. У нас таких в стране практически нет. Помните, чем занимались 20 лет назад наши инженеры? А компетенция накапливается только после сорока лет. То есть их очень мало; а нужны тысячи – в этом проблема. Опять же, надо подождать 10-15 лет. Инженеры – это люди, которых, в отличие от торговцев в магазине, надо именно накопить. В компании Боинг считают, например, что компетенция инженера начинается с 45-ти, до этого он учится.

Марат Атнашев, Вице-президент по крупным проектам "ЕвразХолдинг":

— Как выглядит проблема управления крупными проектами со стороны част-

ного бизнеса? На каких звеньях создание стоимости проектов мы занимаем сильные позиции, на каких есть проблемы кадров или системы управления? Что у нас нормально работает, а где нам реально надо учиться?

— «Евраз» — компания инфраструктурная. Мы, в общем, должны быть прямым бенефициаром всех инфраструктурных проектов. «ЗСМК» — наш комбинат, ближний к Сибири; объем потребления строительного и железнодорожного проката за Уралом — около 2 млн. т, то есть инфраструктурные проекты все-таки пока не стартовали. Если мы сравним этот показатель с любой провинцией Северного Китая, не таких развитых как их приморские регионы, даже там будут гораздо большие цифры. Естественно, у частной компании есть главная задача, которую мы можем решать лучше, чем остальные игроки — мы должны выбирать правильный объект, правильный проект, и попытаться реализовать его лучшим образом.

Задача найти правильный объект достаточно значима для инфраструктурных проектов: нужно понять, что все-таки "полетит". Мы на карту посмотрим, какое огромное количество запасов – но что превратится в реальный проект, станет приносить доходность, обосновано для инвестирования? Вторая задача — как правильно инвестировать, реализовывать. Вот пример: юг Якутии, Тимир – анклав железорудных месторождений, 4 млрд. тонн потенциально к добыче. Мы как компания сфокусировались на понимании, что действительно является качественными запасами. Посмотрев на карту, мы провели исследование всей железорудной базы России, на сегодня это из неразработанных месторождений самое серьезное, самое интересное к разработке и по содержанию железа, и по объемам запасов, по близости к инфраструктуре. То есть как частный инвестор мы понимаем, что стараемся инвестировать в лучшее из возможного..

Дальше компания занимается чем-то, что называется пре-feasibility; по-русски – это "выполнимость", то есть можем ли мы выполнить этот проект во всех смыслах. Выполнимость состоит из нескольких вещей. Первое — аутоанализ активов. Второе — это рынок; куда продукт пойдет, может ли быть потреблен. Естественный рынок, если мы смотрим на карту, тяготеет в Азиатско-Тихоокеанский регион. Но именно в этом проекте мы, анализируя рынок и понимая, с конкурсируем (с Австралией, Бразилией, которые уже добывают в открытых месторождениях, и доставка порядка 20-ти долларов за тонну из Бразилии; и содержание железа порядка 60-70-ти %

Задача найти правильный объект достаточно значима для инфраструктурных проектов: нужно понять, что все-таки "полетит". Мы на карту смотрим, какое огромное количество запасов – но что превратится в реальный проект, станет приносить доходность, обосновано для инвестирования?

процентов уже в карьере) — мы постепенно пришли к выводу, что большой Тимир сегодня — это огромная инвестиционная история с первым большим шагом 60 миллиардов рублей, а полная разработка – порядка 300 миллиардов рублей, на сегодняшний неподъемна ни для частного, ни государственного инвестора, ни для их комбинации. Дальше стали анализировать другой рынок — внутренний российский сухопутный рынок, не требующий колоссальных объемов. Но как металлургическая компания мы понимаем, что в объемах 5-6-7 миллионов тонн сырье будет потребляться в другом направлении, не конкурируя на море с другими поставщиками, а с альтернативными, более дорогими активами. Часть из них выпадает, например месторождение Коршуниха; то есть концентрация просто физически в России будет меньше. И мы понимаем, что это разворот проекта. Значит, следующий этап – поняв, как делать проект и структурировав его, мы не уйдем от вопросов инфраструктуры, взаимодействия с остальными участниками. Важнейший вопрос инфраструктуры: железная дорога уже существует, проходит в двух километрах. Идет обсуждение – доступ, наличие инфраструк-

туры, сколько будет стоить подключение, каковы будут тарифы. Важнейший вопрос, который нас занимает в проекте Тимир — тарификация. Мы работаем с Правительством и железнодорожными кругами Якутии, и с РЖД. Но нужна ручная настройка под каждый проект.

Следующий вопрос — это социальная инфраструктура. Здесь тоже есть взаимодействие с Правительством Якутии; месторождение находится недалеко от Нерюнгри, где есть падение производства, и есть задача занять население и воспользоваться существующей инфраструктурой. Это восполняющий проект в этом смысле.

И последний элемент — как финансировать. У нас есть 6-ти миллиардный проект, мы в состоянии его профинансировать вместе с партнерами и даже сами. Но проблема финансирования новых Greenfieldов — это не поиск денег, а управление риском. Большой проект должен иметь правильный набор участников; это снизит риск и повысит вероятность успеха. Именно поэтому мы разговариваем сегодня с целым рядом банков; ВЭБ у нас участник и контролер проекта, но мы не закрываем дверь и для коммерческих банков. Плотнo работаем со Сбербанком. И нет ощущения, что дефицит в деньгах. Главная история — это наличие качественного проекта и правильных инвесторов, возможность привлечения внешних инвесторов. Мы не закрыты и для этого. Правильная комбинация проекта обычно и состоит в том, чтобы профессиональные участники были правильно подобраны. На сегодня это, наверно, на мой взгляд, в регионе Южной Якутии это один из самых реализуемых проектов. Его сроки окупаемости 15-20 лет. Первая руда идет в конце 2016-го года; отдача в 7-8 лет — это другой горизонт планирования.

— Решается ли проблема отсутствия российских ИРС-узлов?

— Мы сталкиваемся тоже с этой проблемой на проекте Тимир: нет человека, который бы построил ГОК в России сегодня, потому что железорудных ГОКов не строилось 22 года. А в идеале нужен человек, который построил желательнo 2 или 3 комбината, поучаствовал в этом. И тут, конечно, будут проблемы. Мы решили, что инжиниринговую компетенцию считаем для себя профильной, и хотим накапливать у себя. То есть подрядчик-проектант — это внешняя история, строитель тоже; но инжиниринг, знание как делать проект — это ключевая компетенция компании.

Алексей Корня, вице-президент по финансам и инвестициям, ОАО «МТС»

— Каковы перспективы проектов по современным технологиям связи?

Ключевой вопрос — это идентификация спроса на услуги от проектов. Мы чисто коммерческая организация, и основа принятия решения для нас монетарная. Мы смотрим, какой возврат будет в проектах Дальнего Востока — у нас большие проекты по оптоволоконным линиям, это Владивосток, Хабаровск, зона БАМа; реализуем связь из Тынды в Якутию.

— Ключевой вопрос — это идентификация спроса на услуги от проектов, которые мы реализуем. Мы чисто коммерческая организация, и хотя понимаем свою социальную роль в предоставлении телекоммуникационных услуг, но основа принятия решения для нас монетарная. Мы смотрим, какой возврат будет в проектах Дальнего Востока — у нас большие проекты по оптоволоконным линиям, это Владивосток, Хабаровск, зона БАМа; реализуем связь из Тынды в Якутию. Вопрос спроса ключевой, прежде всего на первом этапе. У нас мало проектов с окупаемостью больше семи лет. Мы выделяем их в отдельную группу, и идентифицируем как качественные, либо как находящиеся за пределами наших требований к инвестициям. Потому что у нас окупаемость должна быть в пределах семи лет, исходя из доходности на капитал. Из нашего пула инвестиций мы готовы где-то порядка 10 % наших инвестиций — их общий объем порядка 3-х млрд. долл. — готовы инвестировать в долгоиграющие истории. Спрос, если говорить про Сибирский и Дальневосточный регионы, невысокий: здесь небольшая плотность населения, невысокое потребление трафика. Возникает тема прогнозов макроэкономического развития; сейчас они были пересмотрены вниз. Этим будет определяться, в том числе, спрос в долгосрочной перспективе; замкнутый круг. Если мы не инвестируем в инфраструктуру, снижаются темпы роста и развития экономики. Если снижаются темпы роста, то аппетит к долгосрочному инвестированию тоже снижается.

Долгосрочное финансирование в рублях отсутствует; есть лишь единственный источник для частной компании — это Сбербанк. Мы вынуждены краткосрочными пассивами

финансировать долгосрочные истории, поэтому и аппетит мы тоже ограничиваем.

Третий момент, это растущая себестоимость. За последние периоды темпы затрат существенно опережают темпы роста экономики. Это связано и с долей труда в структуре затрат, которая растет опережающим темпом, и та же энергетика. Недавно был в Индии, у нас уже стоимость энергетике, равна той, что платят телеком-операторы в Индии на своем рынке. Притом, что у нас развитие энергетической инфраструктуры существенно выше. Эти составляющие являются для нас определяющими, когда мы смотрим на долгосрочные инвестиции.

Объем инвестиций у нас существенно вырос. Если предыдущие годы мы имели в среднем объем инвестиций порядка 2-х млрд., на предстоящую трехлетнюю перспективу мы видим объем порядка 3 млрд. За этим несколько факторов. Первый — индустриальный: мы становимся все более капиталоемкой индустрией. Это инфраструктура передачи данных; мы все больше должны инвестировать туда, потому что возврат на передачу данных ниже, чем возврат на передачу голоса. И это становится более капиталоемким.

Федор Кирсанов, генеральный директор ОАО "Полюс-Золото":

— Мы как представители одной из горнодобывающих компаний видим тесную взаимосвязь с инфраструктурными объектами энергетике и железной дороге. Что касается энергетике, мы находим новую форму взаимодействия с ФСК и Минэнерго, и это позволяет нам двигаться вперед. В частности, речь о трехстороннем соглашении, которое подразумевает участие ФСК, «Полюса» и Красноярского края в строительстве линейного объекта и подстанции. Это интересная схема

финансирования, ноу-хау для страны, и действительно мы гарантируем потребление мощностей, которые будут построены. Мы будем оказывать опережающее воздействие на развитие Тенькинского района Красноярского края, где сможем строить новые объекты. Действительно, гарантии от бизнеса необходимы. С другой стороны, как вы сами понимаете, не во всех случаях это возможно. Мы считаем, что в некоторых объектах, особенно далеко удаленных, которые наиболее актуальны сейчас становятся для нашей промышленности, нашей отрасли, нам необходимо опережающее развитие энергетике и, наверно, ЖД и автотранспортных магистралей. Поэтому да, где-то бизнес может гарантировать, где-то мы бы хотели видеть опережающее движение вперед энергетиков.

— Звучал тезис, что наш главный приоритет роста — образование, развитие человеческого капитала. Каковы основные пробелы в нашей экономике в сфере управления проектами?

— Мы не относил проблему только к кадрам. Любой проект после ТЕО проходит очень практические стадии проектирования, закупки, строительства. И в каждой стадии люди должны профессионально подходить к реализации определенных этапов. Что мы видим на каждом из этапов? Проектирование, да — тут две составляющие. Первая — нормы проектирования, которые существуют в настоящий момент: они громоздкие, тяжелы и существенно увеличивают капекс проектов. Много ведется споров насчет техрегламентов, упрощений, введения специальных регламентов, но, по сути, в настоящее время этого не сделано. Сравните западные и наши аналоги — всегда компактнее, всегда проще, всегда дешевле.

Вторая составляющая — это действительно знания наших проектантов. К сожалению, страна за последние 10 лет пыталась импортировать технологии, но проектные решения по нашей индустрии наши проектные институты не до конца освоили и привили в российскую действительность. Поэтому сложность в том, что современные методы — в нашем случае обогащение, работа с карьерами — не применяются проектантами, и мы вынуждены самостоятельно искать эту экспертизу, и прикладывать эти знания.

Следующий этап — закупки; тут с талантами попроще, но есть другая специфика: буквально за месяц мы получили 10% увеличения стоимости основных западных валют. Компании строили объекты, закупили на 80 % иностранное оборудование, и тут проект подорожал на 10%. Если у компании рынок сбыта российский, то это не компенсировалось потенциальным ростом в рублях на экспорте. В закупках и логистике есть еще один момент, особенно для тяжелых секторов — мы уходим все дальше в территории со сложной доступностью. Нефтянка и горнодобывающая отрасль сталкиваются со сложностью доставки. Это специальные механизмы, практики и умения. Но в России мы не знаем ни одной логистической компании, которая может сделать сложную перевозку. Чаще всего это западные гиганты, и квалификация кадрам к знаниям, к умениям, к технологиям.

Строительство — наверно, самая большая область в нашей стране, хотя появляются строительные компании, которые готовы выполнять и полный комплекс, и специализированные виды работ. Мы сталкиваемся с классическими вещами — непопаданием ни в срок, ни в бюджет. Как многие другие, мы думали о модных словах ИРС, РСМ, проектном управлении. К сожалению, наблюдаем за опытом нашим и наших коллег — эти практики реализации через ИРС в России не приживаются. К чему это ведет? Каждая из компаний начинает создавать собственные элементы ИРС: либо маленький проектный институт, где есть доля либо полный пакет компании, потому что надо доверять, и уметь делать проекты. Второе, появляются кэптивные строительные компании, какие-то закупочные хаусы. Это приводит к тому, что каждая из компаний наращивает over head, непрофильные компетенции, и вынуждена тащить за собой целый пласт смежных бизнесов. Получается странная конструкция, что каждая из компаний создает институты, которые дублируют друг друга. Здесь надо обратить внимание государства на развитие талантов в этих вещах.

Восточный полигон: Источник роста или проблем?

Богатая ресурсная база восточной части России, располагающая большими запасами железорудного сырья, каменного угля, при необходимом развитии транспортной инфраструктуры может стать одним из крупнейших альтернативных источников импортных поставок продукции в страны Азиатско-Тихоокеанского региона, Австралии, Индонезии, Бразилии и других. Но как повысить инвестиционную привлекательность восточного полигона? Станут ли заявленные проекты драйверами социально-экономического развития Дальнего Востока и Сибири? Эти вопросы были предложены участникам дискуссии, которую провёл руководитель Минвостокразвития Александр Галушка

— Максим Соколов: Геополитическое положение регионов Сибири и Дальнего Востока, выход к странам Азиатско-Тихоокеанского региона, которые последнее время показывают стабильную динамику роста экономик и год от года увеличивают свою долю в мировом валовом продукте, предопределяет, с одной стороны, потенциал их развития, а с другой стороны, необходимость для этого развития — создание соответствующей транспортной инфраструктуры. Уже сегодня мы видим, что доля транспорта в валовом региональном продукте субъектов Дальнего Востока и Сибири составляет от 15 до 20%. Соответственно, необходимость дальнейшего развития инфраструктуры во взаимосвязке с разработкой минерально-сырьевой базы, является одним из важнейших мультипликаторов роста экономики этих регионов и, пожалуй, всей России в целом.

За последние 10 лет грузооборот на восточном полигоне железных дорог, который традиционно является каркасом транспортной системы (и особенно это относится к восточной части нашей страны), вырос более чем на 50%. Если в конце XX века мы говорили о том, что транспортный потенциал построенной Байкало-Амурской магистрали, вряд ли будет исчерпан в ближайшем столетии, то сегодня мы видим, что и БАМ, и Транссиб в их сегодняшних параметрах практически подошли к пределам своей пропускной способности. При этом мы уже приступили к реализации проектов, дающих дополнительную грузовую базу с Эльгинского угольного месторождения в республике Саха, к которому практически завершено строительство современной железнодорожной линии Улак — Эльга, а также Элегестского месторождения в республике Тыва, с планируемым строительством железнодорожной ветки более четырехсот километров на направлении Кызыл — Курагино.

Среди рудных месторождений наибольшее влияние на дальнейшую загрузку сети восточного полигона окажет также разработка Кимкано — Сутарского месторождения в Еврейской Автономной области, и здесь важнейшую роль сыграют новые транспортные

связи, новые пограничные переходы. Как раз буквально с того региона, с закладки моста на направление Нижнеленинское — Тунцзян прилетел заместитель министра транспорта, Алексей Цыденов, для участия в нашем Красноярском экономическом форуме. Это новое направление и погранпереход станут важным стимулом для развития этого железнодорожного месторождения, а также Быстринского, Бугдаинского полиметаллических месторождений в Забайкальском крае и многих других проектов, в Амурской области, в Бурятии и в других регионах Дальнего Востока.

Переходя к необходимости реконструкции Транссиба и БАМа, можно сказать, что сам по себе этот проект является генератором создания новых рабочих мест. По экспертным оценкам (недавно мы завершили прохождение технологического и ценового аудита БАМа и Транссиба, и скоро эти материалы будут представлены Правительству РФ и всему открытому сообществу), в рамках строительства и реконструкции будет создано порядка 40 000 новых рабочих мест, которые не пропадут к завершению 2018 года процесса реконструкции и развития БАМа и Транссиба, а перейдут в проекты эксплуатации промышленных и добывающих предприятий, деятельность которых станет возможной за счет развития этой транспортной инфраструктуры. Именно поэтому проект модернизации инфраструктуры восточного полигона железных дорог является ключевым, приоритетным направлением государственной политики в области транспорта.

Не могу не упомянуть об исторических решениях, объявленных Президентом РФ, в соответствии с которыми в рамках нашего бюджетного планирования предусмотрено 562 млрд. рублей. В том числе 260 млрд. — это средства государственной поддержки, как прямые бюджетные инвестиции, так и за счет средств Фонда национального благосостояния (150 млрд.); более 300 млрд. рублей уже предусмотрены в качестве средств инвестиционной программы РЖД, также одобренные Правительством РФ. Эти средства вернутся бюджету сторицей, но в длительной 30-летней перспективе. Но как раз поэтому стало возможным использование средств национального фонда благосостояния, которые сделали возможным скорейшую реализацию этого проекта.

Также расширение БАМа и Транссиба вплотную связано с расширением пропускных способностей нашей портовой инфраструктуры; за последние 6 лет она на Дальнем Востоке выросла вдвое. Это было обусловлено наращиванием перевалочных мощностей; реализуются проекты по строительству новых перегрузочных комплексов в портах Восточный, Ванино, Посыет и других. Мы приступили к реализации ряда проектов, направленных на увеличение мощностей по перевалке различных грузов, в первую очередь угля. В декабре было подписано соглашение о начале реализации проекта по строительству угольного перегрузочного терминала в районе мыса Бурный, порта Ванино в Хабаровском крае, мощностью до 15 млн. т. Также подписано соглашение о начале реализации строительства

морского угольного перегрузочного комплекса в Приморском крае, мощностью 20 млн. т.

Таким образом, все транспортные проекты, связанные с развитием минерально-сырьевой базы, взаимосвязаны между собой. В рамках одобренной Правительством транспортной стратегии развития до 2030 года мы видим динамичное и комплексное развитие всего Дальневосточного региона. Речь идет не только о железнодорожной и портовой инфраструктуре. На Дальнем Востоке также сосредоточен значительный транспортный потенциал, связанный с использованием крупнейших водных артерий. Внутренние водные пути Енисейского, Ленского, Обь-Иртышского бассейнов во многом являются безальтернативными по доставке грузов и пассажиров в северные районы наших крупнейших регионов: Ямала, Ханты-Мансийского автономного округа, Красноярского края, республики Якутии. Порядка двухсот хозяйствующих субъектов оказывают услуги по перевозке грузов и пассажиров этих регионов. В рамках утверждения стратегии развития внутренних водных путей, (она была представлена Правительству РФ в ноябре 2013-го), это также названо одним из приоритетных путей направлений, поскольку было бы неверно не использовать потенциал наших великих сибирских рек как транспортных артерий. Здесь мы должны также комплексно подойти к решению этих вопросов, в том числе обеспечить необходимую глубину, габариты для развития внутреннего водного транспорта — и грузового, и пассажирского. Необходимо также обеспечить строительство грузовых судов, которые позволяют работать на малых глубинах.

Размеры нашей страны предполагают активное развитие авиасообщения. В регионах Дальнего Востока и Сибири мы предусмотрели и уже несколько лет подряд, в рамках проекта субсидирования внутренних перевозок, поддерживаем перевозки пассажиров с Дальнего Востока, Сибири, ряда районов Крайнего Севера. Сегодня программа, которая объединяет 42 маршрута, имеет общий объем финансирования порядка 3,5 млрд. руб. Это беспрецедентный по недавним еще меркам объем финансирования, и в рамках данной программы в прошлом году было перевезено порядка полумиллиона пассажиров. В 2014 году принято решение расширить программу за счет дополнительных субсидированных маршрутов, которые будут обеспечивать сообщение Иркутска с курортными городами и югом России, а также Санкт-Петербургом.

В конце прошлого года Правительством РФ была принята новая программа по развитию региональных перевозок пассажиров, формирование региональной маршрутной сети. В соответствии с этими правилами, будет субсидироваться уже не конкретный пассажир, как в программе поддержки Дальнего Востока, а маршрут. На размер субсидий влияет протяженность маршрута и количество пассажирских мест на воздушном судне. Естественно, мы сделали акцент на субсидированных маршрутах, проходящих через населенные пункты Дальневосточного, Сибирского, Уральского федерального округов, понимая, что здесь порой отсутствует круглогодичная связь с другими наземными видами транспорта.

Я уже сказал несколько слов о транспортной стратегии РФ на период до 2030 года, актуализированный вариант которой был одобрен Правительством РФ в августе 2013-го. Помимо этого, у нас есть инструмент бюджетного планирования государственной программы развития транспортной системы до 2020 года, которая включает в себя ФЦП, и отдельно ФЦП по развитию Дальнего Востока и Байкальского региона. Вкупе эти документы стратегического и бюджетного планирования позволяют нам строить обоснованные и финансово обеспеченные планы как по расширению железнодорожной сети и Сибирского дальневосточного региона, так и по раз-

Расширение БАМа и Транссиба связано с увеличением пропускных способностей нашей портовой инфраструктуры; за последние 6 лет она на Дальнем Востоке выросла вдвое. Это было обусловлено наращиванием перевалочных мощностей; реализуются проекты по строительству новых перегрузочных комплексов в портах Восточный, Ванино, Посыет и других. Мы приступили к реализации ряда проектов, направленных на увеличение мощностей по перевалке различных грузов, в первую очередь угля. В декабре было подписано соглашение о начале реализации проекта по строительству угольного перегрузочного терминала в районе мыса Бурный, порта Ванино в Хабаровском крае, мощностью до 15 млн. т. Также подписано соглашение о начале реализации строительства морского угольного перегрузочного комплекса в Приморском крае, мощностью 20 млн. т.

витию внутренних водных путей, портовой инфраструктуры, авиации. Таким образом, мы за счет развития транспортной системы даем хороший задел для развития региональной экономики. Как я сказал, не только региональной, не только непосредственно Сибири и Дальнего Востока. Фактически этот проект нацелен на развитие всей России.

Мультипликатор бюджетных инвестиций в транспорт составляет 1.56 руб., но здесь речь идет о прямом бюджетном эффекте. Если мы берем косвенные, связанные с развитием экономики и сфер обеспечения, то он существенно выше — от 3,5 до 6 руб. Таким образом, каждый вложенный рубль в шестикратном размере вернется в экономику нашей страны.

— Как оценивают нашу транспортную инфраструктуру зарубежные или международные рейтинговые агентства, всегда ли это объективно? Мы последнее время часто на них ссылаемся, когда хотим доказать государству, что нам нужно больше инвестиций. Надо объективно понимать, что это за оценка.

— Михаил Блинкин: Согласно глобального индекса конкурентных способностей, за последние три года, с 2011 по 2013 год, по показателю «Качество инфраструктуры в целом» мы занимаем сотое, сто первое место, «железнодорожная» чуть повыше (29-30 место), «портовая» 97-93. Никаких иллюзий по поводу качества и проблем нет, никогда в жизни украшательством не занимались; но при том, что я занимаюсь транспортной наукой последние много лет, видеть нашу инфраструктуру в одной компании с Эфиопией, Алжиром, Кот-д'Ивуаром — странно; мы в этом решили разобраться.

Первое, на что мы наткнулись: дальше идут рейтинги по авиации, морским портам, автомобильным дорогам. По поводу портов — мы оказались в компании Ботсвана и Бенина; с детства помню, что в Ботсване находится пустыня Калахари, там вообще нет морских портов. Мы стали разбираться, как составляют этот рейтинг? Оказалось, эксперты по унифицированной методике Мирового банка в каждой стране собирают целевую группу предпринимателей, пользующихся услугами национальной транспортной системы, и задают им вопросы: «насколько Вас устраивает транспортная система в тех или иных сегментах (смешанные перевозки, железнодорожные перевозки, авиация, портовая инфраструктура и т.д.)?» Насколько понимаю, предприниматель в Ботсване знает, что у них нет портов, отвечает: «что есть, то есть». Я представляю, какие слова говорят наши предприниматели этим экспертам. Дальше

Что касается инженерной стороны дела, узкие места на железнодорожной сети будут устранены в процессе программы, о которой рассказывали министры, до 2018 года, потому что сегодня, например, типичный маршрут контейнера 20 ft из Шанхая в Екатеринбург вокруг света в порт Санкт-Петербург, там грузят на грузовой автомобиль и дальше везут Санкт-Петербург — Москва — Екатеринбург вокруг света в порт Санкт-Петербург, там грузят на грузовой автомобиль и дальше везут Санкт-Петербург — Москва — Екатеринбург.

эти баллы некоторым образом обрабатываются, там такая наукометрическая методика, все это складывается и получаются оценки. Я опубликовался с одним моим молодым коллегой, кандидатом географических наук, который занимается географией транспорта, в английском издании с резкой статьёй об этом, после чего на нас вышли составители этого рейтинга. С 2013 года появилось примечание: «в странах, где нет портов, предприниматели говорят, насколько хорошо они могут пользоваться портами сопредельных стран». Мораль такова, что мир оценивает нас примерно так, как мы оцениваем себя. Встречаясь с грузоотправителями, с пользователями транспортной системы, я постоянно говорю о том, что: мы внутри транспортной системы указываем проблемы и нерешенные вопро-

сы, это наше право, но находиться на таких позициях не должны ни по какой логике. С железными дорогами совсем смешно. По всем базовым показателям, (грузонапряженности, протяженности, объемов) мы конкурируем в пятерке ведущих стран — Евросоюз, Штаты, Китай; можем занять по какой-то позиции пятое место, восьмое, но не 29-е. Из этого надо вылезать дипломатическими средствами — мы инженеры, а не дипломаты.

Что касается инженерной стороны дела, узкие места на железнодорожной сети будут устранены в процессе программы, о которой рассказывали министры, до 2018 года, потому что сегодня, например, типичный маршрут контейнера 20 ft из Шанхая в Екатеринбург вокруг света в порт Санкт-Петербург, там грузят на грузовой автомобиль и дальше везут Санкт-Петербург — Москва — Екатеринбург. Потери экономические, имиджевые, в части нашего присутствия в международных транспортных коридорах очень большие. Мы будем присутствовать в международных коридорах, когда собственные грузы не будем возить вокруг, и это задача решаемая.

Добавлю некоторые цифры. Шанхайский порт возиткратно больше, чем все порты РФ в сумме, при том, что у нас портовая инфраструктура расширяется. Идея объединения наших сил посредством таких динамических элементов, как коммуникационные и транспортные системы, содержится в сочетании «Соединенные Штаты». «Без коммуникаций мы были бы просто альянсом несвязанных друг с другом частей», — было сказано в США, когда принималась грандиозная программа строительства сети дорог. Что-то в подобном духе мы устраиваем на гигантской восточной части территории РФ.

— В последнее время сделана колоссальная работа по развитию морских портов, в том числе на восточном полигоне. Развитие Ванино, Находки и других является важным фактором роста России на черноморско-европейские, азиатские рынки. Если добавить к этому развитие Северного морского пути, это может составить конкуренцию традиционным маршрутам.

— Константин Стасюк: Несколько слов по поводу озвученного рейтинга: оценка очень суровая, и есть сомнения в его объективности; при опросе могли оцениваться административные процедуры, связанные с действиями контролирующих органов: пограничники, таможня — в этой части нам еще предстоит много работать. С точки зрения качества инфраструктуры, особенно на Дальнем Востоке, новые порты строятся с инновационными технологиями, и нам по праву есть чем

гордиться. Что касается Северного морского пути, действительно в последнее время много говорится о его мощном транзитном потенциале, и мы видим, что за последние годы фактически с нуля в прогрессивном темпе увеличивается объем транзитных перевозок. В прошлом году, он составил порядка 1 млн. 300 тыс. т. Но за прошлый год, по сравнению с предыдущим 2012-м, уже транзит не вырос. Как мне кажется, первичный интерес был связан с таянием арктических льдов; многие страны ринулись тестировать этот маршрут, а на сегодняшний день он насытился и дальнейшего взрывообразного роста, в ближайшей краткосрочной перспективе вряд ли произойдет. Если мы говорим о драйверах, которые будут развивать транзитный потенциал, это все-таки в первую очередь, наши шельфовые проекты — порт Сабетта, (первый танкер в 2018-м году), с ним будет связан скачкообразный рост трафика по Севморпути. С развитием Транссиба, БАМа и Северного пути повышается значимость внутренних водных путей, поскольку в меридиальном направлении это единственное, что связывает железные дороги с Севером. Транзитный потенциал при переброске грузов железной дороги и Транссиба на Северный путь, еще не изучен, но значимость Севморпути признается всеми. В 2012 году был принят соответствующий закон; введено понятие «акватории Северного морского пути», в 2013 году создана администрация, которая занимается управлением в соответствии с международными конвенциями и осуществляет разрешительный допуск судов в акваторию Севморпути. На совещании министерства Дальнего Востока, высказывались о необходимости продвижения Севморпути как некоего инвестиционного продукта для иностранных инвесторов. Действительно это имеет большую перспективу, в настоящий момент можно констатировать, что какого-то института, направленного на развитие этого маршрута как инвестиционного продукта отсутствует. У Администрации свои узко определенные функции, связанные с безопасностью мореплавания. Действия «Росморречфлота» направлены на обеспечение безопасности мореплавания Северного пути; у нас существуют поисково-спасательные, координационные центры, подцентры, мобильные группы, которые на атомных ледоколах размещаются и сопровождают караваны. А структура, какой был в советские времена «Главсевморпуть», имевший огромные полномочия и ресурсы, на сегодняшний момент отсутствует. Можно думать о наделении кого-то из существующих ведомств соответствующими полномочиями.

Еще один важный вопрос, которому необходимо уделить внимание — строитель-

ство атомного флота. У нас на сегодняшний момент на Северном пути осталось 4 ледокола. В 2017 году будет выведено два, а после 2020 года останется один ледокол. Сейчас известно, что Атомфлот строит 60-МВт ледокол, еще два в перспективе; являются планы о строительстве 110-МВт ледокола. Но источник финансирования на сегодняшний момент не определен. С учетом жесткой бюджетной ситуации, нужно тоже над этим думать, но полагаю, что никто кроме государства не сможет это профинансировать. То есть Атомфлоту заработать на Севморпути достаточно сложно даже сейчас.

— Александр Галушка: На пленарном совещании идет дискуссия, куда в первую очередь должны направляться средства, и все больше отодвигается инфраструктура, хотя в мировой практике, транспорт был опережающим драйвером развития экономики. В этой связи я зачитать историческую справку. Когда Николаем I был подписан указ о строительстве железной дороги Москва — Санкт-Петербург, он вызвал сильное сопротивление большой части общества; против выступали и министр финансов, и даже министр путей сообщения. «Простой народ у нас писем не пишет, мало ездит и найдет железно-паровую дорогу убыточной. Спешность же пассажиров, если можно их так назвать, которым более или менее нужно двигаться быстро, будет весьма мало на наших дорогах. Коммерческие и деловые люди, аферисты коммерсанты и весь класс подобных людей, столь многочисленных в Соединенных Штатах, у нас почти не существует». Министр финансов в 1842 году Императору пишет — «железная дорога не составляет предмета естественной необходимости, а только искусственную надобность и роскошь. Она усилит наклонность к ненужному передвижению с места на место, выманивая при том излишние со стороны публики издержки». Но потом случилось то, что случилось... После успешного опыта ввода дороги в эксплуатацию, страну охватил железнодорожный бум, и уже в следующие

годы среднегодовой прирост железных дорог России составлял 1500 км. Кроме того, железнодорожный транспорткратно уменьшил количество посредников, сделал многие товары доступнее, что привело к насыщению внутреннего рынка. Внутренний рынок рос и за счет потребностей железной дороги.

Выплавка чугуна в стране выросла (с 1860 — 1895 гг.) с 21 до 89 млн. пудов, добыча угля с 18 до 556. В стране образовались машиностроительные центры. В середине века поезда, вагоны, рельсы импортировались, а к концу столетия стали полностью производиться в России. За вторую половину XIX — начала XX века Россия произвела такой рывок в экономическом развитии, которого в истории еще не было. Она превратилась в крупнейшего сырьевого экспортера. Если в 1860 году на хлеб приходилось 31% экспорта, то в 1890 году уже 47%, что сегодня соответствует нефти. Тогда в строительство железных дорог, что представлялась как передовой транспорт, пошел бизнес, промышленность.

Слово руководителю Тувинской промышленной корпорации — Руслану Байсарову. В ближайшее время он планирует строительство дороги Элегест — Кызыл — Курагино (410 км), это серьезнейший путь в сложных условиях. И то, что он взял на себя, эту нагрузку, эти риски, это уже говорит о многом. Как раз, это соответствует той стратегии, которая сегодня утверждена.

— Руслан Байсаров: Мы взяли за строительство железной дороги, общей протяженностью 410 км, преодолев при этом Саянский хребет. Наша дорога проходит на высоте 1400 метров над уровнем моря. Это очень сложный проект, очень тяжелый, очень емкий. Прежде чем за него взяться, мы хладнокровно рассчитали свои возможности. В первую очередь руководствовались экономикой. Вот какие цифры я вам приведу к примеру. После завершения строительства этой дороги, в течение всего срока действия нашего проекта мы планируем внести в бюджет России в виде налогов около 300 млрд. рублей. Возврат банковских процентов (только процентов, не считая самого кредита) за 20 лет составит

около 200 млрд. Эти деньги мы получим благодаря железной дороге, расширению Транссибирской и Байкало-Амурской магистралей. Мы будем возить свои грузы. Страны АТР покупают уголь за тридевять земель, из России экспортируется мизер. Совсем-мало, мы на внешнем рынке стран АТР не существуем, только потому что у нас нет дороги. Тувинская республика хранит запасов около 20 млрд. тонн угля. С 1950-х годов Советский Союз пытался строить дорогу, но это не удавалось из-за труднодоступных мест и отсутствия технологий, сложных условий. Сегодня мы вместе с Правительством РФ, учитывая новейшие технологии, взялись за реализацию этого проекта и обязательно его завершим.

— Слово начальнику Красноярской дороги, потому что одно из направлений Междуреченск — Тайшет, его реконструкция и развитие, как раз связаны со строительством железной дороги в Туве.

— Владимир Рейнгардт: Действительно тема по развитию транспортной инфраструктуры очень актуальна. Если бы на Туву мы взяли строить дорогу, не вложив деньги в инфраструктуру Красноярской магистрали Междуреченск — Тайшет, то этот уголь бы просто не вывезли бы, поскольку пропускная способность южного хода практически исчерпана. Сегодня дорога работает в очень сложных условиях, мы каждый год по грузообороту прирастаем на 13 — 14% и сегодня, если сравнивать с 1987 годом, когда был пик железнодорожных перевозок, мы этот объём уже перешагнули. Динамика по перевозкам в порты Дальнего Востока положительная, и без развития инфраструктуры сегодня уехать с грузами невозможно. В этом году нам выделили 41,3 млрд. рублей на развитие этого направления; мы будем строить 155 км новых

железнодорожных путей, развивать станции, узлы, энергоснабжение, чтобы подхватить Элегестский уголь. Но этих денег хватит только на именно это направление. Для транзитных перевозок, и возрастающих грузов с Кузбасса, нужны дополнительные средства. Чтобы железнодорожный транспорт не был тормозом в развитии экономики региона, надо вкладывать в его развитие.

— Как сделать более эффективными вложения в транспортную инфраструктуру? Попросим Валерия Окулова сказать на эту тему несколько слов с позиции авиации, и в целом развития логистики.

— Валерий Окулов: Действительно, транспортная инфраструктура — это не только дороги, аэропорты, порты, мосты. Это еще и вся информационная «обвязка», связанная с рутинной работой по оформлению грузоперевозок, транзитного груза, экспортных, импортных операций — где завязано большое количество ведомств не только транспортных, но и таможенных, пограничных, ветеринарных и других. По инициативе Минтранса мы реализуем проект электронного оформления и сопровождения авиационных грузов. Успешно прошли тестовые полеты по выполнению транзитных и трансферных перевозок. В проекте задействованы как российские, так и зарубежные компании, аэропорты Домодедово, Шереметьево, принимающие нас Новосибирск и Красноярск, и этот перечень расширяем. В него будут включены Кольцово и Хабаровск. Уже поступили заявки от ряда иностранных компаний, в частности от Lufthansa Cargo. Следующий этап, это внедрение в эксплуатацию технологии транзит-трансфер и продолжение работы по импорту — экспорту. Но это лишь начало пути; перевозки у нас носят интермодальный характер. Доставив груз в аэропорт, нужно

дальше его развезти траками, а это уже другие технологии, другие документы. Здесь возникает более общая технология. Но мы видим, что грузоотправитель отдает свои грузы той авиакомпании, где организована технология наиболее удобного оформления груза. Пройдя эту дорожку, мы приглашаем наших коллег автомобилистов, моряков, железнодорожников к развитию более широкой технологии.

— В последнее время созданы дорожные фонды, изменено законодательство в части механизмов привлечения средств, за счет ГЧП. Мы внедряем контракты жизненного цикла и многое другое, что сегодня становится явью в дорожном строительстве. Я бы попросил взять слово заместителя руководителя Росавтодора, что делать сегодня в восточном полигоне по развитию автомобильных дорог».

— Дмитрий Прончатов: Для реализации потенциала на восточном полигоне требуется, помимо развития остальных видов транспорта, строить новые дороги, реконструировать существующие и обеспечивать, кроме транзитного потенциала, так же и межрегиональные связи, которые позволяют этот потенциал расширить и увеличить. Этому будет способствовать применение новых механизмов финансирования. Сейчас все знают, что реализуются два проекта на механизмах ГЧП — это проект строительства мостового перехода через реку Лена, который позволит впервые в истории обеспечить круглогодичную связь Якутска. Надо также остановиться на новом механизме, который мы реализуем — это система сбора платы возмещения вреда, причиняемого автодорогам грузовиками с разрешенной массой более 12 тонн. Данная система реализуется, сейчас проводится концессионный конкурс. После того, как сбор платы начнется, в дорожных фондах будут аккумулироваться другие суммы, что позволит еще более качественнее создавать инфраструктуру, что опять же, как отмечается, ведет к привлечению мультипликативного эффекта.

— Транспорт определяет развитие, но какие механизмы мог бы быть использованы, для того, чтобы это было так? Вопрос Андрею Недосекову, заместителю начальника управления Президента РФ.

— Андрей Недосеков: В декабрьском послании Президента выделен блок вопросов, связанных с развитием Сибири и Дальнего Востока; намечен ряд опережающих шагов, которые должны помочь развиваться территориям. Как раз сегодняшний разговор мне кажется важнейшим и во многом первоначальным того, чтобы зоны опережающего развития появились. Нам нужно (себя я также

причисляю к транспортникам), понять направления, которые планируются государством, чтобы эти зоны опережающего развития состоялись. К концу года по поручению Президента необходимо подготовить к принятию закон об опережающих зонах развития. Мы должны предусмотреть, чтобы транспортная отрасль тоже нашла свое отражение.

Второй момент: мы говорим о больших объемах инвестиций, которые планируем привлекать в наши восточные регионы. В том числе и государственные, которые направляются на транспортную инфраструктуру. Это и деньги ФНБ, при непосредственной прямой поддержке. Важно, чтобы мы строили инфраструктуру на многие десятилетия. Она должна соответствовать тем тенденциям и примерам, которые сегодня уже существуют. Если говорить про железные дороги, идет дискуссия с участием открытого Правительства — какую железную дорогу мы должны в конечном итоге строить? Говоря про БАМ и Транссиб, спорим, чему он должен соответствовать. Это должны быть те же параметры, о которых речь велась при начале строительства БАМа, или новые, с другими нагрузками на ось и другой массой грузенного поезда. Важно, чтобы мы закладывали те параметры, которые будут у нас впереди; иначе через 10-15 лет нам придется снова вкладывать и догонять наших конкурентов.

Касательно рейтингов, я много перемещаюсь по миру, участвую в международных мероприятиях. Хотел бы сказать, что только мы, приезжая, начинаем говорить о недостатках в нашей транспортной системе. На самом деле рейтинги — не просто информационный материал, а за ним стоят деньги. И когда иностранный инвестор принимает решение вкладывать в наше государство, он идет в банк, но там поднимаются как раз эти рейтинги. Поэтому важный момент — нас оценивают так, как мы сами про себя говорим.

— На вопрос, «станут ли заявленные проекты драйверами социально-экономического развития России», думаю, что мы ответили. А что является главным для повышения инвестиционной привлекательности восточного полигона?

— Леонид Резников: Томская область является одной из составляющих географической карты России и при решении проблем транспортного потенциала России. Наша страна с её протяженностью слева направо — это главный транспортный потенциал, который в состоянии реально увеличить в том числе и наши доходы, если мы перестанем возить грузы чужими перевозчиками вокруг всего земного шара. Внутренний потенциал страны

тоже определяется транспортной составляющей. БАМ построен, Транссиб существует сто с лишним лет, существует сеть федеральных дорог. Однако обратите внимание на атавизм, аппендицит: Томская область — пустое место, которое, если бы было реализовано и построено, согласно существующей уже более нескольких десятков лет стратегии развития страны, то сегодня без всякой модернизации грузы, движущиеся по Транссибу, двигались бы в два раза быстрее. Красноярский край должен быть самым активным из тех, кто меня поддержит. Недостающая транспортная составляющая обеспечивает фантастическое задействование настоящего северного пояса развития Сибири, где существует огромное количество предприятий, связанных с федеральной трассой, железнодорожной, федеральными и автомобильными — но только меридиональными, вверх направляющимися кусочками, часто однопутными путями железной дороги. Что представляет собой состав Северного транспортного коридора, либо Северной широтной дороги. Ни одно из определений я не придумал, потому что все новое, к сожалению, у нас в стране это совсем доказано — это хорошо забытое старое. Мы видим предложение реализации северной широтной автомобильной дороги, которая проходила по большей части трассы северного широтного коридора. От Перми налево до Санкт-Петербурга, такая дорога уже есть; недостроенный ранее кусок Ивдель на сегодня уже достроен — это было 1 января 2012 года. Фрагменты на Ханты-Мансийск и Нижневартовск также существуют. Не достроен, если говорить только об автомобильном направлении, участок по Томской области. Однако область за свой счет на протяжении нескольких лет пробивается через тайгу за свой счёт, и нам осталось уже не 400, а 225 км не пройденной северной широтной автомобильной дороги.

Также если вдруг из существующего куска магистрали РЖД в Красноярском крае появится железная дорога от Белого Яра до Лесосибирска, то мы почти полностью замкнем параллель Транссиба с выходом на БАМ. Это объекты северного транспортного коридора, которые я уже неоднократно докладывал. Это не «хотелка» по развитию области; обращаю внимание именно на международный эффект: он самый высокий из трех составляющих по транзиту. Национальный эффект колоссален; весь существующий экономический пояс Сибири вложится в прямое транспортное общение. А по деньгам, сопоставимости с реконструкции Транссиба и участков БАМа — стоимость значительно меньше заявленного триллиона.

Касательно рейтингов, только мы, приезжая, начинаем говорить о недостатках в нашей транспортной системе. И когда иностранный инвестор принимает решение вкладывать в наше государство, он идет в банк, но там поднимаются как раз рейтинги. Поэтому нас оценивают так, как мы сами про себя говорим.

Также добавлю, что томские судоходные компании, Томское и западносибирское пароходства, которые идут по Оби в обскую губу, уже обеспечивают мультимодальный транспортный коридор, более 75% всего северного завоза в обскую губу. Это «Новопорт», это «Роснефть», «Газпромнефть», это все, что на веру Ямала-Ненецкого автономного округа. Вдоль Томской области проходит весь транспортный поток по Оби с речными перевозками. Государственно-частные партнерства, которые мы с нашими соседями готовимся подписывать: на связывание Томской и Новосибирской областей с выходом на федеральную дорогу Иглы — Орловка, и завершение северного участка дороги. Направление Томск — Тайга с выходом на территорию Кемеровской области. Первая дорога, 80 км, сокращает порядка 2000 км транзита Новосибирска, Нижневартовска и Ханты-Мансийска. Вторая дорога на 200 — 300 км сокращает грузовые, пассажирские перевозки между двумя регионами по этому направлению. Ожидаемый эффект будем докладывать уже потом.

Новые источники роста в действии

Модератор — ректор Московской школы управления «Сколково» Андрей Шаронов. Участники пленарного заседания: заместитель Председателя Правительства Российской Федерации — Аркадий Дворкович, заместитель министра финансов Российской Федерации — Андрей Иванов, профессор, декан факультета «Мировой экономики и мировой политики» Высшей школы экономики Сергей — Караганов, заместитель министра регионального развития Российской Федерации — Михаил Круг, директор Всемирного банка по Российской Федерации — Михаил Рутковский, министр транспорта Российской Федерации — Максим Соколов, Старший партнер московского офиса McKinsey & Company — Ермолай Солженицын, посол, глава представительства Европейского Союза в Российской Федерации — Вигаудас Ушацкас.

— Сергей Ладыженко: Участники молодежной площадки согласились с тезисом о том, что ключевым источником роста для нашей страны и новым источником роста должна стать молодежь. На площадке обсуждался конкретный документ «Проект стратегии развития молодежи до 2025 года», который был разработан Федеральным агентством по работе с молодежью и прошел серьезную дискуссию. Есть два серьезных вызова, от которых мы отталкивались. Первый говорит о том, что Россия сегодня на 88-м месте по индексу развития молодежи в мире, а также статистика, что к 2025 году молодежи в стране станет на треть меньше. Соответственно мы понимаем, что нам нужна стратегия действия, которая была бы адекватна текущей ситуации, отвечала бы на вызовы, которые сегодня существуют, и соответствовала бы трендам в стране и мире. У нас в Сибири сегодня все хорошо, — и в перспективе ожидается, что будет замечательно с рабочими местами, с амбициозными проектами. Но проблема в том, как увеличить производительность труда молодежи, социально интегрировать её. Был подготовлен ряд тезисов, часть из которых я коротко озвучу. Первый: регионам нужны межведомственные программы по

работе с талантливой молодежью, по выявлению, продвижению и сцепке талантов с работодателями. Мы понимаем, что последний тезис очень важен для нас, потому что много средств сегодня вкладывается в работу с талантами, но последний этап западает, из-за этого мы получаем отток талантливых кадров. Необходимо воссоздать практику наставничества и менторства. В регионах нужны тренинговые программы для молодежи по прорывным компетенциям будущего. Мы понимаем, что молодых людей сегодня высшая школа зачастую не учит тем компетенция, которые нужны для прорыва, и в этом смысле система неформального образования могла бы справиться с этой задачей.

Нужна понятная пользователю и эффективная система работы с молодежными инициативами, начиная от локального уровня и заканчивая федеральным и международным. Необходимо расширить практику дуального образования в сузах и вузах — это основная точка роста повышения производительности труда и профессиональной ориентации наших молодых кадров. И главный тезис — стране необходима современная стратегия действий в отношении молодежи.

— По счастливому стечению обстоя-

тельств у нас четыре представителя Правительства России: заместитель Председателя, министр, два заместителя министра. И четыре человека, которые не имеют отношения к Правительству, но активно с ним сотрудничают. Эти люди в течение минуты назовут суперзадачу, которую они должны решать на своем рабочем месте, которая влияет на рост в РФ. А потом мы поменяем шляпами. Смысл упражнения в том, что мы попытаемся получить свободный несконванный взгляд экспертов, которые близко находятся к этой задаче. В свою очередь представители Правительства будут отвечать на вызовы, которые нам сформулируют коллеги, не относящиеся к Правительству.

— Аркадий Дворкович: В рамках моей компетенции каких-то суперзадач нет, сплошная ежедневная рутина. Поэтому я не из своего портфеля задачу вытасываю, а из портфеля одного из моих коллег. Тем более я эту задачу называл вчера на одной из сессий, поэтому странно будет отходить от нее. Нужно сделать наше профессиональное образование опять одним из лучших в мире в течение максимум десяти лет.

— Максим Соколов: Вопрос архисложный, но у меня есть на него ответ. Как государственный менеджер, как министр транспорта я должен вместе со своей командой — министерством транспорта — обеспечить реализацию стратегии развития транспортной системы страны, которая была одобрена в прошлом году Правительством РФ, и которую мы подготовили совместно с нашим экспертным сообществом. Эту работу в качестве президента «Академии транспорта» возглавлял первый вице-президент РЖД Александр Мишарин. В рамках этой стратегии необходимо реализовать миссию транспорта России, которая заключается в создании условий для экономического роста нашей страны, и повышения конкурентоспособности транспорта, превращение географических особенностей нашей страны в ее преимущества. Сама стратегия — это шесть целей, которые предпола-

гают формирование единого транспортного пространства, обеспечение современных конкурентоспособных грузовых перевозок в масштабах всей страны, пассажирских перевозок в соответствии с международными стандартами. Это интеграция транспорта России в мировое экономическое и транспортное пространство. И наконец, повышение безопасности транспортной системы, снижение негативного воздействия на окружающую среду. Система предполагает более двухсот индикаторов, показателей. Я скажу лишь о нескольких. Для Красноярского края — это будет обновление, например, автобусного парка. Автобусы, которые бегают по дорогам Красноярска, будут новее через пятнадцать лет в два раза. Для авиации это будет дополнительно сто пятьдесят аэродромов. И если говорить об экспорте транспортных услуг, то он вырастет почти в три раза с 18 миллиардов долларов до 50 миллиардов.

— Обязанности министра транспорта в течение получаса будет исполнять Михаил Рутковский — глава Всемирного банка в России, — который будет отвечать на этот вызов. Андрей Иванов — заместитель министра финансов. Андрей, пожалуйста, ваш вызов.

— Андрей Иванов: Элегантность и Минфин — сложносочетаемые понятия, но все-таки постараемся. Предлагается следующая задача моему визави: подумать над тем, как осуществить в нашей стране бюджетный, налоговый и тарифный маневр, позволяющий на конкурентной основе отбирать новые бюджетные расходы, налоговые решения, тарифные решения с учетом ключевого критерия — влияние на максимизацию экономического роста. При этом проведя тотальную инвентаризацию, и при необходимости пересмотр уже существующих решений с этой целью.

— Речь идет о том, чтобы среди большого количества расходных обязательств выбирать те налоговые решения, которые дают наибольший эффект с точки зрения генерации доходов и долгосрочного роста. Мы попросили на полчаса надеть туфли замминистра финансов уважаемого Вигаудаса Ушацкаса — посла Европейского Союза в Российской Федерации. Михаил Круг, какая у вас суперзадача?

— Михаил Круг: Суперзадача заключается в следующем: индустриализация 2.0, кластерный подход в широком смысле, в более узком смысле. Индустриализация и кластерный подход в макрорегионе Сибирь и Дальний Восток. У нас опыт первой индустриализации 1928 — 1934 г.г. — корректируем с учетом сроков.

— Красивая тяжелая задача, уже обсуждаемая. Индустриализация 2.0, кластеры и возможности Сибири и Дальнего Востока. Визави Михаила — это Сергей Караганов, который в течение получаса поруководит Министерством регионального развития.

— Ермолай Солженицын: Экономический рост без повышения производительности труда, капитала затруднен и даже невозможен, поэтому я бы сказал, что задача — назовем ее 2020 — взять существующие подходы, доказывающие себя на практике, стандартизировать их и тиражировать, чтобы производительность капитала у нас в стране, в том числе в крупных проектах, повысилась на 20 %. И в крупных компаниях страны, с госучастием тоже.

— На полчаса партнером McKinsey станет Аркадий Дворкович, который должен постараться ответить на вопрос: как все-таки нам повысить производительность. Михаил, как Всемирный банк видит суперзадачу для России, которая бы создала дополнительные источники роста?

— Михаил Рутковский: Это трудный вопрос, потому что они все в приоритете. Если надо избрать один — это не будет сюрпризом — скажу, что это инвестиционный климат в России. Это не просто цель сама по себе; если посмотрим на статистику ВВП, одна из проблем в России — это удельный вес инвестиций ВВП. Он слишком низкий, надо увеличить. Мы все знаем, что он не может увеличиться только путем государственных инвестиций, хотя они играют роль. Частные инвестиции: внешние и внутренние; без повышения инвестиционного климата этого не случится. Мне кажется, что это цель, которая очень ясно поставлена в России, чтобы быть в двадцатке лучших стран мира до 2018 года. Как вы знаете, мы во Всемирном банке поддерживаем ее, работаем вместе. Мне кажется, что это правильно избранное направление. Надеюсь, что в следующем раунде исследований по инвестиционному климату в регионах Красноярский край тоже будет принимать участие. Поэтому мы можем вместе посмотреть, как Красноярский край может привлекать внешние и внутренние инвестиции. Это самая важная задача с точки зрения Всемирного банка.

— Действительно Всемирный банк в последние годы предпринял большие усилия с тем, чтобы весь мир научился сравнивать себя друг с другом, с лидерами по вполне понятному показателю, который называется инвестиционный климат, и который способствует тому, чтобы деньги приходили или деньги бежали из

Элегантность и Минфин — сложносочетаемые понятия, но все-таки постараемся. Предлагается следующая задача моему визави: подумать над тем, как осуществить в нашей стране бюджетный, налоговый и тарифный маневр, позволяющий на конкурентной основе отбирать новые бюджетные расходы, налоговые решения, тарифные решения с учетом ключевого критерия — влияние на максимизацию экономического роста. При этом проведя тотальную инвентаризацию, и при необходимости пересмотр уже существующих решений с этой целью.

страны. Максим, вы на полчаса возглавляете Всемирный банк в России. Попытайтесь ответить на этот вопрос. Просьба не привыкать к этим должностям. Пожалуйста, Вигаудас.

— Вигаудас Ушацкас: Во-первых, мне очень приятно быть в Красноярске — в сердце Сибири, центре России, кузнице олимпийских чемпионов. Говоря о Сибири и Дальнем Востоке, — мы об этом уже говорили во время круглого стола, где участвовало много представителей европейского бизнеса — задача стоит в том, как преодолеть мифы, что Сибирь и Дальний Восток далеко, что здесь медведей больше, чем людей, то есть маленький рынок, и как создать условия, чтобы привлечь сюда европейский бизнес? Одну из суперзадач для этого региона я бы сформулировал так: как создать успешный пример бизнеса? Как в Сибири и на Дальнем Востоке создать Калугу, где привлекли много европейского капитала и являются одним из самых лучших примеров.

— Андрей, вы становитесь послом ЕС на полчаса. Попытайтесь сформулировать в том числе в адрес администрации Красноярского края, какие действия они должны совершить, чтобы убедить европейский капитал хлынуть сюда хотя бы как в Калугу.

— Сергей Караганов: Первое: роста не будет, пока мы не решим кардинальную проблему прошлого — моральную нелегитимность частной собственности, и ее незащищенность правом. Введение правового государства любыми способами. Можно развиваться без демократии, но нельзя развиваться без права. Второе, мы не вкладывали в человеческий капитал последние двадцать лет, не сохраняли его и разбазаривали. Допустили его отъезд за границу и потерю русского куража. Вложения в человеческий капитал, особенно в молодежь, в образование, здоровье, культуру. Тогда в нас поверят. И тогда люди — мы сами — поверим в нашу страну и начнем ее быстро развивать. Но приоритет у права.

— Как обеспечить на всей территории РФ приоритет права? Попробуем пройтись по ответам; слово партнеру McKinsey Аркадию Дворковичу. Как вы собираетесь решать проблему производительности труда, в том числе с точки зрения частной компании, создания соответствующих стимулов прежде всего в частном, наверное, секторе и в государственном?

— Аркадий Дворкович: На самом деле задача не самая сложная. Ермолай решил не создавать мне тяжелой жизни, 20% — это вообще практически ничего. Если серьезно говорить, то я практически уверен, что,

во-первых, есть довольно близкие к России страны, в которых производительность труда и отдача от капитала на 20 % выше, чем в России. А если брать еще более близкие примеры, то в России есть регионы, один из них Калуга, где производительность труда и отдача от капитала даже выше 20 %, чем в среднем по России. Эта тема подробно обсуждалась в рамках исследования для Давосского форума в этом году по теме: «Регионы как источники роста российской экономики». Был сделан вывод, что в России есть лучшие практики в отдельных регионах, при распространении которых на остальную часть России можно достичь более высоких темпов роста, выйти на более высокие показатели, в том числе по производительности труда и отдаче капитала. Регионы кроме Калуги были Татарстан, Ульяновск, ряд других. Наилучшие практики заключались прежде всего в более комфортном инвестиционном климате, более эффективной системе подготовки кадров и привлечения специалистов в регион за счет разных условий, в том числе относительно высокого качества жизни, предоставления комфортного жилья, более эффективного государственного управления на территории субъекта РФ.

— Когда слышу формулировки «более эффективный», «более сильный», «вспомогательный общего знакомого, который учил нас играть в футбол и говорил: «Играйте проще! Бейте сильно и в «девятку!»» Вот тут: работайте проще, создавайте более эффективный климат, более умных людей нанимайте на работу и все получится.

— Аркадий Дворкович: Об этом тоже говорилось вчера. Нужно сделать так, чтобы решения были настроены на результат, а не на процесс, не на выполнение поручений, а на решение конкретной задачи. Если есть задача повысить производительность труда на 20 %, ее можно декомпозировать, раз-

ложить на составляющие и решить в течение относительно короткого периода времени. И это отдельные регионы уже сделали своими руками. Это конкретные люди, нужно просто взять с них пример остальным руководителям регионов и Федерального Правительства и решить задачу именно таким же образом.

— Я некоторое время назад говорил с одним предпринимателем, которого два раза вызывали в областную администрацию. Утром награждали за то, что он внедрил новую технологию, стал крупным инноватором — его заметили не только на федеральном уровне, но и отметили зарубежные партнеры. Он получил похвалу, его поставили всем в пример. А после обеда его вызвали на комиссию по занятости, где журили за то, что он высвободил 20 % численности персонала. Он говорит: плюрализм в одной голове — это шизофрения. Вы меня утром хвалите ровно за то, за что после обеда ругаете. Вы мне говорите, будь инновационный. Я это делаю. Автоматически у меня высвобождается численность, а вы мне после обеда говорите: Нет, не так будь инновационным! Где здесь последовательность? В Послании Президента тема эффективности появилась под номером один. Но как быть последовательным? Как не наказывать наших предпринимателей, работодателей за то, что они реально становятся эффективными? Что такое эффективность? Это выработка на одного человека. Он стал больше выработать, ему не нужны эти люди, что ему делать?

— Аркадий Дворкович: В прошлом году на Сочинском форуме — побратиме Красноярского форума — представитель Правительства под влиянием McKinsey сказал, что у нас нет задачи любой ценой сохранять неэффективные рабочие места. Такая задача в течение какого-то периода времени была. И социаль-

ная стабильность, и отношение к занятости как к фетишу, какой бы эта занятость не была производительная или не производительная, превалировала над другими интересами. Сейчас такого нет, интересы заключаются в повышении эффективности и достижении более высоких темпов роста за счет эффективности. Но чтобы это делать, чтобы на существующих производствах сокращать рабочие места, нужно параллельно создавать новые эффективные рабочие места. Для этого нужны две вещи. Первое, инвестиционный климат, чтобы инвестор хотел прийти в Россию со своими инвестициями и создавать рабочие места. Правительство должно создать для этого кроме комфортного инвестиционного климата соответствующую социальную и производственную инфраструктуру: доехать нужно, получить электричество и обучить персонал. Это та моя сверхзадача, которую я предложил Ермолаю, то есть иметь квалифицированные кадры. Это задача Правительства, не бизнеса. Именно это шаг за шагом нужно сделать. Это не значит, что мы должны все для всех сделать немедленно, такого не бывает. Но можно каждый месяц, каждый год больше и больше делать в этом направлении, давая все больший простор для частных инвесторов создавать новые рабочие места.

— Правительство не должно давать противоречивых сигналов, демонстрировать противоречия в политике. Если сказано, что стимулирует инновации, то должно иметь инструменты, чтобы абсорбировать те категории, которые в результате инноваций оказываются на улице.

— Максим Соколов: Как представитель Всемирного банка, сначала в целом, что нужно сделать, чтобы не только инвестиционный климат (это составная задача), а в целом был рост частных инвестиций. Первая составляющая для этого — формирование инвестици-

онного климата, создание соответствующего отвечающего международным стандартам законодательства, транспарентной прозрачной среды для прихода и развития бизнеса. Вторая задача в целом, что для этого нужно сделать — это создать или развить соответствующие институты и различные инструменты этой поддержки, которыми могут быть дешевые и длинные кредиты, поддержка экспорта, Фонд национального благосостояния.

Те институты, которые у нас есть, должны заработать нормально. Это и Внешэкономбанк, и РФПИ, и Фонд развития проектов Дальнего Востока. Я сейчас буду говорить как представитель Всемирного банка: нужны профессиональные команды на федеральном и региональном уровне, и проекты, потому что за инвестиции надо конкурировать. Что Мировой банк может сделать для этого? С точки зрения формирования инвестиционного климата, в первую очередь это работа с организациями и структурами, которые отвечают за это — с Правительством, с Государственной Думой. С Правительством работа Мирowego банка на площадке открытого правительства, с Государственной Думой — в экспертных группах и советах, формируемых в соответствующих комитетах.

Мировой банк должен активнее проявлять свою позицию, отстаивать точку зрения при формировании государственной политики в части развития инвестиционного климата. Так же он должен взаимодействовать с нашими российскими институтами — Внешэкономбанком и другими, формируя продукты, проекты, которые могут быть востребованы инвесторами. Большую задачу и роль Мирowego банка я вижу при формировании команд на всех уровнях, начиная от верхнего федерального, и до регионального и даже муниципального. Здесь в какой-то мере, я сам являюсь продуктом деятельности Мирowego банка,

Мировой банк должен активнее проявлять свою позицию, отстаивать точку зрения при формировании государственной политики в части развития инвестиционного климата. Так же он должен взаимодействовать с нашими российскими институтами — Внешэкономбанком и другими, формируя продукты, проекты, которые могут быть востребованы инвесторами. Большую задачу и роль Мирowego банка я вижу при формировании команд на всех уровнях, начиная от верхнего федерального, и до регионального и даже муниципального.

потому что лет десять назад десант Мирового банка в России, в частности в Петербурге, провел обучающую программу, в которой я принял участие. После чего в Петербурге было реализовано несколько международных проектов ГЧП. И наконец работа над формированием таких проектов, их финансирование через свою финансовую структуру, или выступая консультантом. Хотя здесь тоже должен выдерживаться определенный баланс, чтобы не было конфликта интересов через консалтинговые подразделения Мирового банка как стратегического консультанта тех государственных образований, которые будут запускать проекты.

— Андрей, вам слово. Пожалуйста, рост инвестиционной привлекательности того места, где мы находимся, для европейского бизнеса.

— Андрей Иванов: Если смотреть на Россию из-за рубежа, то первое и ключевое конкурентное преимущество, которое оттуда видится, но которым мы еще не умеем пользоваться — это талантливые люди. Эти таланты могут проявиться и привлечь внимание иностранного бизнесмена, инвестора через инновации, через исследования, разработки, научно-технические новшества. При этом вложения в эти новшества и их экспорт не требуют развитой транспортной инфраструктуры. Он происходит вне зависимости от того, на каком расстоянии от рынков сбыта находится этот источник. Чтобы он развивался, нужно воспользоваться проектами, которые обсуждали. Губернатор заявил о трех приоритетных проектах — территориях опережающего развития — это Красноярский инновационно-промышленный космический оборонно-промышленный пояс, Ангаро-Енисейский кластер и развитие северных территорий. Чтобы организовать спрос на инновации, например, в автомобильной промышленности, предъявить требования по

локализации производства автомобилей на территории РФ. Так и условием предоставления развития месторождения и проектов, для которых государство будет системно вкладываться в инфраструктуру, очень много, это нам будет стоить десятки, сотни миллиардов рублей, включить спрос — 10 %–15 %–20 %–30 % рассчитать эту базовую долю для старта — на инновационные разработки, создаваемые на территории Красноярского края.

Отсутствие привлекательных проектов — ключевой фактор. Если вы посмотрите, у каждого, наверное, есть устройство с веб-камерами, а в каждой веб-камере, и в любой в мире, есть доля томских изобретателей мира. И Томск по сравнению с Красноярском с точки зрения транспортной доступности, региональных особенностей и прочего не очень отличающаяся территория. Но разработки, проекты, источники, которые являются уникальными, найдутся в любой точке мира. Я жду таких же красноярских примеров, именно в инновациях. Не с точки зрения развития месторождений, а именно с точки зрения исследований и разработок. Поэтому как только они будут, с удовольствием их назову. Чтобы они случились, предлагаю сделать так, чтобы здесь был организован внутренний спрос — тогда появятся проекты, интересные иностранным бизнесменам. И тут надо включить другую нашу составляющую, транспортную стратегию. Создать инфраструктуру, чтобы для диалога, помимо электронного, у иностранного инвестора была возможность сюда комфортно прилететь на безопасном самолете, за 7-8 минут пройти, как в сингапурском аэропорту, путь от выхода из самолета, до прохождения всех таможенных, пограничных и прочих постов в теплой обстановке, а не лютой зимы. Его в комфортных условиях привезут в качественный отель, накормят достойной европейца

едой и ему будет где повести время, пообщаться и осуществить свой бизнес. Почему это лучше всего сделать европейцу в Красноярске, объясню. Кто заинтересован в российских проектах; если есть федеральный бизнес, то управлять им из Красноярска наиболее комфортно и удобно для всего персонала и управленческого, и находящегося на других территориях. Потому что Красноярск с точки зрения временных поясов находится в центре России. И ты первую половину дня работаешь с частью страны от Петропавловска-Камчатского до Красноярска, а вторую половину дня с Красноярска до Калининграда. А ночью в Европу всё сообщаешь. Издержки на персонал и офис в Красноярске не сопоставимы ни с Москвой, ни с Санкт-Петербургом; дешевле в десятки раз — это также дополнительная инвестиционная привлекательность для европейского бизнеса. Поэтому я, как представитель Европейского Союза, приглашаю именно в Красноярск, чтобы вложиться в инновации, которые в скором времени будут пользоваться огромным спросом, благодаря реализации крупнейших инфраструктурных инвестиционных проектов на территориях опережающего развития, о которых мы на этом форуме говорили два дня.

— Михаил, пожалуйста, ваш взгляд на фундаментальную проблему, на которую нам легко указал представитель гражданского общества, это приоритет права и правовое государство с точки зрения защиты собственности, защиты прав и свобод собственников, что вы скажете?

— Михаил Круг: В какой период мы живем, с точки зрения классификации? Бытует такое мнение, что в Юрский — очень много юристов и экономистов. Поэтому на сегодняшний день это переменяет задачи. Поэтому те две области, в которых у нас больше всего проблем. На законодательном уровне проведена достаточно важная для нашей страны реформа судебной системы, Президентом подписан закон; это важный этап в нашей правовой жизни. Мы это классифицируем как институциональную реформу, которая уже состоялась. Дальше возвращаемся к известному определению, что зависит от качества человеческого капитала: от знаний, умений, квалификации людей, которые благодаря институциональной реформе и закону, который принят, будут заниматься этим делом. У нас неплохие законы, но правоприменительная практика оставляет желать лучшего. Поэтому ключевой в моем понимании ответ на этот вопрос — квалификация людей, которые будут заниматься правоприменительной практикой.

— Ермолай, у вас еще несколько минут побыть заместителем Председательства Правительства. Просьба не принимать пока никаких кадровых решений, а ответить как раз на вопрос, который касается суперзадачи, связанной с созданием системы профессионального образования.

— Ермолай Солженицын: Первым делом соберем совещание, раздадим поручения. Решения не примем, и назначим следующее совещание. Обозначим следующие вещи: скажем, что надо приоритизировать; профессиональное образование — термин широкий. Скажем, что экономистов, юристов и бизнесменов у нас много, бизнес-школы уже есть. Мы скажем, что давайте будем развивать профессиональное образование в тех сферах, где или мы реально можем развивать экономическую деятельность и привлекать инвестиции, или где чувствуем, что это необходимо для обеспечения и повышения качества жизни граждан. И назовем на этом этапе шесть приоритетных сфер, в которых будем развивать профессиональное образование. Первый блок и потенциальная экономическая конкуренция — сельское хозяйство. Второе — горная отрасль с упором на геологоразведку; для этого нужны квалифицированные геологи. В целом инженерный институт высшего качества — MIT, но русская версия. Я бы назвал еще две сферы, нужные для качества жизни: сфера эффективности госуправления, Public Administration. И сфера медицинского образования, потому что мы сами понимаем, что у нас с этим много проблем, и люди уезжают или получают услугу недостаточного качества.

По этим сферам мы назначим ответственных, которые должны будут делать следующее: прийти в шестимесячный срок с некоторой конструкцией возможного проекта. В этой стандартной конструкции, которую мы предоставим как обязательную для исполнения, они должны будут обозначить следующие вещи. Первое, с какими западными партнерами, скорее всего институтами образования, они будут работать вместе для привлечения преподавателей, программ и организации обмена (очень важен будет обмен между студентами на разных уровнях). Второе, каковы партнеры из деловой и профессиональной среды — со стороны спроса. Например, если ты горный институт, то с какими компаниями в России они будут работать по следующим направлениям. Сколько эти компании готовы вложить в финансирование проекта? Во-вторых, привлечь эти компании в формирование

программы обучения. И третье, как они будут взаимодействовать со студентами в процессе обучения, какие возможности будут предоставлены после. Одна из причин, которую могу отметить, почему люди шли в бизнесмены и юристы — потому что они понимали, что там скорее всего лучше заработают, быстрее найдут работу. А не шли на геологов, инженеров, врачей, потому что не понимали, сколько и будут ли вообще там платить. В сегодняшнем мире, мы это видим по Европе, занятость тоже гарантирована далеко не однозначно. Поэтому любые элементы программы обучения, которые привлекают молодых людей и показывают картинку не только внутри этого вуза, а и далее, будут очень ценны. Такое стандартное задание нашим кураторам по направлениям мы бы раздали. Через шесть месяцев провели бы симпозиум, который был бы уже не совещанием, а слетом, включая представителей зарубежных и наших партнеров. Последнее, что надо будет решить на том совещании, это шесть целевых школ: строить на базе существующих, или с нуля, и в каких регионах?

— А есть ли представления о том, где мы сохранили конкурентные преимущества, а где утратили и должны фактически делать с нуля? В случае утраты преимуществ, можем ли мы импортировать модель догоняющего развития? То есть признаться, что у нас больше нет компетенций, и мы хотим получить их теперь с помощью иностранных носителей, которые у нас возобновят научную школу (уже вопрос длительного времени).

— Ермолай Солженицын: Конечно, мы должны не чураться импорта лучших практик, людей, идей. Мы по определению должны стремиться строить один из лучших институтов в мире. Глобальные конкурентные преимущества могут в сельском хозяйстве, потому что у нас много просторов, и производительность там растет. Мы экспортируем зерно, но удельная производительность на гектар или другие индикаторы все равно пока ниже мировых практик. Но мы должны построить это конкурентное преимущество. Есть причина, есть база, на которой мы можем это построить. То же самое с горной отраслью; про нефтянку я не сказал, потому что мне кажется, что там деньги идут, и много взаимодействия с существующими институтами, поэтому я бы не выделил ее в приоритет, там изъяснов меньше. Про медицинскую школу и школу управления — у нас особых конкурентных преимуществ нет, но их надо создавать, чтобы жить лучше.

Отсутствие привлекательных проектов — ключевой фактор. Если вы посмотрите, у каждого, наверное, есть устройство с веб-камерами, а в каждой веб-камере, и в любой в мире, есть доля томских изобретателей мира. И Томск по сравнению с Красноярском с точки зрения транспортной доступности, региональных особенностей и прочего не очень отличающаяся территория. Но разработки, проекты, источники, которые являются уникальными, найдутся в любой точке мира. Я жду таких же красноярских примеров, именно в инновациях.

— Михаил, как превратить транспорт из обузы в источник роста? Как превратить недостатки в конкурентные преимущества?

— Михаил Рутковский: Что касается транспорта, он является важным элементом повышения инвестиционного климата. Зарубежные предприниматели говорили, что трудно прийти в Россию, поскольку есть определенная пропаганда; когда приходят, им нравится — они видят, что местные условия значительно отличаются от тех, которые они представляли. Если посмотреть на источники успеха: затраты высокие, но прибыль тоже, потому что можно все продать по высоким ценам. Это не идет на пользу россиянам, которые эти вещи покупают, потому что конкуренция ограничена по многим причинам, одна из них причин — транспортная сеть. Если кто-то при высоких затратах может что-то производить и продавать в России, то маловероятно, что кто-то другой составит конкуренцию. Легко быть монополистом в среднем российском городе. Как министру транспорта мне кажется, что улучшение транспортной сети увеличит конкуренцию в России и снизит цены. Предприниматели, которые придут в Россию, будут успешны, это будет в пользу покупателей. Я смотрю на развитие транспортной сети и поддерживаю то, что Максим сказал не с точки зрения транспорта самого по себе, но транспорта как источника увеличения конкуренции в России. Это важно, особенно если посмотреть на карту и увидеть, насколько это большая страна. И как легко не иметь конкуренции, потому что нет транспортной сети. Я еще хотел сказать о примере работы в Питере, это хороший

пример, потому что мы были вовлечены в техническую помощь для Правительства. А потом наша сестра — Международная финансовая корпорация — пришла и инвестировала в Пулковку и другие проекты. Мне кажется, мы можем это повторить в других регионах России, в том числе в Сибири.

— Вы сказали о необходимости развития конкуренции везде в сфере транспорта, но насколько помню, Deutsche Bahn не имеют конкурентов и при этом справляются с задачей.

— Михаил Рутковский: С точки Всемирного банка мы поддерживаем программу приватизации. Если она пойдет вперед и объединит части Российских Железных Дорог, это будет шагом вперед, который делает этот институт более современным, и увеличит конкурентоспособность России.

— Вигаудас, у нас в Москве несколько литовцев возглавляют театры, почему бы литовцу теперь не возглавить Министерство финансов? Попробуйте в нескольких словах сказать, как вы видите меры стимулирования, в частности налоговые и тарифные, чтобы оптимизировать структуру расходов?

— Вигаудас Ушацкас: Я думаю, что настоящий замминистра финансов России знает ответ на этот вопрос; думаю, что важно иметь в виду, что Россия является частью глобального мира. Второе, что половина бюджета, если не ошибаюсь, зависит от добычи нефтепродуктов и цены на нефть. И если бы меня спросили, какой должен быть бюджет, он должен ориентироваться на результат. Результат зависел бы от того, каким образом через некоторое время два, три или четыре года были бы видны оче-

видные изменения, и прогресс в производительности труда и в эффективности. Для этого важно инвестировать и из бюджета — это то, о чем говорили и другие коллеги — особенно в образование и в профессиональное обучение. Я говорю о бюджетных инвестициях, особенно имею в виду, что у вас комфортно в том смысле, что развитие гораздо стабильнее по сравнению с другими странами мира. Это инвестиции в улучшение инфраструктуры не только между Москвой и Петербургом, но и в других регионах. И конечно, чтобы бюджетные средства помогли найти российскому производителю место в производительной цепочке создания добавленной ценности как игрока мировой экономики.

— Сергей, не только попросил бы ответить на вопрос как, а еще и на вопрос зачем нужна нам новая индустриализация? Существуют разные модели поведения стран: часть стран, которая некоторое время назад молилась только на Hi-Tech, на Software — вернулась к индустриализации. Ярчайший пример — США, которые возвращают ряд компетенций, которые они разместили в странах с низкой стоимостью труда. Часть стран, как Германия, никогда не отказывалась от индустриальной составляющей и, пожалуй, является страной с наибольшей долей именно индустриального производства в ВВП и структуре экспорта. Потому хотел бы понять — это вариант для России? Россия должна вернуться в индустриализацию? И если да, то как, чтобы не наступать в очередной раз на грабли?

— Сергей Караганов: Сначала общий ответ. Я бы первой рекомендацией принял закон, согласно которого все министры, высшие государственные деятели России выучили наизусть брошюру «Как нам обустроить Россию?» Он двадцать с лишним лет назад точно все написал, что мы не сделали? описал все проблемы, которые мы сейчас обсуждаем, в частности затухание развития, моральный кризис, отсутствие индустриализации. Поэтому выучите, и будет гораздо легче.

Теперь про индустриализацию. Конечно, декану я бы ответил: это должна быть не индустриализация 2.0, а минимум 4.0, потому что ближайшие пять — десять лет ни о какой новой индустриализации речи быть не может. У нас нет для этого ресурсов, мы даже не знаем, что делать по-настоящему. Второе. Нужно смотреть на конкурентные преимущества, а не ломиться в индустриализацию в ситуации, когда у нас с одной

стороны есть Германия с высококачественным накопленным индустриальным капиталом, который они не растратили в отличие от нас. А с другой стороны Восток, в котором еще есть полмиллиарда грамотных, но неиспользованных рабочих. Третье: надо смотреть, что за индустриализация будет через десять лет, когда большинство из присутствующих здесь скорее всего будут иметь личных роботов, и когда роботы будут производить основную часть так называемой промышленной продукции.

Поэтому надо посмотреть, что у нас есть и что будет. Пока есть дорогая рабочая сила, в которую мы к тому же не вкладывались. Поэтому первое, что нужно сделать — вкладываться в самих себя, в рабочую силу, воссоздавать высшее техническое образование высокого качества. Чтобы мы понимали, куда идем и куда должны. Второе — посчитать, куда идет мир, и посмотреть, какие производства будут востребованы. Третье, посмотреть на конкурентные преимущества, а не просто ломиться в индустриализацию. Первое преимущество — это то, что у россиян есть способность к абстрактному и неортодоксальному мышлению. Надо вкладывать в людей, чтобы иметь несколько миллионов вот таких ребят, которые сегодня собирались вокруг этого круглого стола, которые нам могут, наверное, обеспечить рывок через десять лет. Кстати говоря, господин декан совершенно правильно поставил вопрос о том, что надо речь вести минимум о 2024 — 2028 годах, потому что раньше, если мы ничего не сделаем до того, у нас все равно ничего не получится; далее нужно смотреть на следующее конкурентное преимущество, которое у нас есть. Мир при высокой роботизации, при появлении следующей волны технологий, все равно будет потреблять очень много, например, продовольствия. У нас огромные возможности для производства продовольствия на высокой индустриальной основе. Это, кстати, говоря, сверхиндустриализация. Находясь в Сибири рядом с водонедостаточной Азией, могу сказать, что у нас гигантское преимущество — огромное количество водных ресурсов. Развитие водоемких производств и продажа виртуальной воды — например, чтобы произвести тонну химволокна, нужны 2 тыс. т воды. Чтобы произвести некоторые виды металлов, аналогичное количество. Чтобы произвести мясо — 1 кг хорошей говядины — нужно несколько тонн воды. Нужно смотреть, где есть эти преимущества и на них ориентироваться, а не вообще на индустриализацию. Впрочем, мы не имели в виду индустриализацию, о которой твердят в прессе, — о восстановлении великой индустриальной державы, которая производила только вооружение в огромном количестве. В Сибири стоит около пятидесяти шести тысяч танков, которые мы тогда произвели; такой индустриализации точно не нужно. А производство знаний, высоких технологий, высококачественных сервисов для будущего мира, в том числе в области образования и науки. И наконец, производство дефицитных товаров для потребления. Это те товары, которые я уже упомянул, три-четыре группы.

— Не могу не дать слово одному из организаторов и компаний, которые поддерживают форум, «Норильский никель».

— Андрей Бугров: Я ездю из региона в регион и везде "конкурс красоты": у нас самые большие льготы, у нас самые низкие ставки, хотите, мы вам спецрежим создадим. Но нам суперльготный режим не нужен; хотелось бы иметь стабильный фискальный режим лет так на десять плюс, чтобы можно было рассчитать реальную модель бизнеса, а "конкурс красоты" мешает. Если льготы большие, то они недолговечны, их отменяют. Теперь об иностранных инвесторах: не надо их уговаривать даже с помощью Всемирного

банка. Сами придут и попросят, как известно, но когда вокруг будут современные образованные люди, когда вклад малых и средних предприятий в ВВП будет не 15 % как сейчас, а 50 %. В этом основная задача, новый-старый источник роста.

— Важно поддерживать малые и средние предприятия и давать возможность талантливым эмигрантам интегрироваться в экономическую жизнь России. Коллеги, мы исчерпали время нашей Сессии. Я думаю, что мне излишне подводить какие-то итоги. Хотел попросить Аркадия Владимировича, как одного из организаторов, сказать заключительные слова и закрыть XI Экономический форум.

— Андрей Дворкович: Красноярский формат работает, остается интересным, и надеюсь, что будет таким в ближайшие годы, будет приносить пользу тем людям, которые принимают решения о реализации проектов, о том, как вести государственную политику, о том, что в целом делать в жизни. Я сегодня понял, что не хочу работать в McKinsey — мне кажется, что я на своем месте. Просто знаю, что нужно делать, в том числе подпитываясь идеями от всех тех, кто есть вокруг. Мне кажется, этот набор идей, решений, действительно сформулирован и дело за малым — реализовать принятые решения наиболее эффективным образом. Для этого нужны все составляющие, о которых сегодня говорилось: верховенство права, эффективные решения в области бюджетной политики, реализация дорожных карт по улучшению инвестиционного климата, и дороги, которые ведут к улучшению инвестиционного климата, где бы они ни проходили. И люди, которые по этим дорогам идут и реализуют свои таланты, в которых прежде всего и нужно вкладываться.

